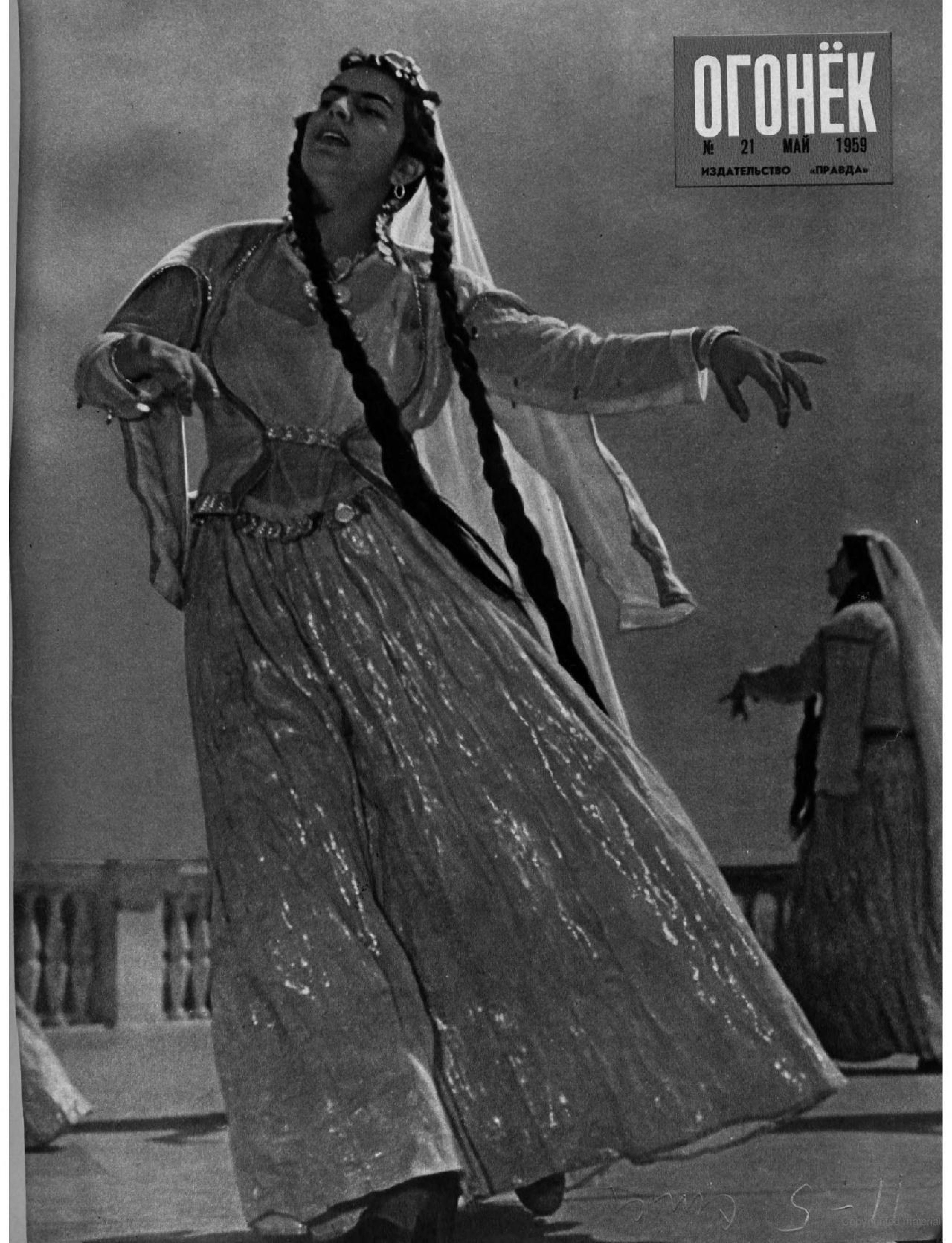

ОГОНЁК
№ 21 МАЙ 1959
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Группа писателей Азербайджана. Стоят (слева направо): Ахмед Джамиль, Ильяс Эфендиев, Расул Рза, Мехти Гусейн, Али Велиев, Осман Сарывелли; сидят: Мирза Ибрагимов, Сулейман Рустам.

Фото Дм. Бальтерманца.

На первой странице обложки: Азербайджанский танец.

На последней странице обложки: Танцевальная сюита «Джуджяларим» («Цыплята») в исполнении ансамбля песни и пляски Бакинского Дворца пионеров. Солистка — пятиклассница Сугра Садыхова. Фото Дм. Бальтерманца.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 21 (1666)

17 МАЯ 1959

37-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

За крупные успехи в развитии сельского хозяйства Украинская Советская Социалистическая Республика награждена вторым орденом Ленина. Награда завоевана самоотверженным трудом миллионов людей, уверенно строящих счастливое коммунистическое общество.

Для вручения республике почетной награды в Киев прибыл Первый Секретарь Центрального Комитета КПСС и Председатель Совета Министров Союза ССР Никита Сергеевич Хрущев. Сердечно и радостно встретили дорогого гостя жители древнейшего из городов нашей Родины.

В Октябрьском Дворце культуры на торжественное заседание Президиума Верховного Совета, Совета Министров УССР и ЦК КП Украины собрались передовики промышленности и колхозной деревни, деятели науки и искусства, представители партийных, советских и общественных организаций, гости из братских союзных республик. Под бурные, долго не смолкающие овации товарищ Н. С. Хрущев вручил представителям Украинской ССР орден Ленина.

В могучую демонстрацию любви и преданности родной Коммунистической партии вылился стотысячный митинг на Киевском стадионе имени Н. С. Хрущева.

В президиуме торжественного заседания, посвященного вручению Украинской ССР ордена Ленина. Киевские школьницы повязывают Никите Сергеевичу пионерский галстук.

Фото Н. Козловского.

Митинг на Киевском стадионе имени Н. С. Хрущева.

ПРЕЗИДЕНТ РЕСПУБЛИКИ ИНДОНЕЗИИ ДОКТОР СУКАРНО во время пребывания в Сочи был гостем Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова, который дал обед в его честь.

На снимке: К. Е. Ворошилов, доктор Сукарно и сопровождающие их лица в парке резиденции.

Фото И. Григорова.

ИЗ СОЧИ В ЯЛТУ Президент Индонезии доктор Сукарно прибыл на крейсере «Михаил Кутузов». Президента встречал Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР А. И. Микоян.

Фото И. Гольдмана и Л. Яблонского.

208 МИЛЛИОНОВ 826 ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК — таково население Советского Союза по данным Всесоюзной переписи на 15 января 1959 года. По сравнению с довоенным периодом численность населения увеличилась на 18,1 миллиона человек. В СССР теперь 1694 города — на 503 больше, чем было двадцать лет назад. Итоги переписи свидетельствуют об огромных успехах нашей страны в области экономики, о неуклонном росте благосостояния и культуры трудящихся.

На снимке: в одном из залов Центральной машиносчетной станции Всесоюзной переписи населения ЦСУ СССР. Сюда поступают сведения из статистических управлений республик, краев и областей Советского Союза. Здесь производится подсчет итогов переписи.

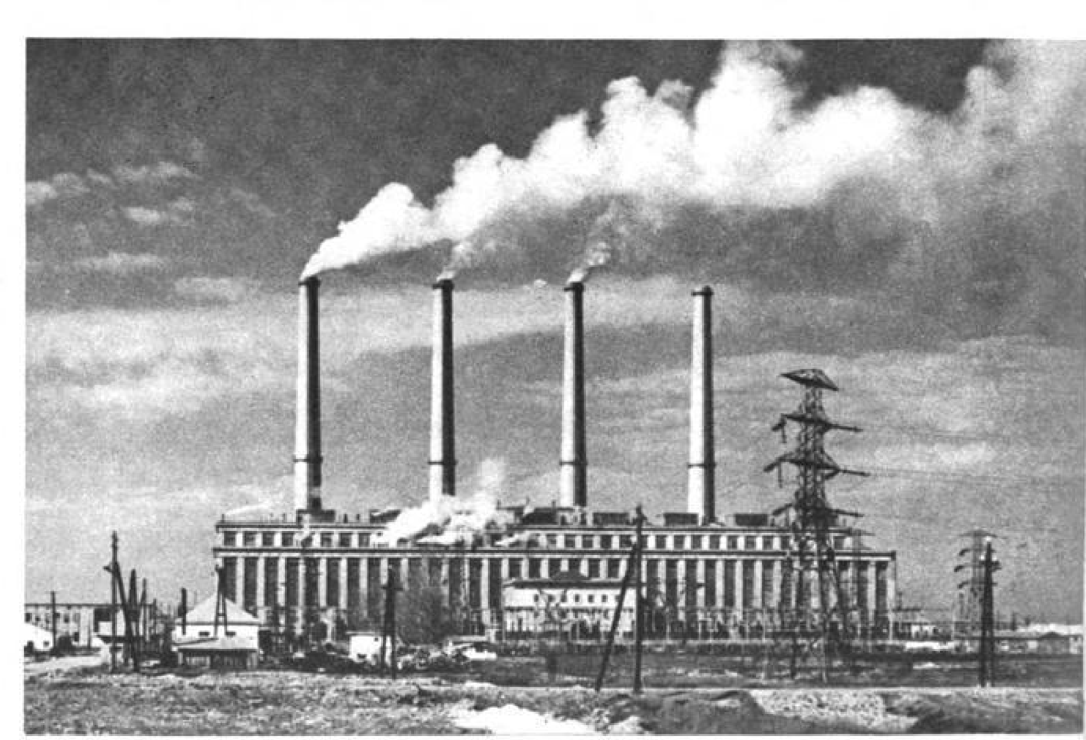
Фото Ф. Коротковича.

С 8 ПО 10 МАЯ В НЕБОЛЬШОМ ГОРОДКЕ ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЕРЛИЦ-ЗГОЖЕЛЕЦ, расположенном у польской границы, проходила конференция профсоюзов и трудящихся Европы за мирный договор с Германией, разоружение и запрещение атомного оружия. В работе конференции приняли участие представители профсоюзных организаций из 26 стран Европы.

Конференция приняла обращение к трудящимся и профсоюзам всего мира. Делегаты профсоюзов и трудящихся Европы направили в адрес совещания министров иностранных дел в Женеве меморандум, в котором призвали их «добиться решающего шага вперед по пути разрядки международной напряженности и обеспечения мира в Европе».

На снимке: Генеральный секретарь Всемирной Федерации профсоюзов Луи Сайян на трибуне конференции.

НЕДАВНО В ВЕНГРИИ в Тисапалкони закончили монтаж последней, четвертой, турбины самой крупной теплоэлектростанции страны. Мощность турбины — 50 тысяч киловатт. Общая мощность станции — 200 тысяч киловатт.

ИМЕНИННИК

Совсем недавно мы отметили пятитысячный оборот вокруг Земли нашего третьего советского спутника. А сейчас он именинник — 15 мая ему исполнился год. Всего год. Но сколько уже сделал научных открытий, сколько тайн космического пространства разгадал этот «годовалый великан» весом в 1 327 кг! «Путешественник» промчался свыше 233 миллионов километров пути. Это более 600 расстояний до Луны, четырех расстояний до Марса в период его великого противостояния, и в полтора раза больше расстояния от Земли до Солнца...

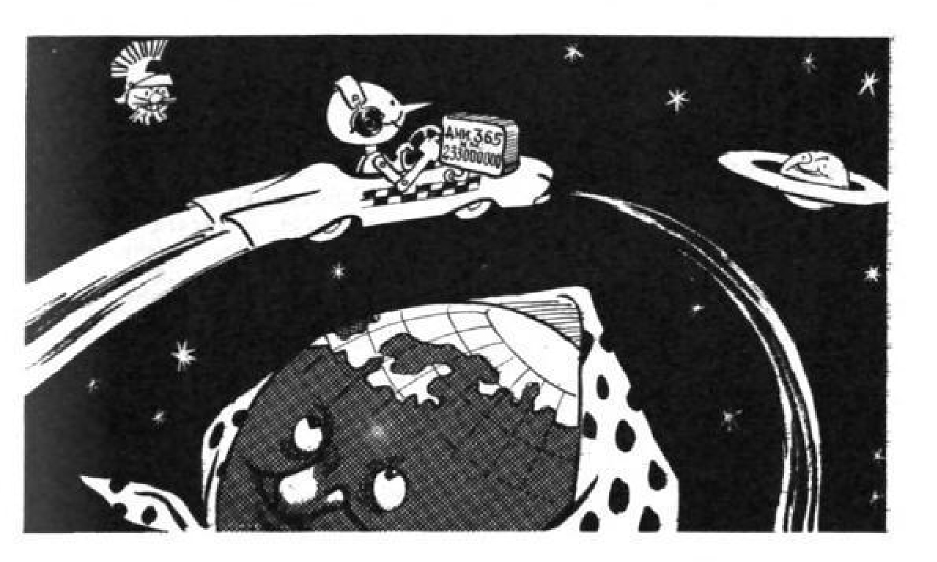
Не случайно к его голосу прислушиваются крупнейшие ученые мира. В электрически заряженных слоях ионосферы на высоте от 200 до 300 км он обнаружил удивительные каналы — «радиоволноводы», по которым радиоволны, попавшие в них, могут обогнуть весь земной шар. Совершенно неожиданным для ученых оказался гигантский электронный «ореол» вокруг Земли. Вновь обнаруженные частицы этого «ореола» движутся с огромной скоростью и обладают энергией до нескольких сотен тысяч электроновольт.

«Великий путешественник» узнал очень много важного для будущих межпланетных путешествий. Он рассказал исследователям новое и о метеорных телах в космическом пространстве. «Метеорную опасность» прежде сильно преувеличивали. Сейчас расчеты показывают, что метеорное тело массой в один грамм может встретиться с межпланетным кораблем лишь один раз за 14 000 часов полета!

Именинник продолжает полет. Ежесуточно несутся на Землю сигналы его радиостанции «Маяк»...

Л. ВАЛЕРЬЕВ

Рис. Е. Ведерникова

В СТОКГОЛЬМЕ закончила свою работу юбилейная сессия Всемирного Совета Мира, посвященная десятилетию движения сторонников мира.

Сессия показала, что народы земного шара полны решимости бороться против угрозы войны, за прочный мир.

На снимке: члены советской делегации на заседании сессии. Слева направо: Б. Полевой, Н. Тихонов, Д. Шостакович.

СОВЕЩАНИЕ МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ происходит во Дворце Наций в Женеве.

На снимке: общий вид зала заседаний.

Фото Центральбильд.

Смотреть вперед

Мы попросили председателя правления Союза писателей РСФСР Леонида Соболева поделиться своими мыслями накануне Третьего Всесоюзного съезда советских писателей. Вот что он рассказал корреспонденту «Огонька».

Я весь под впечатлением недавней поездки на Урал, в Свердловск, где мы проводили выездное бюро правления Союза писателей Российской Федерации. Это были открытые заседания, происходили они поочередно в рабочих клубах, при активном участии читателей, любителей литературы: рабочих, инженеров, людей самых различных профессий.

Когда мы приехали на очередное заседание во Дворец культуры Уралмашзавода, у входа висел большой плакат с двумя объявлениями. Первое — об очередном занятии университета культуры на тему «Как слушать и понимать музыку», а второе — о заседании нашего бюро. На объявления откликнулось большое количество людей. Все это меня очень взволновало. Ведь факты эти, ставшие почти обычным явлением нашей действительности, показывают новое в жизни советского народа, то, что мы, литераторы, должны замечать. Это зримые черты нашего коммунистического будущего, о чем писатель не имеет права молчать.

В работе выездного бюро Союза писателей РСФСР принимали участие тысячи людей, которые любят литературу, болеют за нее и по-настоящему радуются каждому ее достижению. Видел я все это, и у меня возникла мечта: при наших крупных центрах, библиотеках, дворцах культуры, клубах организовать кружки любителей литературы.

И вот, вернувшись с Урала, я хочу еще раз подчеркнуть ту огромную пользу, которую принесли выездные заседания бюро правления Союза писателей. Обсуждение важных вопросов развития литературы происходило не в узком писательском кругу, а публично.

В таком обсуждении насущных вопросов развития литературы, мне кажется, есть и еще одно преимущество. Мы иногда любим говорить о литературе очень сложно, со всякими «измами». Между тем здесь должна быть простота, та, что была в словах Пушкина, Гоголя, Тургенева. Настоящие мысли просты, и мне кажется, что каждую теоретическую мысль можно и нужно высказывать просто.

На местах мы, руководители Союза, знакомимся непосредственно с растущими писательскими силами, и это может помочь быстрейшему развитию их таланта. В этой связи мне хочется сказать об уральце Борисе Ручьеве, безусловно, уже давно сформировавшемся крупном поэте; о молодом поэте маленького северного народа манси Юване Шесталове, чьи стихи впервые появились в печати всего два года назад; о растущем уральском прозаике Вадиме Очеретине, опубликовавшем недавно в журнале «Октябрь» интересный роман о рабочей жизни — «Саламандра».

В чем, мне кажется, должна быть сегодня основная задача писателя?

У нас есть величественная семилетка, программа строительства, которая буквально потрясла весь мир, семилетка больших свершений, нацеленных в будущее, в коммунистическое общество. В свете задач семилетки надо нам строить всю свою работу. Вот почему современность, ее художественное изображение — важнейшая задача, стоящая перед нашей литературой. Тема современности, конечно, существует не только в тех грандиозных делах, которые намечены в семилетке по росту промышленности и сельского хозяйства страны. Она заложена во всем том, что окружает нас, что мы должны создавать для построения коммунистического общества, и прежде всего она выражает становление нового человека, новых человеческих отношений, рождение новой психологии людей.

Во имя того, чтобы поднять значимость тем современности в литературе, и был создан Союз писателей Российской Федерации. Но чтобы писать о современности на том высоком накале, какого она достойна, нужно быть в гуще наших сегодняшних кипучих, трудовых и в то же время поэтических будней. Писатель не имеет права не замечать, как в нашей действительности на фабриках, заводах, колхозах вырастают совершенно новые люди, возникают новые формы труда. Точно так же, как в промышленности из руды добывается золото, так сейчас рождается облик нового человека, с чертами новой, коммунистической морали.

Вот появились у нас бригады коммунистического труда. Сколько в их жизни и борьбе интересного для писателя, по-настоящему желающего подметить явления коммунистического в человеке нашей современности! Но чтобы написать о нем хорошо, надо с этим человеком общаться, видеть его во всем многообразии жизни, подмечать действительные, а не мнимые конфликты.

Писатели должны тесно общаться с людьми, и не в порядке шефства — это не то слово,— а стать их настоящими друзьями, товарищами, бывать у них в гостях и приглашать к себе, ходить вместе в театр и не только, конечно, для того, чтобы через две — три недели написать очерк, а для того, чтобы научиться смотреть на жизнь глазами нового человека, чтобы через год — два у писателя родилась правдивая повесть о том, как росли эти люди. Ибо именно они люди нашего будущего.

Задачи, стоящие перед писателями, требуют большого художественного мастерства, а чтобы достигнуть его, надо уметь видеть и показать нового человека во всей его человеческой красоте. В этом, мне кажется, самая благородная задача советского писателя.

В Свердловске закончило свою работу выездное бюро правления Союза писателей РСФСР. На снимке: сидят — уральские писатели Ю. Н. Шесталов, председатель правления Союза писателей РСФСР Л. С. Соболев, Н. А. Попова, В. К. Очеретин, стоят — О. Ф. Коряков, Б. С. Рябинин и Б. А. Ручьев.

Фото И. Тюфякова.

С НАРОДОМ,

Ян СУДРАБКАЛН

Поистине прекрасная погода установилась к Третьему съезду писателей великой Советской страны. Вступила в свои права календарная весна, однако не о ней сейчас речь, а о погоде общественной, о таком климате ума и сердца, который благоприятствует подъему и расцвету всех творческих сил советских людей. Не то чтобы вдруг исчезли все препятствия, мешающие целиком отдаться мирному строительству, утихомирились враги демократии, и даже сны по ночам снились бы лишь хорошие, но все яснее ощущается, что в мире перевес на стороне добра, правды, прогресса, содружества народов. И советские люди, и среди них писатели, рады и горды, зная, сколь значителен их вклад в это дело. Решения XXI съезда КПСС, доклад и заключительное слово Н. С. Хрущева вызвали весну народной души, новую волну оптимизма, пафос строительства. Впереди раскрываются необозримые возможности для творцов, созидателей нового во всех областях жизни. Советские люди уже говорят о большой, невиданной емкости времени, они уверяют, что грандиозный семилетний план отлично уложится в пятилетку. Очевидно, так и будет.

Писатели собираются на свой Всесоюзный съезд в замечательное, счастливое время.

И в Риге, где в сентябре про-

По странам Европы

Григорий Мелехов и коммунист Давыдов совершили это путешествие раньше Михаила Шолохова. Они обошли мир и, сойдя со страниц книг, входили в дома итальянского рабочего и французского крестьянина, становясь близкими и понятными.

И вот теперь люди Англии, Франции, Дании, Италии, Швеции разговаривали с создателем героев, судьбу которых они узнали по книгам и кинофильмам.

Десятки встреч стали зеркалом, отразившим многогранное своеобразие натуры самого Михаила Шолохова.

Писатель с мировым именем, он интересовался состоянием современной литературы, беседуя с лучшими итальянскими литераторами Альберто Моравиа, Карло Леви, Сибиллой Алерамо и другими. Он говорил на пресс-конференции в

В гостях у французских крестьян.

С ПАРТИЕЙ

шлого года состоялся республиканский съезд писателей, и во Фрунзе, Москве, Ереване и Киеве — везде писатели говорили о том, что народу нужны полноценные произведения, в которых жизнь бьет ключом, со всеми страстями, с героями, которые не являются какими-то застывшими параграфами, сухими догматиками, но живыми людьми.

Советский писатель живет и трудится вместе с народом, у них одни мысли, высокие и светлые мысли о счастье всех трудящихся, о мире и красоте, и его творчество поистине свободно.

Иные молодые писатели стараются уже с первых шагов в литературе освободиться от других обязанностей и работ, чтобы, не накопив еще жизненного опыта, отдаться лишь литературному творчеству. Времени тогда, правда, много, но знаний еще мало. Вилис Лацис с первых лет Советской Латвии трудится на высоком посту председателя Совета Министров республики и находит время для литературы, им созданы замечательные эпопеи о жизни народа.

Обо всем на Третьем съезде будут говорить страстно и открыто, правдиво. Разгорятся споры, а в спорах, известно, рождается истина. Могу поделиться с читателями лишь отдельными, немногими мыслями.

Вечно новой для советского писателя будет мысль о нерушимой связи народа с Коммунистической партией. В руководстве партии писатель чувствует бессмертие ленинской мысли, мудрость создателей действенной, воодушевляющей философии и политической программы рабочего класса. И партия вправе теперь, когда началась реализация семилетнего плана, ждать самой активной помощи от писателей. В семилетке каждый должен найти свое место, свои задачи и разрешать их со всем жаром, энергией и мастерством, какие отпущены на его долю.

Увидит иной человек на полке у товарища серые тома «Нюрнбергского процесса» и сморщится: «Неужели еще не надоело? Все поросло уже травой. Не надо бередить старые раны...» Тома толстые и серые, но на каждой странице горит кровь, дымятся развалины... И где-то у далекого небосклона ослепительным пламенем вспыхивает Хиросима.

У космополитической буржуазии действительно куриная память, деньги заслоняют у нее и честь и славу отечества, но матери замученных жертв не могут забыть смерти своих детей, и правильно сделали наши немецкие друзья, сохранив близ гетевского Веймара как мрачный памятник фашистского изуверства Бухенвальд. Греки недаром матерью муз называли Мнемосину, богиню памяти. Один из сборников стихов Райниса, созданный в швейцарском изгнании, называется «Те, которые не забывают». Шпейдели в овечьих шкурах всегда и повсюду мерзки.

Признаюсь, прочитываю все, что пишется о первой и второй мировых войнах, о гражданской войне. «Скучно», «интересно» — тут обозначения неприменимые, все это жжет сердце, учит зоркости. Нужны хорошие книги о прошлом.

Но на первом, на самом первом плане — современность. Советская жизнь, богатая и меняющаяся у нас на глазах, советские люди, строители нового мира, требуют самого пристального внимания, и вся советская литература должна быть повернута лицом к нашим дням, к современному человеку. Уже созданы в последнее время такие произведения.

С увлечением прочел я роман Галины Николаевой «Битва в пути». Там люди борются и побеждают, у сильных свои слабости, но в гуще событий, больших и мелких, сияет золото правды, прекрасный оптимизм советских строителей коммунизма. Александр Твардовский в своих стихах вскрывает раны, бичует пороки, но увлекает, все побеждает пафос новых далей.

На Первом съезде писателей РСФСР Леонид Соболев хорошо сказал: «Нет писателей центра и периферии, есть писатели Российской Федерации!» Слова эти смело можем расширить и говорить о единстве целей, о содружестве и сотрудничестве всех национальных литератур Советского Союза. На состоявшихся республиканских съездах писателей неоднократно высказывалась мысль, что это содружество и сотрудничество надо непрестанно укреплять и развивать. История не знала до сих пор такого чудесного и крепкого сообщества народов, такого свободного и стремительного расцвета культур даже самого малого среди них.

Советская братская семья народов, ее сплоченность радуют, волнуют сердце. Но дружбу можно и следует расширять, углубить. Мало еще сильных, ярких книг о дружбе советских народов, о великой, славной роли русского народа в советском содружестве, о совместной борьбе рабочих всех краев под руководством русского пролетариата в царское время, о боевой дружбе на полях сражений, о значении русского языка в жизни всей братской семьи, о национальных героях, о славных национальных традициях, о достижениях всей братской семьи.

Короткая память в некоторых случаях наносит страшный вред. Порочны, преступны часто беспечность, слишком уж широкая терпимость. Может быть, найдутся люди, которые поморщатся уже при упоминании о ревизионизме. Нет, борьбу с ревизионизмом советским критикам нужно еще усилить. У мещанства, у буржуазного национализма, у ревизионизма сотни видов, тысячи лазеек, невинных и крошечных на вид, куда, казалось, и клоп не пролезет, а откуда протягиваются щупальца спрутов.

И снова и снова, думая о задачах писателей и о развитии литературы в свете решений XXI съезда партии, мы приходим к одним и тем же главным выводам. В романах, рассказах и драмах нужны герои волевые, бесстрашные борцы, неустанные труженики, и их души не должны походить на сухие, увядшие цветки из гербария; в их жилах, в сердце пусть чувствуется жизнь.

«Правда» в апреле писала: «Сама действительность дает сейчас такой материал для творчества, о котором могли только мечтать художники прошлого. Современная им жизнь не знала и не могла знать такого героя, который вырос в условиях социалистического общества и стал его типичным, характернейшим явлением. Он всюду — там, где живет, творит, трудится советский человек. В созидательной, творческой деятельности на общее благо, в борьбе за коммунизм раскрываются лучшие его качества».

Биение сердца этого нового человека должно чувствоваться в творчестве писателей. Каждый из них должен избрать и освоить свой путь, свой подход к современной жизни, облюбовать для себя свою современную тему, сродниться с героями своих произведений. Архивы расскажут о прошлом в любое время, но тысячи деталей, богатства советской души, порывы и подвиги советской молодежи могут быть сохранены для потомства только очевидцами, и не бесстрастными, посторонними, а горячими участниками событий, строителями нового мира.

Встретился я недавно со старым другом, и он не жаловался на свои недуги и семейные неполадки, а скорбел и, как бы сказать, сердился на обилие событий советской жизни, больших и малых, прекрасных и волнующих его сердце. Он желал бы быть и у Ангары и в Магнитогорске, трудиться и в лабораториях и шахтах, быть на море и с балтийскими и тихоокеанскими рыбаками и неизменно приходил к заключению, что для этого имеется один лишь способ — трудиться не покладая рук на своем участке. Так трудятся уже десятки лет советские писатели, и книги, созданные ими, захватывают сердца людей, ведут вперед человечество.

Вместе с народом, с партией писатели, художники, артисты строят новый мир.

Лондоне о необходимости общения писателей мира.

Знаток крестьянской жизни, он посещал фермы Турени, он обсуждал как специалист виды на урожай во французской деревушке Узуер-ле-Марше. А на английской ферме в Мейденхеде подсчитывал удои молочного скота.

Один из знаменосцев социалистической культуры, он представлял ее во время недели советских фильмов в Париже, когда французы увидели новую драматическую страницу его творчества — фильм «Судьба человека», поставленный по его рассказу.

Советский гость среди итальянских литераторов. Крайний справа — Альберто Моравиа.

На пресс-конференции в советском посольстве в Лондоне.

И всюду люди тепло приветствовали его, поклоняясь огромному таланту и видя в писателе носителя гуманистических идей, определяющих сущность нашего народа.

Во французской деревне Шолохову подарили семена сахарной свеклы, которая даст ростки на донской земле. И тогда кто-то из присутствующих крестьян сказал: «А ваш приезд заронит новые семена дружбы в землю Франции».

Как и после многих посещений советскими людьми стран земного шара, новые ростки дружбы взойдут в тех краях, где побывал гость из Советской страны.

ЛАВА без людей

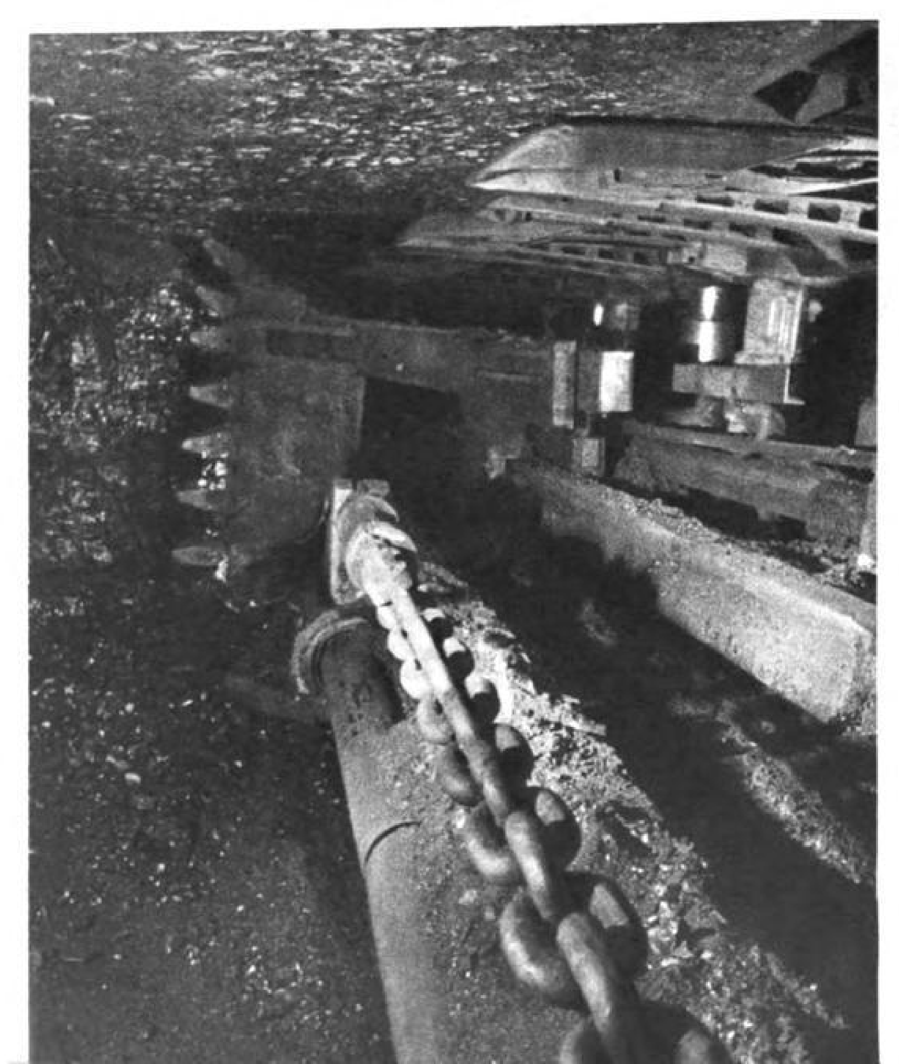
Гидравлическая крепь агрегата «А-2» в шахте «Ново-Моспино».

Опубликованное в печати сообщение о созыве 24 июня 1959 года Пленума Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза вызвало по всей стране горячий отклик советских людей.

ЦК КПСС решил внести на обсуждение Пленума ЦК вопрос о мероприятиях по выполнению решений XXI съезда КПСС о внедрении комплексной механизации в промышленности и строительстве, автоматизации производства, введении поточных линий, замены устаревшего оборудования, штампов и инструментов в целях дальнейшего расширения промышленного производства и строительства, повышения качества выпускаемой продукции и снижения ее себестоимости, а также стоимости строительства. Будет также заслушан доклад Государственного комитета Совета Министров СССР по химии о выполнении постановления Пленума ЦК КПСС от 7 мая 1958 года об ускорении развития химической промышленности и особенно производства синтетических материалов и изделий из них для удовлетворения потребностей населения и нужд народного хозяйства.

Опубликование сообщения о Пленуме ЦК КПСС за полтора месяца до его созыва дает возможность партийным, советским, хозяйственным организациям, всем работникам нашей социалистической промышленности и строительства всесторонне обобщить первый опыт практического осуществления решений XXI съезда КПСС по тем вопросам, которые будут обсуждаться на Пленуме ЦК, вскрыть имеющиеся недостатки, выявить новые резервы и привести их в действие.

Угольный струг.

Ал. ИОНОВ

Фото Л. Азриеля

Когда-то мне довелось работать в шахте, и я помню, каким изнурительным и опасным был труд зарубщика, отбойщика и особенно саночника или тягальщика.

Затем в шахтах появилось немало машин и механизмов: саночника заменил конвейер, коногона — электровоз, забойщика — угольный комбайн. Но никак не удавалось устранить или хотя бы облегчить труд крепильщика в лаве. С каким упорством старались одолеть эту задачу конструкторы, сколько было тут поисков и неудач! И вот группа инженеров во главе с А. Л. Туричем и В. К. Смеховым наконец-то создала агрегат, который полностью механизирует все процессы добычи угля и даже управления кровлей.

...Мы приехали с инженером И. Л. Элькиным, ведущим испытания нового угледобывающего агрегата, на донецкую шахту «Ново-Моспино». Подземный трамвай, или, как называют шахтеры, «карета», несется по уклону вниз, к участку, где действует агрегат «А-2». В лаву мы протиснулись сквозь узкое отверстие меж горных пород и очутились у самого угольного пласта. Лампы-надзорки осветили простирающуюся на десятки метров ровную колоннаду, образованную двумя рядами металлических стоек. Толстые и приземистые, они напоминали тумбы. Мы находились под землей на глубине около 400 метров. Над нами висели тысячи тонн породы.

— Зя-а-атюшков! — зычно прокричал инженер.— Сними одну стружку.

В лаве что-то зашумело, будто хлынул дождь: из отверстий трубы, проложенной у подножия стоек, на пласт угля под большим напором летела водяная пыль. Потом как бы ожил и стал погромыхивать конвейер, глухо лязгнули и упруго натянулись тяжелые корабельные цепи, и вдоль всей лавы пробежал струг— подобие огромного лемеха с выдающимися стальными клыками. Желоб конвейера доверху наполнился углем — это струг срезал с пласта полоску угля толщиною в десять сантиметров.

Струг быстро пролетел в обратном направлении — к нижнему штреку, зачищая с почвы и наваливая на конвейер остатки угля. Почти тотчас над нами что-то захрустело, посыпались мелкие обломки породы, и вдруг железное основание крепи и сами раздвижные гидравлические стойки поползли вперед, к пласту.

Добравшись до нижнего штрека, я увидел пульт. Это небольшая стальная коробка с системой манометров, кнопок и рукояток. У пульта сидел молодой машинист Борис Зятюшков. Он-то и управлял всеми процессами, какие мы только что наблюдали в лаве. Где-то на штреке находились послушные его воле магнитная и насосная станции. Нажатием кнопки или поворотом рукоятки он включал и выключал электродвигатели, изменял давление масла в гидравлических магистралях, и в лаве приходили в движение конвейер, струг, гидравлическая крепь.

Когда так называемая забойная крепь «шагнула» к пласту восемь раз, помощник машиниста Владимир Поляченков взял легкий торцевой ключ с изогнутой рукояткой и начал передвигать одну за другой секции основной, бутовой крепи. Едва он без особого усилия поворачивал ключ, верхняя часть стойки, как в телескопе, плавно вдвигалась в нижнюю, вся секция перемещалась почти на метр к пласту, и стойки снова раздвигались, надежно подпирая каменную кровлю.

Из шахтного телефона громко, как из радиорепродуктора, изредка слышались голоса — то переговаривались машинист и его помощники. Действовали они ловко и дружно. Все они, чувствовалось, гордятся тем, что им доверили осваивать столь важную техническую новинку, хотя шахтеры они молодые.

Шахта «Ново-Моспино» стала местом своеобразного паломничества. Здесь побывали горняки из Болгарии, Китая, Чехословакии, из Воркуты, Иркутска, Караганды, Луганска, Тулы, Шахт... Инженеры и техники, они увидели, какие великие экономические выгоды сулит угледобывающий комплекс «А-2». А один из инженеров, убедившись, что этот агрегат в корне изменяет сам характер труда шахтеров и впервые по-настоящему сводит все дело добычи угля к простейшему и безопасному управлению механизмами, сказал кратко:

— Я видел сегодня в лаве технику будущего.

Машинист агрегата «А-2» Борис Зятюшков и руководитель испытаний инженер И. Л. Элькин у пульта управления.

Фото Ф. Каминского.

Кони ЗИЛЛИАКУС,

член английского парламента

Я часто бываю в Манчестере. Поездки к избирателям стали обычными.

На первый взгляд может показаться, что трудно отличить одну от другой. Но это не так: в каждой поездке всегда есть что-то новое, особенное. В этих заметках я хотел бы поделиться впечатлениями о двух примечательных поездках.

В конце января я сел в поезд Лондон — Манчестер, расположился в купе и развернул вечерние газеты, купленные на вокзале.

Сразу на меня повеяло тем возбуждением, которое возникает в печати каждый раз, когда случается что-то очень важное. На первых страницах под крупными заголовками были статьи о докладе Н. С. Хрущева на XXI съезде Коммунистической партии Советского Союза о семилетнем плане.

Я много лет изучал, насколько был в силах, положение в Советском Союзе. Я знал многое о достижениях советского народа и целях, которые он перед собой ставит, встречался с руководителями СССР и, в частности, имел честь во время последней поездки туда беседовать с Н. С. Хрущевым. И когда в наших газетах появились сообщения о том, что XXI съезд Компартии Советского Союза созывается на конец января, я сказал друзьям в палате общин: «Ждите чего-то очень большого. На съезде будет рассмотрен семилетний план, и капиталистический мир почувствует, что это серьезная штука!»

Я глядел на заголовки вечерних газет. Да, теперь уже не приходилось жаловаться, что английская пресса игнорирует то, что происходит в Советском Союзе. XXI съезд, если пользоваться терминологией аэродинамики, преодолел барьер «беззвучия» английской печати.

Газеты отмечали самое поразительное в семилетке: предстоит сокращение, а в дальнейшем ликвидация налогов; будет осуществлена 35-часовая рабочая неделя, при этом реальная зарплата вырастет на сорок процентов; будет построено 15 миллионов квартир в городах и 7 миллионов домов в деревне; промышленное производство возрастает за семь лет на 80 процентов. Обо всем этом громко кричали заголовки.

Статьи, репортажи, обзоры подчеркивали: то, что провозглашено на XXI съезде, будет выполнено в ближайшие семь лет, выполнено реально — прежний опыт Советского Союза уже не оставляет никаких сомнений.

«Два положения господствовали в уверенной речи Хрущева на съезде, — писала консервативная «Ивнинг стандард».— Первым было решительное провозглашение новых экономических планов, вторым — подчеркивание необходимости смягчить международную напряженность».

«Каждый новый металлургический завод, — читал я в другой газете, — каждая новая электростанция, перечисленная в семилетнем плане, будет усиливать стремление русского народа избегать политики, которая могла бы вызвать угрозу войны. Курс взят на экономическое соревнование и расширение экономических связей».

Меня очень интересовало, что думают обо всем этом мои товарищи по лейбористской партии в Манчестере, с которыми я увижусь сегодня вечером. Поймет ли наконец наш народ и, поняв, обрадуется ли этому триумфу дела социализма и мира?

Наступил уже короткий зимний вечер, когда поезд проезжал через сельскохозяйственные районы Юга и приближался к промышленному «черному поясу», который тянется через Северную Англию и окружает Манчестер.

Наконец Манчестер. Я окунулся в туман и темноту, чтобы поймать автобус, — мне предстоял путь в пять миль до моего избирательного округа, населенного преимущественно рабочими.

Я приехал тогда из Лондона, чтобы выступить на собрании местных лейбористов, посвященном предстоящим выборам. В своей речи я много места отвел советскому семилетнему плану, его значению и тому, какие уроки мы должны из него извлечь. Слушавшие меня проявили такой огромный интерес и такое сердечное одобрение семилетнего плана, что пришлось обратиться с просьбой в отдел печати советского посольства предоставить мне некоторое количество экземпляров изданного посольством в английском переводе доклада Н. С. Хрущева на XXI съезде, чтобы удовлетворить огромную жажду моих друзей в Гортоне ознакомиться с ним.

Назавтра я посмотрел воскресную газету «Рейнольдс ньюс». Она так подытожила отношение лейбористского движения к советской семилетке:

«Запад находится на пути к проигрышу экономической борьбы с коммунизмом... Русские выигрывают потому, что не громоздят искусственных барьеров для замедления производства. Они полностью управляют своей экономикой. Запад оставляет людей и машины без дела, поскольку использование их не является «прибыльным»... Вся болтовня, — продолжала газета, — насчет «свободы» в духе консерваторов (то есть свободы рук для тех, кто живет рентой, процентами и прибылями. — К. З.) не есть ответ на экономический вызов коммунистов».

Манчестер жил тогда идеями доклада Хрущева на XXI съезде КПСС. Уроки, которые вытекают из решений этого съезда, глубоко проникли в сердце английского народа, две трети которого составляют промышленные рабочие.

Эта очередная моя поездка в Манчестер оставила большой след в моей душе. Но особо знаменательной, внутренне тесно связанной с первой оказалась поездка, которую я совершил в марте, сопровождая наших советских гостей — группу депутатов Верховного Совета СССР, возглавляемую Михаилом Андреевичем Сусловым.

Манчестер оказал советским друзьям поистине великолепный прием. Город даже угостил их солнечным днем — удовольствие, редкое у нас всегда, но совершенно необычное в это время года! Солнце помогло Манчестеру выглядеть не то чтобы красивым — тут не помогла бы никакая сила,— но достойным и солидным, с разбросанными тут и там красивыми зданиями, площадями, изящными парками.

Манчестер был когда-то колыбелью промышленной революции. В наше время его длинные закопченные склады, узкие в большинстве улицы, уставленные чопорными казенными зданиями, мрачное великолепие его викторианской ратуши, центральная библиотека, университет — все это напоминает о золотом веке британского капитализма, когда он был дерзок и величествен, хотя и весьма далек от того, что мы понимаем под словом «красота».

«Хороший старый торговый город», — ответил товарищ Суслов одному молодому манчестерцу, которому не терпелось узнать мнение гостя о нашем городе.

М. А. Суслов и Б. Н. Пономарев приехали в Манчестер в субботу утром ночным поездом из Лондона. Я их встретил в Манчестере, на вокзале Лондон-Роуд, мрачном, гулком здании, похожем на пещеру. После завтрака в Мидлэнд-отеле, лучшем в Манчестере, мы были приняты в ратуше лорд-мэром. Он показал нам сувениры, напоминающие о поездке в Ленинград делегации манчестерского муниципального совета во главе с тогдашним лорд-мэром (они сменяются ежегодно) и об ответном визите делегации Ленинградского Совета, возглавлявшейся товарищем Смирновым.

Затем начался осмотр города; роль гидов взяли на себя два старших муниципальных советника. Мы ехали в «роллс-ройсе» лорд-мэра — карете уже далеко не первой молодости, но выглядевшей торжественно, с гербом Манчестера, на котором сверкало изречение: «Содружеству и труду».

В прошлом делегации советских

Товарищ М. А. Суслов делает запись в «Золотой книге» Манчестерской ратуши. Рядом с ним — Б. Н. Пономарев, крайний справа — Кони Зиллиакус.

выдающихся деятелей приезжали по приглашению какого-либо официального органа и имели мало возможностей, либо вовсе их не имели, встречаться с простыми людьми на квартире, на месте работы или на отдыхе. Простые люди в Англии — это рабочие, они составляют более двух третей населения.

На этот раз приглашение исходило от Англо-Русского парламентского комитета, неофициальной организации, созданной лейбористскими членами парламента в 1918 году под лозунгом «Руки прочь от России!». Мы (а я член этого комитета) решили, что наши гости и товарищи должны на этот раз встречаться с английскими рабочими, и они получили эту возможность.

После утренней поездки мы были гостями на открытии ежегодной конференции Ланкаширской и Чеширской федерации профсоюзных советов, представляющих около полумиллиона членов. Мы были приглашены Эллисом Смитом, председателем федерации, который с тридцатых годов состоит членом парламента и Англо-Русского парламентского комитета.

Эллис Смит был литейщиком и цеховым старостой на большом машиностроительном заводе «Метро-Виккерс» близ Манчестера. Всю жизнь он неизменный друг Советского Союза и еще в молодые годы участвовал в подготовке всеобщей забастовки, которая заставила правительство Ллойд Джорджа прекратить интервенцию в России. Он впервые побывал в СССР в двадцатых годах, когда положение молодой Советской республики было очень трудным.

В своей приветственной речи, обращенной к нашим советским гостям, он трогательно говорил об этом и о том, как во время массовой безработицы в тридцатых годах советские заказы на машинное оборудование избавили его и многих его друзей от того, чтобы сесть на пособие по безработице или оказаться на иждивении благотворительных обществ. Он от всей души приветствовал советских товарищей, зная, что говорит от лица каждого делегата, сидящего в зале, и от тех рабочих, которых они представляли. Его речь была покрыта бурными аплодисментами...

Ответное слово товарища Суслова было выслушано с напряженным вниманием всеми 150 делегатами — слышно было, как муха пролетит. Он говорил просто, с подкупающей прямотой говорил о том, что английские рабочие стали на сторону русской революции, против интервентов и помогли нанести им поражение; говорил о дружбе по оружию наших двух стран во второй мировой войне; о жажде мира, которую одинаково испытывают народы Англии и Советского Союза; о великих достижениях советского народа и о еще более обширных задачах, которым они посвящают себя теперь, осуществляя семилетний план.

— Нашему правительству, Верховному Совету СССР и профессиональным союзам не приходится обсуждать проблему безработицы, — сказал товарищ Суслов.

Это был лишь один из моментов в его речи. Но я убежден, что эти слова глубоко запали в души слушателей и они передадут их ланкаширским рабочим, у которых есть что вспомнить о недобрых днях массовой безработицы и есть основания бояться того, что эти дни могут повториться.

Товарищ Суслов отвечал потом на вопросы — а их было много, — и все они носили дружелюбный характер. Он отвечал откровенно, ясно, с юмором и человеческой теплотой и, судя по аплодисментам, вполне удовлетворил аудиторию. В конце собрания выступила жена Эллиса Смита. Она сказала, что выступает как ткачиха, и поднесла товарищу Суслову букет орхидей, выращенных в доме, построенном руками Тома Брауна, тоже ланкаширского рабочего и профсоюзного деятеля, который сейчас является членом парламента от лейбористской партии.

— Этот маленький подарок, — сказала жена Эллиса Смита (а сам Эллис с гордостью смотрел на нее со своего председательского кресла), — я преподношу от всего сердца от нас, английских рабочих, нашим советским товарищам.

Все встали и отвечали одобрительными возгласами и аплодисментами. Для нашего флегматичного севера это была весьма яркая демонстрация! Эллис Смит потом растроганно сказал мне: «Какова моя старуха!»

Мы отправились в мой избирательный округ Гортон и побывали у нескольких рабочих на дому. «Этого я не забуду до конца жизни», — восторженно писал мне впоследствии один мой молодой друг, почтовый служащий. Он с женой принимал у себя советских гостей, угощал их чаем и беседовал с ними, как со старыми друзьями. «Наши советские гости любят детей», — говорили потом хозяева.

Мы заглянули в один из городских домов для престарелых, неспособных жить самостоятельно (муниципалитет предпочитает систему небольших домов, на 30—40 человек каждый, чем большие здания: это создает для стариков атмосферу, близкую к домашним условиям, насколько это возможно). Товарищ Суслов имел теплую беседу с группой стариков в возрасте от 70 до 90 лет, которые сидели кружком в своих креслах и энергично дымили трубками.

Гости побывали еще в нескольких домах рабочих, а затем отправились на большой газовый завод, принадлежащий Национальному угольному управлению, и там тоже беседовали с рабочими.

Вечером лорд-мэр дал в ратуше в честь советских гостей банкет, на который пригласил 9 членов парламента от Манчестера (5 лейбористов и 4 консерваторов), олдэрменов, старших советников и всех знатных людей города (я слышал потом, что люди прямо-таки дрались за право получить приглашение). Присутствовало около 140 человек, наполнивших до отказа большой банкетный зал. Как отметил лорд-мэр, Манчестер показал, как высоко он ценит визит выдающихся советских гостей и какие теплые чувства испытывает к великой стране, из которой они приехали.

Эта теплота была проявлена еще раз, когда выступил с речью товарищ Суслов. Он говорил снова просто, с глубоким чувством и предельной искренностью о нашей боевой дружбе во время войны, о бедствиях и разрушениях, которые она принесла, и о нашем общем стремлении к миру, который необходим всем.

Присутствующие торжественно и горячо ответили на тост «за мир», и это было нечто далеко отличающееся от обычной атмосферы банкетов у лорд-мэра и произносимых там официальных тостов.

Время шло, банкет длился, и меня охватывало беспокойство: программа предусматривала после банкета визит в лейбористский клуб в Дентоне, где гостей ждало несколько сот рабочих. Кроме того, у советских товарищей был очень перегруженный день вчера в Лондоне; они, должно быть, неважно выспались ночью в поезде, а потом провели не менее заполненный день в Манчестере. Часы показывали уже половину десятого вечера, а в клубе начало было объявлено на 9.15. Они, разумеется, захотят вернуться в отель и отдохнуть, а не ехать за семь миль в лейбористский клуб.

Но советские товарищи, хотя и устали, не захотели разочаровывать тех, кто с таким нетерпением ждал их. И вот мы долго ехали в темноте, пока добрались до низкого кирпичного здания, залитого огнями, и были встречены шумными приветствиями: целое море улыбающихся лиц, люди, стремящиеся пожать руку гостям. Их провели во внутреннюю комнату с баром, где вокруг небольших столиков сидели пожилые рабочие с женами за кружками пива или сладких напитков, с трубками или сигаретами в зубах и вели мирные беседы. Мы все получили по кружке пива. Начался большой спор, кому первому пить за здоровье гостей. Все новые люди приходили и присоединялись к дружескому разговору рабочих с гостями. В соседнем большом зале для собраний молодежь собралась на обычный субботний вечер танцев под местный оркестр.

— Теперь нам удалось повидать, как развлекаются английские рабочие, — заметили советские друзья.

На следующий день, в воскресенье, — посещение большой муниципальной коневодческой фермы в Уайтеншейве, потом завтрак с Северо-Восточным региональным советом лейбористской партии, на котором присутствовал Эньюрин Бивен. Он выступил в этот день на лейбористском митинге в самом большом зале Манчестера — «Фритрэйдхолле». Там присутствовали товарищи Суслов, Пономарев и остальные наши гости. Как горячо откликнулись собравшиеся, когда узнали о присутствии советских товарищей! Они толпились вокруг гостей, чтобы пожать им руки и выразить свои дружеские чувства. Как говорят у нас, свой своего узнает всегда.

Мы возвращались в Лондон вечерним поездом, усталые, но счастливые. В Манчестере есть поговорка: «То, что Манчестер думает сегодня, Англия будет думать завтра». И верно: Манчестер выразил в концентрированной форме то, что становилось все яснее по мере того, как продолжался визит советских друзей. Огромное большинство английского народа жаждет мира. У него неизменно теплые, дружеские чувства к Советскому Союзу, и англичане рады каждому случаю высказать эти чувства.

Такова реальность, противостоящая всяким извращениям правды о Советском Союзе и лживой пропаганде, столь характерной для капиталистической печати.

Поездка советских парламентариев в Англию показала это воочию. Подавляющее большинство англичан искренне хочет, чтобы рассеялись тучи холодной войны, чтобы два великих народа подали друг другу руки в совместной борьбе за мир, за человеческое счастье.

Картины азербайджанских художников-станковистов поражают смелостью сочетания красок, порою рискованного: красное и оранжевое, синее и лиловое, розовое и желтое... В то же время художники-азербайджанцы обладают удивительным чувством цвета. Они находят такие оттенки, такие «созветия», что картины их производят впечатление редкостной гармонии и изящества. ...Главное в их картинах — именно цвет — яркий, звонкий, иногда знойный, как солнце над Азербайджаном.

И на каждом холсте — люди. Мужчины и женщины, дети и старики... Люди в труде и на отдыхе... Портретные изображения, сюжетные картины... А ведь совсем недавно, всего каких-нибудь сто лет назад, изображение человека считалось тягчайшим грехом — так повелевал коран.

Сейчас, в 1959 году, в мастерских азербайджанских художников невольно вспоминаешь, что ведь искусство их очень молодо. Но, несмотря на молодость, оно высокопрофессионально и самобытно. Вот один из натюрмортов Х. Мамедова, яркий, солнечный, радостный. Золотистый фон, небрежно брошенная бирюзовая ткань, лиловый виноград, золотые дыни и алый, с синими бликами арбуз.

Непременный атрибут бакинского пейзажа — нефтяные вышки. Труд нефтяников — одна из основных тем азербайджанских художников. Хафиз Мамедов изобразил в картине «Полдень на промысле» момент отдыха рабочих-нефтяников. А Беюк-ага Мирза-Заде показал целую серию картин и этюдов, где запечатлен самый момент их труда. Остров Артем. Нефтяные камни. Вышки. Палящее солнце. Соленые брызги. Воздух, как бы дрожащий от зноя. И люди, с азартом, со страстью делающие свое дело...

Мирза-Заде показывает мне десятки этюдов... Здесь те же Нефтяные камни, только краски другие, ракурс чуть иной... Интересно следить за мыслью художника, за поисками наиболее удачной композиции, цвета и света.

Из мастерской Таги Тагиева тоже не скоро выберешься. Сколько чудесных и разных вещей предлагает вашему вниманию художник! Баку летом, залитый ослепительным солнцем; тот же уголок города зимой — дома и море как бы задернуты мутноватой мглой. Детский портрет: маленький человечек с огромными глазами, словно распахнутыми в этот удивительный мир. Девушка-работница с лукавой усмешкой. Отдыхающая женщина...

«Радость» — так назвал Михаил Абдуллаев свою картину, словно пронизанную спокойным вечерним светом, материнской улыбкой, радостью труда, отдыха, мира...

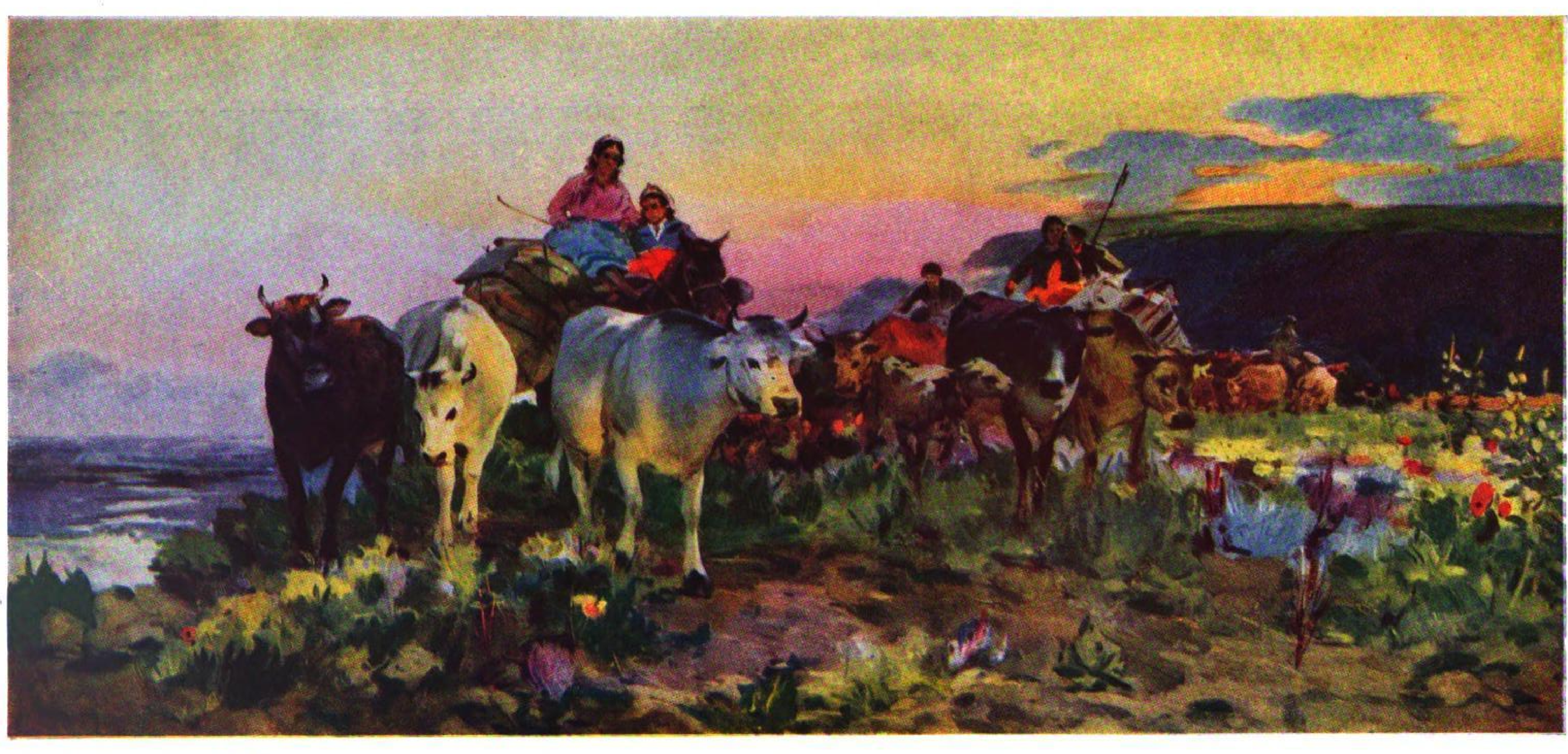
Во время Азербайджанской декады москвичи увидят работы многих художников, свидетельствующие, что искусство этого народа — глубоко реалистичное — никогда не переходит в бытовизм, мелочность. Оно овеяно высокой поэзией, оно очень ритмично и музыкально. Эти ритмичность и музыкальность, вероятно, черта чисто национальная. Ее чувствуешь не только в музыке и в танце, но и в картинах художников — в гармонии линий и цвета.

Н. СМОЛИЦКАЯ

ЖИВОПИСЬ ХУДОЖНИКОВ АЗЕРБАЙДЖАНА

М. Г. Абдуллаев. РАДОСТЬ.

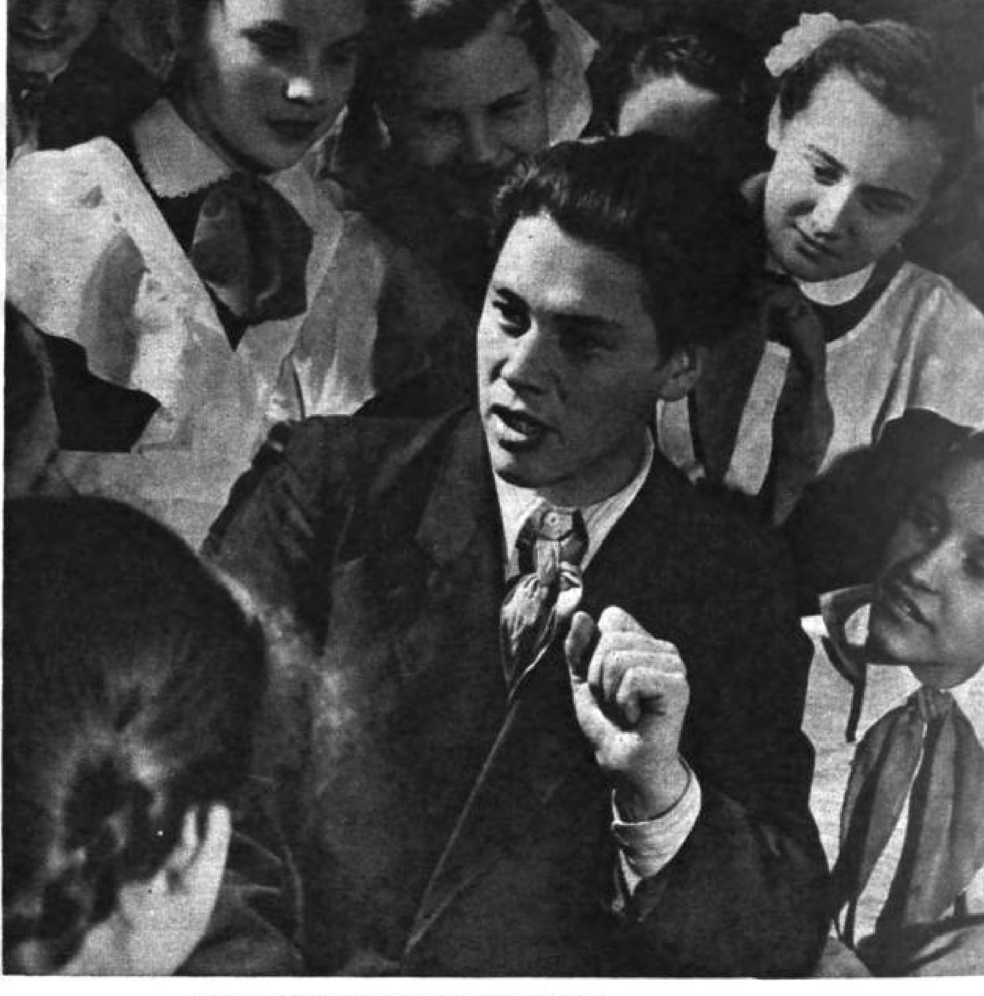
Н. Г. Абдурахманов. НА ЭЙЛАГЕ.

В Московском горкоме комсомола нам показали маленькую красную книжечку. Оказалось, что это путевка, такая же, как на целину и стройку. Путевка вожатого в школу.

Когда-то вожатыми в школу приходили парни и девушки «из жизни». Это были строители, колхозники, механизаторы, рабочие фабрик и заводов. И дети гордились ими. Мечтали быть похожими на них.

И вот сегодня вновь возродилась эта хорошая комсомольская традиция. Снова в школу вожатым идет рабочий.

Об одном вожатом московской школы мы и хотим рассказать.

Валентин Терехов пришел в класс...

Фото И. Тункеля.

В ОТРЯД ПРИШЕЛ ВОЖАТЫЙ

Н. ТАРАСЕНКОВА

Еще какую-то минуту назад все казалось очень просто. Вот он, Валентин Терехов, войдет в класс, и сразу же начнется у него с ребятами хороший, задушевный разговор.

Ребята смотрели на него дружелюбно. Терехов понял: они ждали его. Но было в их взглядах что-то настороженное, точно до его прихода они долго говорили о нем, а теперь хотели все это высказать: «Ты пришел к нам вожатым, но, честно говоря, все это не совсем обычно. До того все вожатые учились с нами в одной школе, и мы видели их каждую перемену, а ты пришел к нам с завода, совсем чужой человек...»

— Давайте поговорим. Расскажите о себе, как работал отряд,— сказал Терехов.

Класс молчал.

— Ну, кто первый? Или будем играть в молчанку?

Снова молчание. А через несколько секунд мальчишеский густой басок:

— А мы вас видели на летней эстраде. Вы пляшете здорово!

— Да, пляшу и вас научу. Вот что, друзья мои, пожалуй, так нам будет трудно познакомиться и подружиться. Давайте-ка пойдем в поход,— предложил Терехов.

Класс дружно и весело подхватил:

— В поход, в поход!

Лес, лес и лес...

— Устали? — спрашивает Терехов.— Может быть, сделаем привал?

— Ну что ты, Валя! Ты же обещал нам еще препятствия. Скоро?

— Если не встретим препятствий, не беда, придумаем сами.

...Так прошел день. Ребята и раньше умели разжигать костер. Но Валя научил их делать это в несколько раз быстрее. И еще научил он их, как в несколько приемов можно быстро и ловко вскарабкаться на дерево и набрать шишек... И как придумывать препятствия, а потом брать их.

Здесь же, в лесу, начались танцы. Вожатый показал ребятам несколько танцев. И они все разучивали их на большой мшистой поляне. Они пели так, что уже под вечер все охрипли.

...Ночевать попросились к одной хозяйке на сеновал.

В дверях сарая застрял кусок неба с двумя яркими звездами. Дана команда спать. Несколько минут полнейшее молчание. И вдруг вопросы снова градом посыпались на Терехова. Оказывается, не наговорились за целый день.

— Валь, а Валь! Сколько лет ты уже работаешь на заводе?

— Семнадцать.

— Правда, что тебе уже тридцать два? Нам сказали, а мы не поверили.

— Правда,— смеется Терехов.

— Тогда ничего, что мы вас... мы на «ты».

— А как же иначе, я же ваш товарищ.

Стало вдруг как-то очень хорошо на душе оттого, что подружился с ребятами за несколько дней, что они потянулись к нему...

— Валя, а ты кто?

— Шлифовальщик.

— А разряд какой?

— Седьмой, универсал.

— А токарем можешь, да? И тоже универсал?

— Валя, а что значит универсал?

— Позор, такие вещи спрашиваешь! — перебивает чей-то возмущенный голос.

— А что позор? Не знаешь — лучше спроси.

— Валя...

— Ребята, давайте вопросы перенесем на завтра. А сейчас спать. Спать...

И кто-то в глубине сарая сказал негромко, словно для себя:

— Семнадцать лет работает... Значит, биография у него длинная-длинная...

А Терехов всегда считал, что биография у него очень короткая. И началась она именно с того незабываемого дня в военкомате. «Говорят, нельзя. Тебе только пятнадцать, иди домой. Собери книжки, и в школу. Ступай». При чем здесь пятнадцать? Почему нельзя? Когда война, когда все идут на фронт...

Во дворе своего дома он застал товарищей. Они сидели на бревнах и возмущенно молчали. Потом разговор был коротким. Раз не берут на фронт, все равно в школу не возвращаться, а идти работать.

Так начиналась его биография. Завод. Ученик электромонтера. Давалось легко: отчим— инженер-электрик, дома специальных книг — завались. Читал их подряд. Скоро сам стал учить новеньких.

Потом учился на токаря. Дали пятый разряд, а через некоторое время—шестой. Потом седьмой—универсал.

Прошло много рабочих лет. Несколько специальностей изучил Терехов: токарь, фрезеровщик, строгальщик и, наконец, шлифовальщик-универсал.

Хорошо входить в большой инструментальный цех и чувствовать, что все машины подвластны тебе!

А образование? Только шесть классов. И это всегда не давало покоя. Казалось невероятным пойти учиться в школу рабочей молодежи, когда перерыв целых шестнадцать лет. И все-таки пошел в седьмой. А через год был зачислен студентом техникума. Сейчас на втором курсе. Еще два года — и он технолог по холодной обработке металла. Терехов дал себе слово все время идти вперед. Он дал такое слово и на собрании, когда его принимали в партию. Валентин волновался и выступал, как ему казалось, очень несолидно. Прошло уже много лет, но хорошо помнится, как сказал тогда: «Только от комсомола сразу отойти не могу, слишком много связано с ним». И ему ответили: «И не надо отходить: будешь помогать комсомолу».

Теперь он уже член партии с девятилетним стажем. Но все равно до сих пор не может отойти от комсомола. Каждый день бывает в комитете. Как-то заглянул туда, остановился у дверей. Шел спор. Обсуждали кандидатуры пионервожатых. И кто-то из членов комитета комсомола, увидев Терехова, крикнул:

— Ребята, вот из кого бы вышел мировой вожатый!

И все хором закричали:

— Верно!

Терехов рассмеялся.

— По возрасту не подхожу. Да и потом техникум. Шутите, что ли?

— Нет, вполне серьезно. Иди, Валя. Ведь интересно. Вот тебе 8-й «А».

— Что вы, в самом деле? Знаете, что некогда.

— Ну, ладно, все равно ведь придешь, мы тебя знаем.

И он действительно пришел на другой день и спросил как бы невзначай:

— Ну, так в какую мне школу?

...8-й «А» уже начал проходить практику. Раз в неделю ходили в депо Москва-Сортировочная. Ребята хвастались перед вожатым новыми словами — «втулки», «форсунки»,— рассказывали, как они моют подшипники, а ведь это тоже, оказывается, надо уметь.

— А знаешь, Валя, главное, что нам хочется? На тепловозе покататься.

«Детвора, какая еще детвора!» — улыбаясь, думал Терехов. И все-таки тот же Женя Якунин и Толя Валетов, которые хотят покататься на тепловозе, уже выбрали себе профессию. Занимаются они в клубе юных моряков в группе мотористов. Мечтают после школы пойти на теплоход. А Тамара Кучерявых, как она полюбила свой токарный станок! И добилась, что, когда рабочие уходят на обед, ей полностью доверяют станок.

Детвора, которая уже делает шаг в юность. И как многое надо сейчас подсказать ей!

Новый роман азербайджанского писателя Мехти Гусейна «Черные Скалы» рассказывает о наших днях, о жизни и труде бакинских нефтяников, борющихся за освоение богатейших месторождений.

В центре романа молодой нефтяник Таир Байрамлы, бурящий первую нефтяную скважину на отдаленном каспийском островке. Таир и члены его бригады, молодые нефтяники Самед, Теймур, Эдик, опытный геолог Шейда Иманов, секретарь райкома Тарлан Исмаиллы, уста Рамазан олицетворяют передовые силы советского общества. Их поддерживают секретарь горкома Асланов и крупный инженер, один из руководителей Азнефти, Кудрат Исмаил-заде.

Писатель разворачивает перед читателем картину острой борьбы нового со старым, отжившим. Это отжившее предстает в романе в зловещем образе карьериста и самодура Моллаева, обманным путем пробравшегося к руководству. Моллаев окружил себя подхалимами и невеждами. Борьба за ленинские нормы партийной жизни — один из важнейших мотивов романа.

Ниже печатается глава из романа.

Мехти ГУСЕЙН

Рисунки В. МЕДВЕДЕВА.

Каждый раз, когда открывали новое месторождение нефти, сердце Шейды Иманова трепетало. Он чувствовал себя солдатом, в рукопашной схватке одолевшим врага.

Люди, посвятившие себя служению народу, поймут это благородное чувство, тем более что Шейда никогда не гонялся за славой. Радость честно выполненного труда уже сама по себе была для него вознаграждением: с тех пор как он поверил, что на Черных Скалах есть богатейшие залежи нефти, он не находил себе покоя. И теперь, когда мощный черный фонтан взвился вверх, Шейда закричал, как сумасшедший: «Нефть! Нефть!» Он обнял Таира, затормошил, чмокнул в измазанную мазутом щеку и глубоко вздохнул, вытирая проступившие слезы.

Радость была всеобщей, даже Теймур, забыв о своей грусти, обнимался с Эдиком. Тот, хохоча и подпрыгивая, выкрикивал на родном языке любимые свои словечки:

— Ай шантга! Ай лавтга!

Жаль, что не было музыки: все обязательно пустились бы в пляс.

Но недолго длилась эта восторженная радость. Когда ребята бросились вперед, чтобы закрыть фонтан, он вдруг превратился в огромный черный столб дыма... Пламя охватило буровую...

Труден был этот неожиданный переход от радости к беде. Вырвавшись из объятий Шейды, Таир безотчетно кинулся к буровой. Гудящее пламя опалило его лицо, и он невольно отпрянул назад. За ним бросились к огню и другие, но и они вынуждены были отступить: чтобы бороться с таким пожаром, недостаточно одной смелости...

Таир что-то крикнул Самеду. Нарастающий грохот пожара заглушил его слова, но Самед понял двоюродного брата и побежал к культбудке: надо было сообщить в город о катастрофе, вызвать пожарных. Бушевавшее пламя могло испепелить все и вся.

Не подумав об этом, Гамид, один из молодых рабочих, слишком близко подбежал к огню. Его охватило пламенем. Он тут же отскочил, но было поздно: по земле катался живой факел. Одежда Гамида была пропитана нефтью и мазутом... Товарищи в ужасе срывали с него горящие клочья, но огонь уже жег лицо, руки, грудь...

Юноша даже не кричал. Его без сознания понесли в дом, кое-как уложили, оставив, по совету Шейды, раны открытыми. Теймур с перекосившимся лицом наклонился над ним:

— Как назло, врача нет...

Гамид открыл смутные глаза и застонал. Таир и Шейда услышали его хрип:

— Все пропало... погибло...

Никто не произнес ни слова. Люди стояли над обгоревшим товарищем. До них доносился страшный рев пожара. Гамид опять застонал от невыносимой боли. Теймур, а за ним Таир и Шейда вышли, не в силах видеть его страданий.

Весь остров был окутан густым, жирным дымом. На глазах разведчиков погибало открытое с таким трудом богатство. «Выживет ли товарищ, удастся ли спасти скважину?» — подавленно думал каждый...

Иманов боялся, что помощь с суши запоздает, тогда может произойти еще большее несчастье: если начнется норд, огонь распространится по всему острову. Он никому не говорил о своих опасениях, но Таир и другие понимали это не хуже него. Некоторые, видя, как мучается их товарищ, ощутили страх:

— Скоро нас затянет черной тучей. Мы задохнемся в дыму. Лучше кинуться в море!..

Эдик горько усмехнулся:

— В море? Значит, по-вашему, легче утонуть, чем задохнуться от дыма?

— Друзья,— вмешался Шейда,— когда мы сюда направлялись, мы были готовы к любым трудностям. Мужайтесь!.. К нам придут на помощь...

Советовавший кинуться в море торопил:

— Пока есть время, разберем дом; может, на досках удастся доплыть до берега.

Таир Байрамлы возмутился:

— Трус! Разве на доске проплывешь сто километров?

Но чувство страха постепенно овладевало всеми, в том числе и Таиром.

Неверно думать, что сильные и упорные натуры не испытывают страха в минуту грозной опасности. Они умеют подавлять страх. И даже перед лицом смерти сохраняют самообладание.

Большинство этих молодых бакинцев старалось держаться бодро.

В это время из культбудки вышел Самед. Он сообщил, что пожарная команда отплыла. На борту находится врач.

Рабочие вздохнули с облегчением.

Пожар продолжал бушевать, дым, окутывавший остров, почти не рассеивался. Становилось трудно дышать.

Наконец к острову подошли три судна с пожарными. Началось тушение. Врач и медсестра занялись обгоревшим.

Островитяне помогали пожарным. Началась упорная война с разбушевавшейся стихией. Без сна и отдыха люди два дня и две ночи подряд поливали буровую мощными струями воды, забрасывали торпедами.

И они победили огонь. Пожар утих. Но Шейда был в отчаянии: он узнал, что Гамид умер на пути в город... И он не находил себе покоя. Он представлял себе, как будут злорадствовать возражавшие против разведки на Черных Скалах. Они теперь будут обвинять Кудрата Исмаил-заде, спекулируя на этой смерти...

И действительно, Моллаев не терял времени.

Кудрат встретился с Аслановым у дверей зала заседаний. Друзья поздоровались и тут же разошлись.

Моллаев еще не появился. Кудрат огляделся: кроме членов бюро, здесь почти никого не было. Видимо, Моллаев пригласил только своих сторонников. Зал был пуст. Да и не все члены бюро были здесь. Может, им ничего не сообщили?

Кудрат поискал глазами Асланова — он стоял в стороне, разговаривал с кем-то. Их взгляды встретились, и Кудрат по озабоченному виду Асланова понял: будет нелегко...

Неожиданно из боковой двери вышел Моллаев с черной папкой в руке. Негромкий разговор мгновенно оборвался. Два человека вслед за Моллаевым быстро прошли вперед и заняли места за столом президиума. Никто, в том числе Кудрат, не знал их: они, кажется, приехали из Москвы.

И вот уже Моллаев по своему обыкновению скрестил руки за спиной и расхаживал, перебирая четки. Вдруг он спросил:

— Исмаил - заде здесь?— Как будто он до сих пор ни разу не видел Кудрата. Глядя на него в упор, он переспросил:— Пришел или не пришел?

Кудрат встал:

— Я здесь...

Моллаев прохрипел в зал, как бы предрешая:

— Стоило ли его вызывать? Ему место в тюрьме, а не в партийном доме!

Кудрат побелел. С необычайной ясностью, дающейся твердым людям в минуту смертельной опасности, он понял, что сейчас на карту поставлена вся его жизнь, его труд и любовь — все, ради чего стоило жить. Он был сыном партии. Партия учила его прямоте и стойкости. Он верил в себя, в свой народ, и это сейчас придавало ему такие силы, которых он и не подозревал в себе. Твердо, даже вызывающе он отпарировал:

— Оказывается, вам все известно заранее?.. Зачем же меня, действительно, вызвали?

Он был исполнен решимости и негодования. Кто-то рядом сидевший шепотом посоветовал не разъярять Моллаева.

Кудрат отмахнулся.

Моллаев, сделав вид, что ничего не слышал, обратился к членам бюро:

— Что советуете? Обсудить вопрос Исмаил-заде здесь или же передать в прокуратуру?

Члены бюро молчали, никто не намерен был взять на себя ответственность за несправедливое решение. В общей тишине раздался спокойный и настойчивый голос Асланова:

— Раз Исмаил-заде вызван, надо обсудить здесь!

Моллаева словно ошпарили кипятком:

— Вы слышите? Асланов берет под свое крылышко преступников! Он все время пытается нам мешать... На этот раз ему, однако, не удастся!..

Асланов потребовал слова. Он встал у трибуны. Неторопливо и веско прозвучало начало его речи:

— Я не знаю, о каком преступлении идет здесь речь. Если вы хотите обсудить мое поведение, что ж, и об этом можно поговорить. Но сегодня был вызван Исмаил-заде. Вы его в чем-то обвиняете. Мне неизвестно, какое преступление он совершил. Прошу объяснить...

Моллаев прервал его:

— Разве ты не знаешь, что из-за безответственности Исмаил-заде погиб рабочий? Весь город знает об этом, а ты нет. Очень странно! И кого ты хочешь обмануть этой наивностью? — Моллаев обернулся к двум незнакомым товарищам, указывая на Асланова:— Скажите, можно ли верить ему?

Глаза всех устремились на этих незнакомцев, но они хранили молчание.

Моллаев продолжал:

— Этот Асланов переворачивает все вверх дном. Он мешает нам спокойно работать!

Было ясно, что Моллаев пытается заранее опорочить Асланова и тех, кого он защищает.

Но Асланов не уходил с трибуны, он терпеливо ждал.

— Я могу говорить?

— Никто не прерывает тебя! — вынужденно заметил Моллаев.— Говори!

Асланов продолжал так же веско и спокойно:

— Я знаю, почему так скоропалительно поставлен вопрос об Исмаил-заде. Товарищ Моллаев пытается сделать преступниками всех недовольных его руководством и заткнуть им рот! Он прекрасно понимает, что этим «преступникам» в кавычках есть что сказать!.. Я хочу, чтобы вы знали: товарищи, сидящие здесь, являются руководителями особой комиссии, приехавшей из Москвы!

По залу пронесся шепот. Асланов переждал, пока он затихнет, и продолжал в настороженной тишине:

— Может быть, Моллаев еще в силах запятнать товарища Исмаил-заде перед самым началом работы комиссии. Но это принесет мало пользы, вернее, это нанесет большой вред делу. Мне кажется,— Асланов повысил голос,— в истории нашей республики начинается новый этап!

Один из членов комиссии, худощавый, в очках, бросил реплику:

— Мы не намерены вмешиваться в ход заседания...

— Если так, начнем обсуждение! — ответил Асланов и сел на свое место.

И обсуждение началось. Моллаев в резких выражениях объяснил, в чем он обвиняет Кудрата Исмаил-заде, по своему обыкновению извращая факты в свою пользу и не щадя человеческого достоинства обвиняемого.

Затем слово взял Кудрат. Верхняя его губа часто вздрагивала, люди видели, как он волнуется.

— Товарищи, скажу прямо: в гибели молодого рабочего есть и доля моей вины. Скажу лишь, что, отправляя бригаду на Черные Скалы, мы все понимали, что люди будут подвергаться опасности.

Моллаев перебил:

— Кто это «мы»?

— Я и Шейда Иманов. Мы знали, что столкнемся не только с противниками новой разведки, но и со стихийными силами природы...

Моллаев опять перебил:

— Значит, вы намеренно посылали рабочих на смерть?

Всем стало неловко от этой передержки.

Кудрат продолжал:

— Мы знали, что в этом трудном деле могут быть и жертвы. Какая большая победа завоевана рабочим классом без жертв?.. Я говорю с болью в сердце: кровь погибшего рабочего для меня все равно что моя собственная,— ведь и я, товарищи, тоже сын бакинского рабочего!

Голос Кудрата сорвался.

Моллаев, почувствовав, какое впечатление произвели эти слова, крикнул:

— Здесь не спектакль! Не сентиментальничайте!

— Да, здесь не театр. И я не актер. Но у меня сердце в груди, а не камень!

Кудрат замолчал, стараясь проглотить комок в горле. Измученный переживаниями последних дней, он не мог дальше говорить, и не потому, что у него не было слов... Асланов, видя эту заминку, встревожился: ему показалось, что его друг потерял самообладание. Он многое отдал бы за возможность ободрить его, помочь хотя бы единым словом.

Он тревожился зря. Кудрат заметил улыбку Моллаева, почувствовал радость в его глазах, и это придало ему силы. Он со спокойной решимостью произнес:

— Если я виновен,— не боюсь самого тяжелого наказания. Но невозможно скрыть преступление и того, кто распорядился приостановить бурение на Черных Скалах.

Моллаев потемнел.

— Это, по-твоему, преступление? — спросил он угрожающе.

— Да, преступление перед государством, перед народом. Это — издевательство над памятью рабочего, погибшего на Черных Скалах!

В начале заседания Моллаев был уверен, что Исмаил-заде будет просить пощады. Контратака Кудрата была для него неожиданностью. Зато Асланов радовался твердости своего друга.

Моллаев бросил четки на стол. Лицо его стало страшно.

— На Черных Скалах работу приостановил я! Надо вырвать разведку из рук авантюристов и поручить ее настоящим коммунистам!

Как будто все начиналось сначала... Когда-то, споря с Халиловым, Кудрат слышал это же слово. Тогда авантюристом называли того, кто верил, что на Черных Скалах есть нефть. А теперь Моллаев называл авантюристами людей, которые ценою тяжелых усилий и потерь нашли эту нефть.

Неожиданно заговорил очень старый человек с отвислым подбородком и словно отполированным черепом. Он редко бывал на бюро. Сейчас его, видимо, возмутил тон Моллаева. Тряся головой, он возразил:

— Нет, по-моему, основания так нажимать на Исмаил-заде!

Моллаев чуть не подпрыгнул:

— Вот оно как! И ты, значит, защищаешь?..

— Да, защищаю... Война имеет свои законы.— Старик перевел дыхание.— Бывает командир, который одерживает победу с небольшими силами, но неверно называть его преступником, если он в бою теряет солдат!.. Да, неверно!

Старик отдувался, обессиленный этой длинной фразой.

Моллаев кусал губы: «Старая лиса, месяцами болеет, на кой черт сегодня явился?»

— Послушай,— не сдержался он,— откуда ты выкопал это? Из архива?

Старик возмутился:

— Из архива? История Красной гвардии для тебя лишь архивные бумажки?

Этот диалог вызвал улыбки.

Слово опять взял Асланов, и многие подумали, что это он привел сюда почетного красногвардейца.

Асланов говорил долго. Он во всех подробностях остановился на истории Черных Скал. Его слушали с напряженным вниманием. Моллаев бесился, но вынужден был молчать.

— Я считаю,— закончил Асланов,— что Исмаил-заде не совершил никакого преступления!

— Пой ему дифирамбы у себя дома! — под конец не выдержал Моллаев.

— Он мой друг, и я это не скрываю, ибо Кудрат Исмаил-заде — честный человек и хороший коммунист!

Моллаев опять не вытерпел:

— Не слишком ли легко раздаешь оценки?

— Он эту оценку заслужил своей жизнью и трудом!

Сражение между Аслановым и Моллаевым разгоралось... В конце концов Моллаев не решился поставить на голосование свое предложение.

Бюро так и не приняло определенного решения.

На следующий день особая комиссия начала свою работу.

Прошло два месяца. Теперь уже обсуждался вопрос о самом Моллаеве.

На заседании председательствовал Асланов. Один из самых больших концертных залов города был заполнен до отказа.

Таир Байрамлы сидел в последнем ряду. Он переживал странное состояние. Казалось, все это снится ему...

Два месяца он не работал. Его вызывали в контору бурения, хотели послать на другой промысел, но он, по совету Иманова, каждый раз отказывался. Несмотря ни на что, он верил, что вернется на Черные Скалы. Молодой мастер навечно связал свою судьбу с судьбой далекого острова... Ему снились море, скалы, буровая. Он пробуривал сто—сто двадцать метров, дрался с волнами штормового моря и, внезапно просыпаясь, рассказывал Лятифе свои сны... Члены бригады не забывали его, часто приходили в гости, делились новостями. Всех волновал один и тот же вопрос:

— Пойдем ли мы вновь в море?..

Время шло. Казалось, Таир и его друзья вынуждены будут расстаться со своей мечтой...

И когда Таир узнал у Шейды Иманова, зачем созван актив партийной организации, он своим ушам не поверил. И вот теперь коммунисты, один за другим поднимающиеся на трибуну, клеймят Моллаева, а тот сидит, оглушенный и потрясенный тем, что говорится о его страшных преступлениях.

Нет, люди не преувеличивали вины Моллаева, наоборот, многое еще было скрыто от их глаз. Моллаев тайно следил за теми, кого вызывали к себе члены комиссии, более того, действуя привычными для него методами, он подсылал к вызываемым подозрительных женщин, фабриковал двусмысленные фотографии, чтобы как-то скомпрометировать показания против него. Он еще надеялся на помощь. Но борьба шла к концу.

Избавляясь от долгого гнета моллаевщины, партийные активисты, рабочие, нефтяники смело говорили правду: Моллаев — негодяй, его надо судить!..

Моллаев сидел в президиуме, обхватив голову руками. Иногда по старой привычке он бросал реплику, но чаще молчал, бессильный перед людьми, которых он до сих пор считал беспомощными.

Собрание бушевало. Оно напоминало бурную реку. Ярясь и пенясь, она разрушала плотину, открывая себе путь... Могучие волны этой реки, подхватив Моллаева, били его о крутые скалы.

Асланов предоставил слово уста Рамазану.

Старый мастер не торопясь поднялся на трибуну, протянул руку к стакану, отпил глоток. Он молчал, смотрел в зал. Шторм затихал. Наступила тишина.

Уста Рамазан, указывая на микрофон, который стоял перед Моллаевым, попросил:

— Прошу убрать. Когда я говорю, Моллаев всегда прерывает меня, а я теряюсь и не могу высказать то, что на душе...

Старый мастер не хотел никого смешить, но зал расхохотался и зааплодировал.

Микрофон убрали.

— Вот сейчас мы стали равными. Я скажу — ты слушай. Ты скажешь — я тоже послушаю...

Опять раздались аплодисменты: уста Рамазан мстил за многих...

— Не сегодня-завтра я, как говорится, свою жизнь подарю вам... Когда человек стареет, он очень крепко хватается за жизнь. Таковы уж люди. Но смерти, товарищи, я не боюсь. После меня останутся уста Джамиль, уста Самандар, уста Таир, уста...

Многие из учеников старого Рамазана сидели в зале. Каждому хотелось услышать свое имя, но старик не смог вспомнить имена других своих учеников...

— Одним словом, многие мои ученики останутся — их очень много в Баку. Да и не только в Баку, но и в Татарии, в Башкирии работают мои дети. Когда умру, будет кому поднять и нести мой гроб. Пусть горюет тот, кто после своей смерти, как говорят поэты, ничего не оставит, кроме горьких воспоминаний... Моллаев из таких, он одинок, никто, когда он умрет, не вспомнит его добрым словом!

Уста Рамазан отпил из стакана.

— Можно было многие грехи простить ему, но никогда я не прощу ему одного: вы знаете, далеко от Баку, на Черных Скалах, наши ребята нашли богатую нефть. Вот уже ровно два месяца, как Моллаев приостановил там бурение только потому, что молодежь, работавшая в море, не нравилась ему...

Кто-то с места крикнул:

— Ай, уста, ты мельчишь!..

Уста Рамазан подхватил:

— Верно, Таир! Это ты сказал, сынок?.. Верно. Что такое Черные Скалы? Лишь один небольшой каменный островок. Нам не надо забывать о другом черном камне — вот он! — И старик протянул руку в сторону Моллаева.— Он, этот черный камень, преграждал нам путь, путался в ногах, мешал идти вперед... Но не горюйте, друзья мои! Мы отбросим этот камень с дороги... Никто никогда не в силах унизить наш рабочий класс. Но признаемся, друзья, мы не всегда внимательно смотрели, кто это путается у нас в ногах... Отныне мы будем бдительней, еще увереннней пойдем вперед!

Зал задрожал от аплодисментов.

Уста Рамазан сказал, обращаясь к Таиру:

— Пора в море, сынок! Черные Скалы ждут тебя. Помни, тебя ждет большой и нелегкий труд!

Все смотрели на Таира. А он испытывал в этот миг полноту счастья. Перед его затуманенными глазами возникал новый удивительный город, раскинутый в далеком море, на Черных Скалах.

Спустя неделю, ранним февральским утром, от пристани отошел караван кораблей...

На палубе «Невы» стояли наши знакомые: Кошкин, Иманов, Трофим Михайлович, Самед Байрамлы, Эдик, Теймур, Таир...

Дыша морозным воздухом, Таир тихонько напевал: «Уступи нам дорогу, голубой Хазар».

Авторизованный перевод с азербайджанского А. ПЛАВНИКА.

Из азербайджанских поэтов

Моя бессонная ночь

Сулейман **РУСТАМ**

Этой ночью, как обычно, ждал меня мой стол.
Как тропу, нашел я строчку и по ней пошел.

Язычок пера точеный робок был сперва,
Но потом заговорил он — хлынули слова.

И стихи низались в строки, радостно-легки,
И выстраивались строфы, как солдат полки...

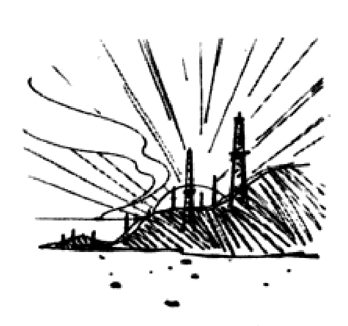
Спали все мои соседи, и жена, и сын,
Спали звезды на деревьях — я не спал один.

Папиросный теплый пепел горкой предо мной...
Косы ночи серебрятся ранней сединой...

Солнце встало... Я окошко настежь распахнул
И широкий ветер утра глубоко вдохнул.

Я бессонными глазами целовал Баку,
И вливался стих мой в город,
Как ручей в реку.

Перевел Дм. ГОЛУБКОВ.

* * *

Гусейн **ГУСЕЙН-ЗАДЕ**

Весна, студеным ветром напои меня,
В леса и горы позови опять!
Пока я жив, пока я жив,
по имени
Отчизну не устану называть.

Пожухлый лист на свежесть почки выменяй,
Букет мне собери
себе под стать.
Пока пишу, пока дышу,
по имени
Отчизну не устану называть.

Лесами дальними,
ветрами синими
Зови меня, земля, родная мать!
Пока служу народу я,
по имени
Отчизну не устану называть.

Перевел И. ОРАТОВСКИЙ.

* * *

Нариман **ГАСАН-ЗАДЕ**

Щебет, птичья возня в сосняке.
Прячет хвоя веселую стаю...
Я по лесу иду налегке,
Я по русскому лесу блуждаю.

Вот вздохнула под ветром сосна.
Величава она и красива!..
На солдата похожа она,
Берегущего землю России.

Перевел Д. МАРКИШ.

Бурлите, воды!

М. **ДИЛЬБАЗИ**

Бегите, воды, к Апшерону,
Сюда, где сушит землю зной,
Давайте жизнь садам зеленым,
Шумите радостно волной!

Рожден трудом неутомимым,
Отсюда вечный свет идет,
И очагам неисчислимым
Огонь земля моя дает.

Бурлите, воды, силой новой,
Могучи, вольны, широки,
И на земле солончаковой
Взрастите пышные ростки!

Пусть колосящиеся нивы
Глядят спокойно в небеса,
Пусть землю сделает счастливой
Животворящая роса!

Бурли, студеная вода,
Теки, Самур, спеши сюда!

Народа моего желанья
Осуществились до конца,
И благодарным ликованьем
Полны счастливые сердца.

Перевел Ю. ФИДЛЕР.

Хазри

Наби **БАБАЕВ**

Чуть подует ветер штормовой —
Бури подступающей глашатай,—
Ты, мотнув капризно головой,
Восклицаешь:
«О, Хазри[1] проклятый!»

Шторм каспийский в жилах у меня,
И, услышав, как он глухо свищет,
Вал за валом к берегу гоня,
Восклицаю я:
«Хазри, дружище!»

[1] Хазри—северный ветер на Каспии.

Перевел Анисим КРОНГАУЗ.

У глобуса

Нигяр **РАФИБЕЙЛИ**

Поздравляя с днем рожденья
дочку,
Подарил отец ей новый глобус.
Словно маки, загорелись щечки,
Радость детская сменила робость.

— Погляди,— сказал отец,—
на страны:
Вот они, как близкие соседи.
Реки устремились в океаны,
Горы спят, как дикие медведи...

Пальчиком водя, в одну минуту
Шар земной шалунья облетала.
Нет предела детскому маршруту,
У детей терпенья очень мало...

Через все моря переправлялась,
Желтые пустыни навестила,
На вершины гор легко взбиралась,
На далеком Севере гостила...

Дочь моя, мечты твои прекрасны:
Жить со всеми в дружбе на планете.
Только жаль, еще не все согласны
С тем, что понимают даже дети!

Перевел М. ШЕХТЕР.

Рисунки Б. Жутовского.

РАСПАХНУЛИСЬ ТВОИ

Я. ГИК

Фото С. Кулишова.

Медленно, слегка приподняв плечи и опустив голову, он шел по бакинской улице в окружении нас, московских журналистов, подтрунивая над нами. Великолепно изваянная голова, крупные, отчетливо завершенные черты лица оставляли неизгладимое впечатление, и не случайно в нашей среде принято было именовать Самеда Вургуна азербайджанским бардом. Вероятно, играла роль и седина, рано посеребрившая его голову. («Поэт, как рано постарел ты...» — грустно писал он сам о себе.) Облик Самеда Вургуна как-то особенно вязался с высоким званием народного поэта, обозначающим не профессию, а назначение в жизни.

Ощущение это еще более усиливалось, когда мы слушали его. Мягкая, музыкальная речь Вургуна с немного протяжными гласными по форме была афористичной. Проходили годы, и чем дальше, особенно после войны, все больше поражал в его речи какой-то горестный привкус. Видимо, внутренний недуг, так рано оборвавший жизнь поэта,— его провожали в последний путь через две недели после 50-летнего юбилея, на котором он сам по болезни уже не мог присутствовать, — этот недуг неуловимо окрашивал все, что говорил Вургун. И можно ль не вспомнить того вечера на бакинской улице, когда он вдруг, повернувшись к нам, с улыбкой, в которой ничего не было от веселья, сказал:

— Вот умру я, и вы напишете, как ходили со мной... Только не льстите мне.

Это было сказано так неожиданно и так сильно, что нам едва удалось отшутиться.

Трудно сказать точно — в памяти спрессовано много встреч,— но, сдается, говорилось это вот здесь, где ныне не запыленная еще табличка гласит: «Улица Самеда Вургуна».

Молодым, когда муза Вургуна была беспечальной, он совершил поэтический смотр своей республики, смотр, запечатленный в ставшем историческим стихотворении «Азербайджан». Он ходил по горам, глядел в журавлиные очи родников, любовался рассеянным в ущельях светом, вспоминал Астару и Ленкорань, Шемаху и Шамхор и, конечно, восхищался Баку, где в вышках он слышал гудение северного ветра.

Можно ль мать у ребенка
украсть? — Никогда!
Ты — дыханье мое, ты — мой
хлеб и вода!
Предо мной распахнулись твои
города.
Весь я твой. Навсегда в сыновья
тебе дан,
Азербайджан, Азербайджан!

И сегодня, когда еще прекрасней стали распахнутые перед нами города Азербайджана, трудно удержаться, чтобы не пройти по следам этого сыновнего гимна республике. Не взглянуть ли на расцветший Кировабад, на шелковую Нуху, на электрический Мингечаур?

Но всюду не пройдешь, всего не увидишь. А Баку с его «миллионами солнц», воспетыми Вургуном,— вот он, красавец, поднявший свои каменные плечи над бухтой, город, которому уже стало тесно на Апшеронском полуострове, и он расположил новые свои владения прямо на море. Если же говорить о другом городе республики, то вряд ли где еще с таким гостеприимством распахнутся площади и проспекты, улицы и бульвары, как в Сумгаите, юном гиганте, не по дням, а по часам набирающем силы и красы, подрастающем под сенью Баку.

Посчастливилось тому, кто попал в Баку в весеннюю пору. Только пусть не поленится он и встанет в ранний рассветный час. Прямо из моря поднимается до блеска начищенный, свежеискупанный солнечный шар, и отражение его в незамутненной воде кажется следом, оставленным светилом. С утра до позднего часа, покуда не начнется пышный церемониал южного заката с многоцветными полыхающими в небе флагами, когда, прежде чем скрыться, солнце пошлет свои последние пронзительные лучи, оно держит ослепительную вахту над городом, участвуя во всей его жизни, заглядывая в самые потаенные уголки, расцвечивая праздничными красками будни быта. Белый апшеронский камень, из которого сложена столица республики, особенно хорош, залитый солнцем, гордый своей благородной природой, как чистое девичье лицо, не нуждающийся в искусственной окраске.

Весеннее солнце не изнурительно, зной еще не застаивается меж домами, асфальт не плавится под ногой. Весело выглядит не опаленный пока зеленый наряд города: чинары и маслины, тополи и сосны, айланты и мелии.

«Перелистывая» улицы Баку, порой погружаешься в древнюю его историю, но чаще оказываешься в районах, устремленных в будущее. Всему хочется отдать должное. И изящным сооружениям Ханского дворца, и стройной, как бы перетянутой в «талии» Девичьей башне, и сураханскому храму огнепоклонников, напоминающему, что еще в давние времена здесь полыхали газовые фонтаны. И старому городу — Крепости, где узкие улочки спотыкаются о заборы, задумываясь, в какую сторону повернуть. Но, отдав дань восхищенного почтения прошлому, выходишь в современные до последней тумбочки кварталы и понимаешь, что любоваться можно старым, а жить, жить лучше здесь, где все новое.

Новая улица бакинского нагорного плато.

Весна нынешнего года не похожа на прошлогоднюю, так же как та не была похожа на свою предшественницу. Конечно, на общий взгляд амфитеатр города не изменился, приморский бульвар на месте. Но, вглядевшись, прежде всего обнаруживаешь, что Баку стал несколькими этажами выше. Не о тех только этажах идет речь, которые в центре города взгромоздились над старыми домами: нигде, пожалуй, в таких масштабах не ведутся надстройки.

Ярус за ярусом воздвигается над морем, улицы взбираются все вверх и вверх, и, минуя одну за другой террасы, мы оказываемся на нагорном плато. Этих высот город достиг недавно, но уже появились улицы и целые кварталы, настолько обжитые, будто здесь никогда и не было каменистых пустырей. Завершенные корпуса Политехнического института, огромные сооружения академического городка, гостиница, а больше всего жилые дома, просторные, со всеми удобствами, придали новый облик этой части города.

Но не только нагорное плато стало местом застроек. Кварталы домов вытянулись в Шаумяновском районе. С иным, и не маленьким, городом может сравниться по населенности поселок Монтина. Так наполняется содержанием цифра: в семилетку должно быть построено 3 миллиона 440 тысяч квадратных метров.

«Любви моей пристанище родное!» — обращался к Баку Самед Вургун. Три года всего прошло, как не стало певца. Еще милее был бы ему лик «родного пристанища». Сердце захватывает, когда вечером вспыхивают созвездия этого города, ожерелья огней тянутся от пристани до верхних ярусов, расположенных столь высоко, что, вполне возможно, и самые звезды на небе зажжены жи-

ГОРОДА...

телями нагорного бакинского плато...

Сколько бы ни говорил о Баку, придет час, и произнесешь слово «нефть». С тех пор, как человек впервые ощутил душный запах черной жидкости и назвал ее «нафта», ею славится бакинское побережье Каспийского моря. Ее сжигали в глиняных светильниках, пытались ею лечить костолом, ее черпали тряпками и ковшами, перевозили в кожаных мешках. За какие-нибудь сто с небольшим лет пройден путь от первой скважины до нынешней поры, когда в поисках нефти земля проткнута по крайней мере в 1 миллионе 200 тысячах точек. От керосиновой лампы до спутника. От смрадного топлива до модной синтетической ткани...

Некогда венчанный на нефтяной престол, Баку и ныне не очень-то отстает от других претендентов на трон и, хотя, верный законам природы, отдает пальму первенства молодым собратьям, не собирается уходить на покой. Находились, правда, юные «зубоскалы», которые считали, что честный старый труженик уже не скажет нового слова. Все изучено, известно, занесено в реестр...

Можно представить себе, какая усмешка избороздила лицо «хозяина бакинских недр» (думается, что в отличие от «медной горы» здесь приличествует хозяйничать мужчине), когда в ночь на 1 января 1955 года он преподнес подарок: в Карадаге, из скважины № 78, с глубины свыше 3 800 метров, забил мощный фонтан. Далеко разнесся гул этого фонтана, и если бы перевести этот гул на человеческий язык, он звучал бы примерно так: «Я возвещаю о рождении нового, молодого Баку, достойного сына своего заслуженного отца; я не обыкновенный фонтан, которых здесь повидали множество, а такой, которого вы и не ждали; мне будут поклоняться не только в Баку, в Азербайджане, но и в Грузии и в Армении, потому что я очень богатый и щедрый и могу одарить несколько республик!»

— Было так,— рассказывает Мирза Бабаев, начальник нефтепромыслового управления «Карадагнефть».— Человек двадцать собралось под самый Новый год. Нелегко дался нам этот источник, около пяти лет бурили, тремя стволами добирались до нефтяного пласта. И вот свершилось! Свершилось, однако, не совсем то, что мы предполагали. Ударил неукротимой силы фонтан, но не обычной нефти, а газа и конденсата. Мы, конечно, веселились, поздравляли друг друга, на радостях нам привезли сластей. Но, признаться, чувствовали мы себя перед этой дикой скважиной, как если бы были не инженерами и мастерами, а едва ли не чабанами.

Тридцать лет на нефти Мирза Бабаевич, сын бурового мастера из Сабунчей. Помнит он и те дни, когда черным ливнем пролился могучий локбатанский фонтан — то была скважина № 45, возвестившая открытие нового месторождения. И Ясамальская долина при нем «дебютировала», знаменитая долина, незадолго до войны порадовавшая сердца нефтяников. Но и там и там была нефть, та самая издревле известная темная густая жидкость, которая еще тысячелетия назад образовала Бинагадинское озеро. Обманутые блеском этого озера, животные и птицы устремлялись сюда и навеки увязали здесь, и уже в наше время на древнем нефтяном кладбище обнаружены скелеты носорогов, пещерных медведей, первобытных быков с массивными рогами. То все была нефть, а это?..

С неописуемой силой, под давлением в 300—350 атмосфер, вырывались из недр сотни тысяч кубометров газа. Что ж, значит, бурильщики напали на газовое месторождение? Но нет. Вместе с газом ударял мощный фонтан светло-соломенного конденсата.

Так в летописи нефтяного Баку, где каждая страница обильно промазучена, открылась новая, светлая и чистая, озаглавленная: Карадагское газоконденсатное месторождение.

Очередная папироса потухла в руке Бабаева, и он щелкнул зажигалкой. Вспыхнул белый язычок пламени.

— Горит?— почему-то справился Мирза Бабаевич.— Горит? — настойчиво переспросил он. И, получив подтверждение, рассмеялся.— Так ведь зажигалка заправлена у меня не бензином, а конденсатом из скважины.

Так вот какой он, конденсат, который парадоксально называют «белой нефтью», что звучит примерно как «черное молоко».

— Мы здесь, в Карадаге, на двадцати газоконденсатных скважинах,— говорит Бабаев,— получили второе высшее образование. Глубины в 3 500—4 000 метров для нас уже пройденный этап. Можно сказать, до сих пор мы «заселяли» первый этаж, а теперь перешли на второй, только этажи эти не возвышаются над землей, а опрокинуты вглубь.

Приятно побывать на «месте происшествия», там, где из раскупоренного сосуда недр поступают газ и конденсат. Это 9-й промысел «Карадагнефти». Высокий молодой человек с приветливым лицом, чуть-чуть картавя, посвящает в тайны двадцати скважин. Фаик Селимханов, старший инженер промысла, пришедший сюда прямо из института несколько позже, чем зафонтанировала 78-я, может рассказать «биографию» каждой из скважин, но при всех особенностях они похожи одна на другую.

Выясняется, что конденсат еще недавно жидкостью не был, а пребывал в газообразном состоянии. Лишь вмешательство человека сделало его таким. Когда перед газом открылся новый, неведомый ему путь по фонтанным трубам, упало давление, понизилась температура, из газа начали выделяться, выпадать, конденсироваться капли — смесь бензина, лигроина и керосина. Вот эта жидкость — конденсат — вместе с газом вырвалась наружу, на радость людям, в памятную новогоднюю ночь.

Но могла и не вырваться! Слишком резкий упадок давления привел бы к преждевременному образованию конденсата еще в самом пласте. И тогда эта жидкость пропитала бы собой сухие зерна песка там, на глубине, и, значит, навеки осталась бы в порах пласта.

— Эта опасность всегда грозит нам,— говорит Селимханов.— Не упустить давления! Иначе мы не увидим конденсата — драгоценного горючего, перед которым меркнет даже самая лучшая бакинская нефть. Да мало ли и других трудностей! В стремительном движении по трубам газ как бы впитывает в себя все окружающее тепло, на стенках труб оседает снежный покров, трубы замораживаются, хотя на воздухе не так уж холодно. А то газ начинает фонтанировать преждевременно, покуда буровая еще не закончена, и тогда в стороне от нее из земли вырываются шипящие грифоны: газ сам себе прокладывает дорогу.

А надо, чтобы газ этот шел по трубам, в резервуары, а затем в печи и плиты, где бушующие его силы будут использованы для наших с вами нужд.

Далекое путешествие придется совершить карадагскому газу. Его ждут и в Грузии и в Армении. Из недр Апшерона издавна черпают горючее для братских республик. Теперь эти недра будут делиться с соседями и своими газовыми богатствами. На карадагском газе сварит обед тбилисская домохозяйка, он зажжется в печах армянских городов и сел.

Карадагский газ возвестил приход нового дня и в самом Баку.

Черные трубы, извергающие клубы густого дыма... Стены домов, «оштукатуренные» черной слизью... Удушающий запах мазута... Такова картина старого, ушедшего Баку. Но покуда мазут оставался главным видом топлива, дым и копоть частенько сводили на нет усилия людей, пестовавших чистоту города. Кстати, мазут этот давно уже был не бакинского происхождения. Местный мазут настолько богат содержимым, что сжигать его — преступление. Он отправляется на вторичную перегонку. А издалека до недавнего времени шли составы цистерн с топливом, снабжавшим город обильными порциями дыма и копоти.

И вот сегодня проходишь по заводскому району, который отличается от прежнего не только асфальтовыми дорогами, высокими домами, зеленью, но и запахом. Теперь ты смело можешь выходить из дому в белом костюме.

Вот о чем возвещал первый газоконденсатный фонтан, положивший начало новой славе Баку.

Но не только об этом.

Карадагские промыслы примыкают к морю. На поверхности мы видим линию, отделяющую сушу от воды. Но нефтяные пласты не считаются с этими условностями.

Трановый парк девятого промысла «Карадагнефти».

Из скважины № 204, почти в полутора километрах от берега, хлынула настоящая бакинская нефть. Так вот, оказывается, в чем дело! Газоконденсатное месторождение оторочено, окольцовано нефтяными залежами. И эту оторочку нужно как можно скорее разбурить. Кто знает, как там, в невидимых глазу глубинах, «сосуществуют» соседние пласты! Если газ до сих пор своим неистовым давлением поддерживал «статус-кво» в трех — четырех километрах от поверхности, как быть теперь, когда ему открыт доступ наверх и давление его уменьшилось? Как бы нефть из соседнего «квартала», расположенного под морским дном, не вторглась в чужие владения! Надо действовать быстро, чтобы не дегазировать пласт.

Морские буровые... Теперь уже трудно представить бакинский пейзаж без этих металлических пирамид, возникающих в открытом море. Все дальше отчаливают они от берега, и в часы, когда ночная тьма поглощает их переплетения, точно волшебные огоньки виснут в воздухе. А порой кажется, что на Каспии стало на якорь множество судов, охраняющих город.

Какой-то особый, корабельный быт сложился на этих буровых. Даже культбудка напоминает кубрик. Аккуратно застелены койки, и сменившийся с вахты придет сюда на отдых. Здесь корабельный запас продуктов, маленькая походная радиостанция. «Говорит Линза... Пришлите баркас... Продуктов не надо, хватает».

Сейчас, в штилевую погоду, все тут выглядит идиллически. Где-то в глубинах делает свое дело турбобур, за бурением наблюдает Эдем Багиров. Это—последнее дежурство техника Багирова, на днях он защитит дипломный проект и станет инженером Багировым. Напарник его — Герой Социалистического Труда Мелик Геокчаев, знаменитый ловильный мастер, то

есть человек, умеющий доставать с любой глубины инструменты, из-за аварии упущенные в тартарары...

В том списке Героев, где значится Мелик Геокчаев, назван и Михаил Каверочкин, тоже буровой мастер, но награжденный посмертно. Был такой день, когда неописуемой силы шторм свирепствовал на Каспии, и вот такая же походная радиостанция передавала с другой, дальней буровой последние слова Каверочкина: «Прекращаю передачу... Волны разрушают основание...»

Больше никому не суждено было слышать голос Каверочкина и его товарищей...

«Говорит Линза. Говорит Линза. Баркас пришел. Сейчас отгружаем». В ничем не потревоженной тишине сегодня раздается звонкий голос, и аккомпанируют ему мягко плещущие волны, точно они иными и не бывают, как только такими вот мирными и покорными...

Возвращение на сушу всегда радует, даже если отправляешься в путешествие лишь за полтора километра от берега. Все так же приветлив Фаик Селимханов, так же предупредительно готов он посвящать в жизнь промысла.

— Наше дело на суше,— говорит Селимханов,— только добыть газ, а дальше он, как и полагается такому непоседе, «улетучивается» из наших рук. Другие хозяева распоряжаются им. Вон те невысокие колонки — видите их? — это трапы, они расположены группами, называем мы их собирательно: траповый парк. Там происходит разделение на газ и конденсат.

Долгий еще путь предстоит карадагскому сокровищу, покуда конденсат будет откачен в резервуар, а газ «своим ходом» направится в газопровод, чтобы достичь любой точки, где в нем нуждаются, где его ждут.

Тысячи и тысячи кубометров газа потекут в Сумгаит, на крупнейшую ТЭЦ, на заводы, которые не так давно расходовали десятки цистерн мазута в сутки.

Двинемся и мы по пути газопровода, туда, где за несколько лет свершилось чудо в степи, где на пустынном взморье возникли кварталы великолепного Сумгаита.

Это стало уже обыденным и воспринимается как присказка: здесь была голая степь, а теперь... И все же трудно удержаться, чтобы не прибегнуть к такой присказке, когда речь идет о Сумгаите. «Ряд волшебных изменений» начинается еще на подступах к городу. Обшаривая взглядом бесконечные просторы ковыльной степи, неожиданно натыкаешься на какую-то голубую полоску, которую сначала принимаешь за линию горизонта. Но воображаемая линия приобретает все более устойчивую форму, и тогда, осененный догадкой, радуешься: привелось-таки увидеть мираж в степи! До чего красиво, точно настоящее озеро в апшеронских песках. По мере приближения ждешь, что вот-вот мираж рассеется, но он, упрямый, действует уже не только на зрение, но и на обоняние: пахнет влагой. А через десяток — другой минут в этом «мираже» можно выкупаться...

Со временем, когда Джейран-Батанское озеро окаймят пляжи, лодочные станции, зеленые аллеи, все встанет на место. Но сейчас оно выглядит неестественно: точно человеку, истомленному жаждой в раскаленной пустыне, преподносят огромную пиалу с холодной пресной водой.

Так вот куда пришли воды реки Самур, заключенные в бетонные берега Самур-Дивичинского канала. Повеяло прохладой над иссушенными землями под Сумгаитом, орошение скоро внесет новые краски в этот однообразный, серый пейзаж.

«Серебряной колыбелью красоты» назвал родную свою республику Самед Вургун. Как бы ни родился этот поэтический образ, но здесь, где воды Джейран-Батана вплели в степь свой голубой узор, и до самого берега Каспия, к которому выходят фасады белокаменных домов Сумгаита, этот волнующий образ все время всплывает в памяти. Город Сумгаит в таком виде, каким мы застали его, «сработан» менее чем за десять лет. Пройдет еще семь лет, и заводы его дадут столько продукции, сколько в канун семилетки давала за год вся промышленность столицы республики. Вот как подрос младший брат, которого недавно еще Баку, можно сказать, нянчил на руках! Характером Сумгаит пошел в старшего брата, но выглядит совсем иначе. Он родился, когда «семья» жила вполне зажиточно, и ему обеспечили безоблачное детство. Можно вообразить, как поздним вечером братья-города выходят на морской берег, и старший назидательно рассказывает малышу, каково ему приходилось в младенческие годы, как он трудился, жил в нищете и в голоде, покуда стал таким, каким сейчас его видят. А малыш скорее всего со свойственным этому возрасту эгоизмом поддакивает, но сам про себя думает: как бы обзавестись еще новым нарядом? Тем более, что теперь он может это делать на собственные средства...

От заводских площадок до самого моря стрелами протянулись широкие проспекты с выстроившимися по обеим сторонам четырех — пятиэтажными домами. Застройка шла кварталами: для трубопрокатчиков, химиков, алюминщиков. Но кварталы эти слились воедино, без всяких швов.

Нам удалось познакомиться с двумя городами. С тем, где люди живут, ходят, работают, отдыхают. И с тем, где по площадям, улицам и бульварам движется только указка архитектора. Они так переплелись между собою, что, выйдя из горкома партии, мы спросили, где остановка троллейбуса, потом лишь сообразив, что троллейбусные мачты «поставлены» пока только на чертежах.

Да и трудно было не спутать, потому что в горкоме шел оживленный разговор о планах, осуществлять которые будут немедленно, сейчас же. Быстрый в движениях, энергичный Гаджи Алиев, секретарь горкома, и немного грузный Энвер Алекперов, председатель горсовета, и весьма экспрессивно настроенная Элеонора Долуханова, городской архитектор,— все увлеченно осматривали множество проектов, где сегодняшние улицы соединились с завтрашними, где приморский бульвар, в натуре представляющий собой пока лишь зеленый пунктир, уже разросся и почти опоясал город.

— Будет... Будет... Будет...— перечисляет Алиев.— 800 тысяч квадратных метров жилья. Школы на 11 600 ребят. Столовые. Прачечные. Особенно много яслей, детсадов, школ: 80 процентов населения Сумгаита моложе 40 лет, и рождаемость здесь самая высокая в Азербайджане.

...На окраине Баку мы видели резервуары, откуда начинал свой путь в Сумгаит карадагский газ. И вот мы встречаемся с ним здесь, на одной из конечных остановок. Близок день, когда на заводе синтетического каучука закончится строительством новая группа, где каучук будет вырабатываться непосредственно из газа, минуя стадию спирта. Этот невидимый, неосязаемый, летучий дух апшеронских недр материализуется в виде плотной, упругой массы. Его можно увидеть, и потрогать, и даже поездить на нем, точнее, на изготовленных из него шинах.

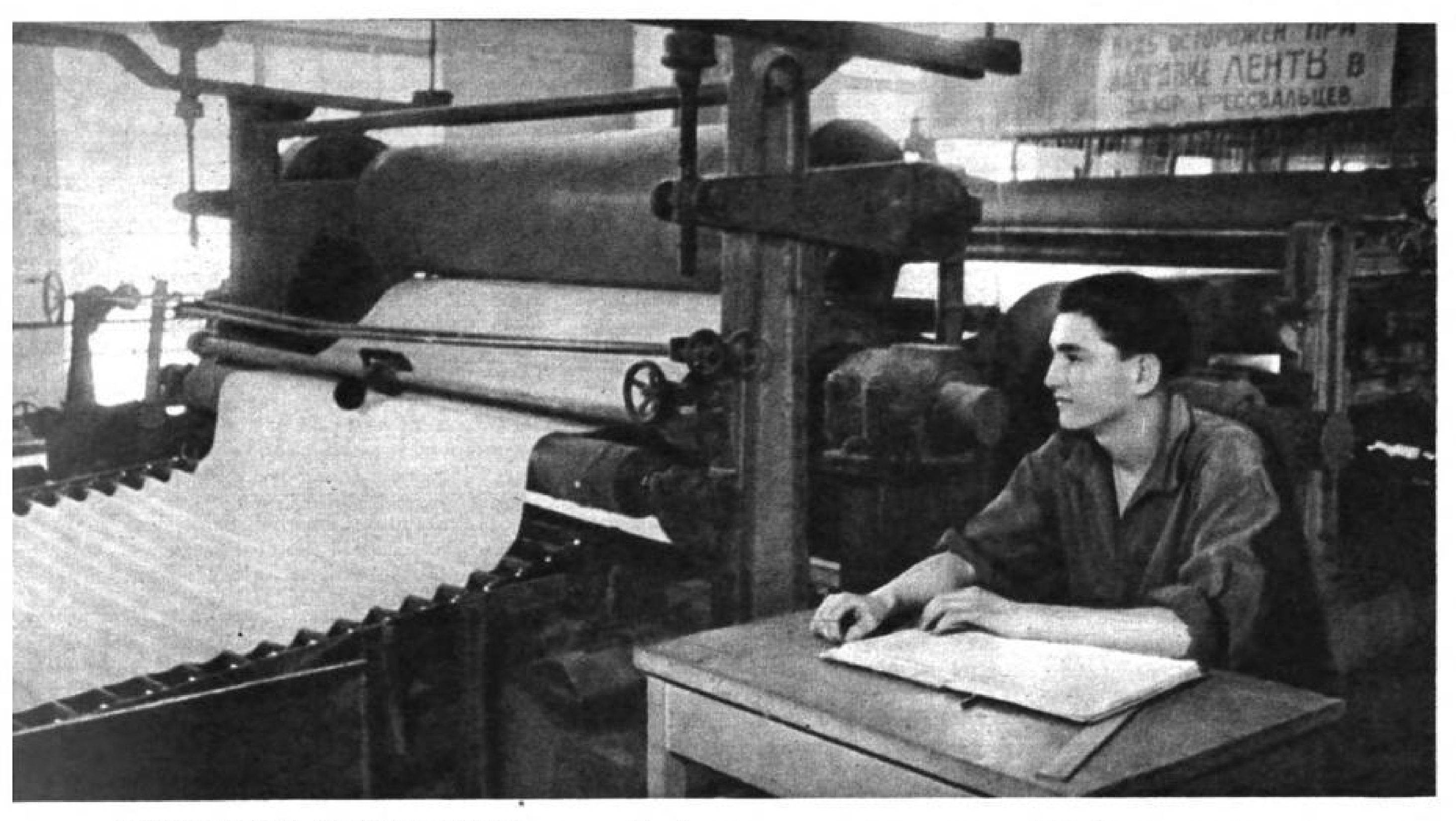
Впрочем, в мире химии вряд ли чему-нибудь уже удивишься. Вот мы видели на Сумгаитском СК, на этой современной «каучуковой плантации», широкую каучуковую ленту. Мы ощупывали этот плотный лаваш, высушенный, попудренный, скатанный в рулоны. А если двигаться вспять, то ведь совсем недавно эластичная, мягкая резина была чем-то вроде творожистой массы, латексом, похожим на натуральный сок бразильской гевеи, «слезы дерева», откуда, собственно, и пошел каучук. Окунешь в липкую массу руку — точно перчатка охватывает ее. И не так легко «стащить» такую перчатку. Но это лишь очередное превращение. А раньше был спирт, а еще раньше — газовая смесь... И где-то в самых истоках таился наглухо закупоренный в недрах газ, которому суждено было стать автомобильной покрышкой.

Сколько соорудил человек резервуаров, батарей, колонн, труб, каких не наготовил ловушек для газа! Охлаждали его и подогревали, сжимали и распускали, покуда не заставили служить нам с вами. Не этот ли газ имели в виду народные сказочники, когда создавали увлекательные истории о духе, запечатанном в бутылке, а потом выпущенном на волю. В жизни, как и в сказке: этот дух может наделать много бед, если не подчинить его себе, не сделать безропотным и послушным...

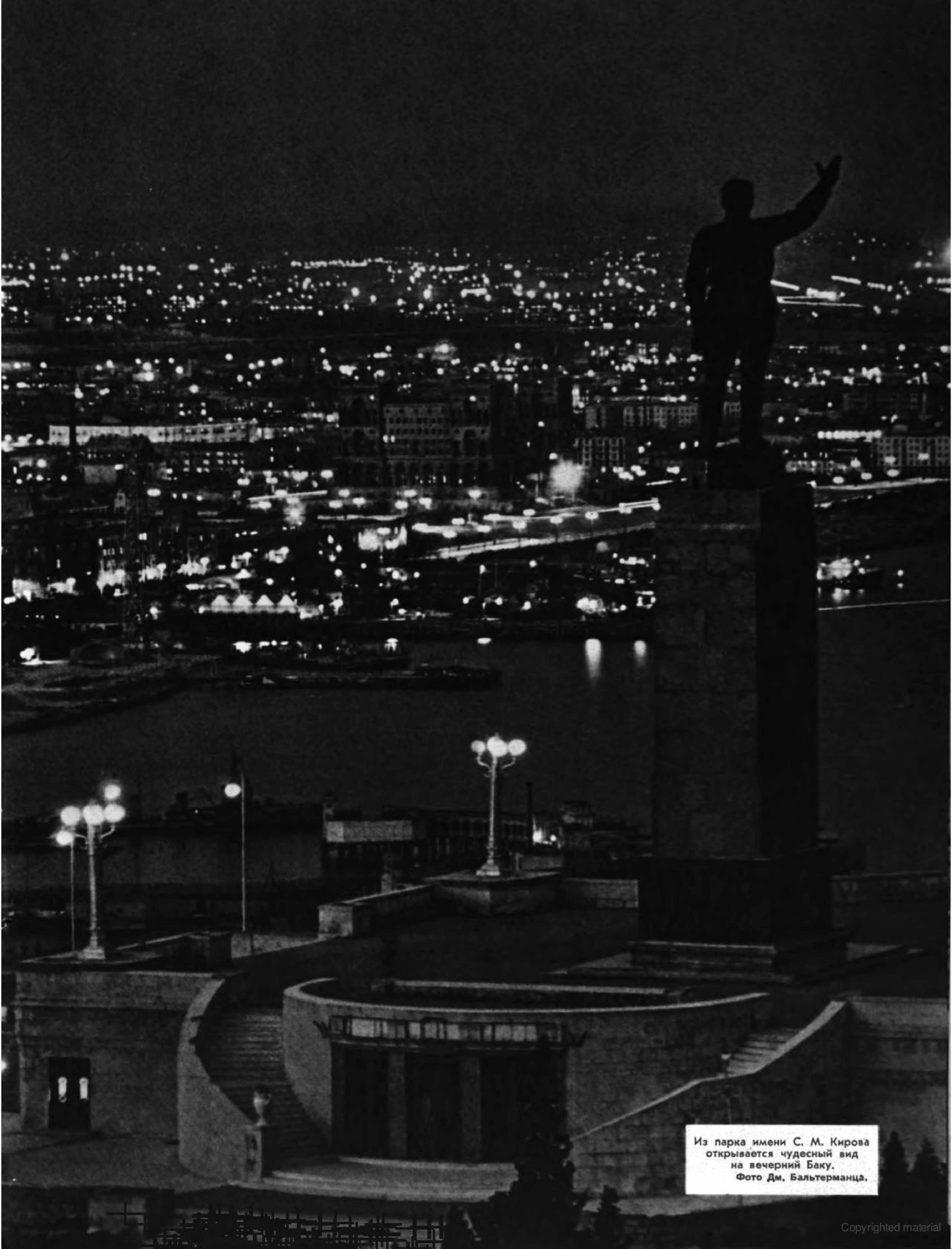
Утреннюю зарю мы встретили в Баку, вечернюю — в Сумгаите. Апшерон заканчивал свой трудовой день, с тем чтобы приступить к ночной вахте. А те, кто вдосталь поработал, перед сном вправе и отдохнуть. Отдыхают по-разному. Вот эти юноши и девушки, постоянные жители Сумгаита, развлекаются в самом большом Дворце культуры, носящем имя Самеда Вургуна. Они могут обратиться к своей родине словами поэта:

Ты — дыханье мое, ты — мой
хлеб и вода!

Перед ними еще распахнутся ворота будущего, они еще увидят Баку и Сумгаит в такой ослепительной красе, о которой даже поэту не мечталось.

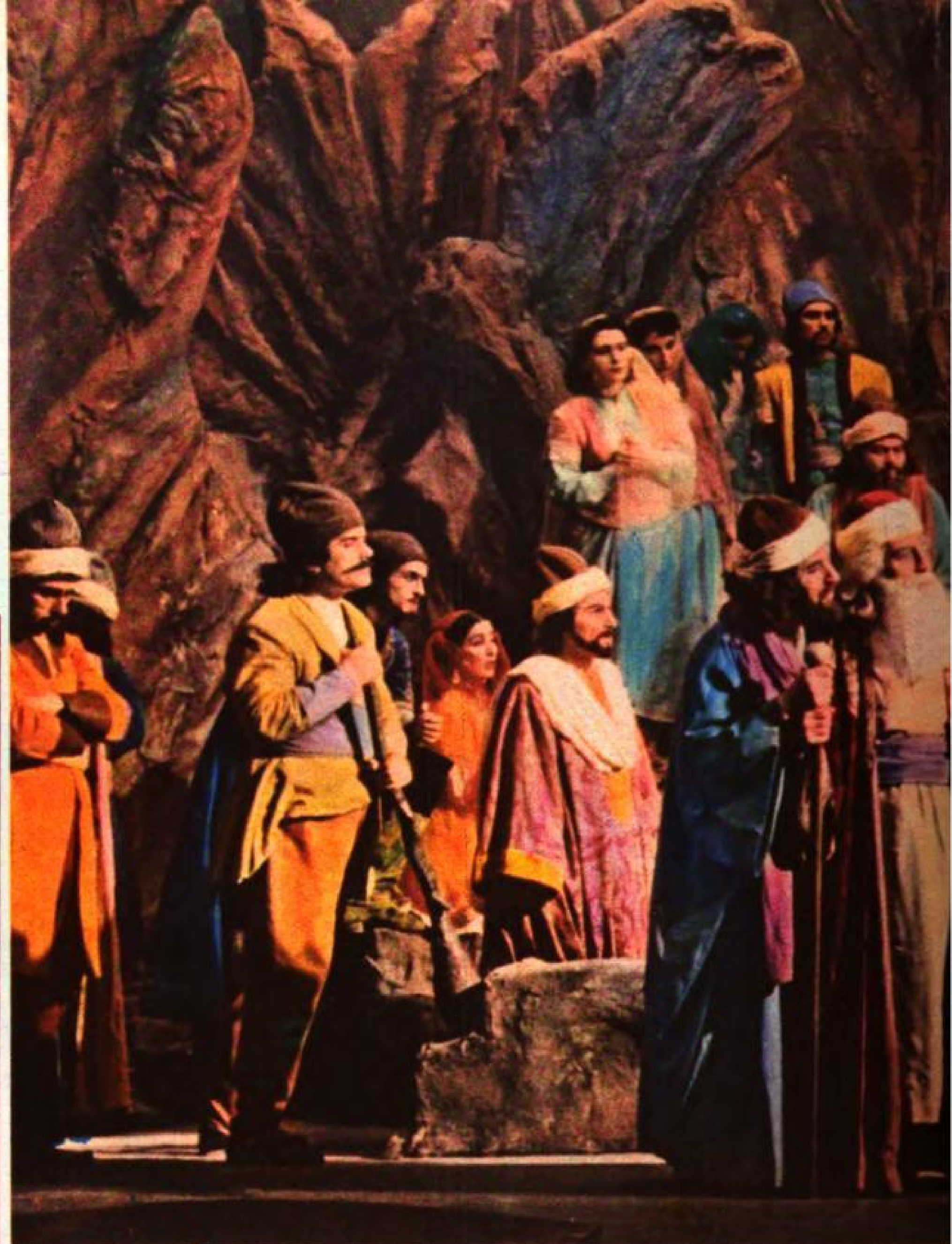

Сумгаитский СК. С машины сходит каучуковая лента.

Из парка имени С. М. Кирова открывается чудесный вид на вечерний Баку.
Фото Дм. Бальтерманца.

Финальная сцена спектакля «Фархад и Ширин» по пьесе Самеда Вургуна в постановке театра драмы имени М. Азизбекова. Внизу справа: заслуженная артистка Азербайджанской ССР Окюма Курбанова — Ширин и артист Гасанага Салаев — Фархад.

Народный артист Азербайджанской ССР Рашид Бейбутов в роли Балаша в опере Фикрета Амирова «Севиль».

Сцена из балета Кара Караева «Семь красавиц». Постановка театра оперы и б

ета имени М. Ахундова.

Выступает Ансамбль песни и пляски Азербайджана.

ЧОХ САГ ОЛ!

Н. ТОЛЧЕНОВА

Фото С. Кулишова.

Баку и бакинцы готовятся к своему большому празднику — декаде азербайджанского искусства и литературы в Москве.

Хозяином декады является народ. Не потому только, что всех участников вдохновляют образ народа, его героическая история, жизнь, борьба. В Азербайджане простые труженики сами участвуют в жизни искусства, участвуют деятельно и энергично, от мала до велика.

Начнем с малых

Начнем с самых малых. С детворы.

У нас все и везде в Советской стране любят детей. Но мне показалось, что в Азербайджане эта любовь выражается как-то особенно сердечно и задушевно. На улицах, скверах, парках — великое множество малышей. За их играми часто присматривают подтянутые, опрятные школьники в пионерских галстуках. Почти в каждом дворе — детские площадки; о них узнаешь по приветливой надписи на воротах: «Хош гэлдиниз!» — «Добро пожаловать!»

В Азербайджане многодетные семьи встречаются всюду. Изящная, грациозная, гибкая, как тростник, актриса филармонии Амина Дильбази, едва закончив дневную репетицию (а перед декадой репетиции длятся многими часами), спешит к своим четверым детям. Скользя из комнаты в комнату торопливой и легкой, танцующей походкой, Амина-ханум успевает каждого своего ребенка накормить и приласкать, проверить уроки, каждому найти занятие по сердцу, чтобы не скучали без мамы вечером, когда она участвует в концерте...

А вот самая большая азербайджанская семья. Здесь пятьсот детей. И среди них нет ни одного, который бы не пел, не танцевал, не играл.

Семья эта — бакинский Дворец пионеров.

К декаде пионеры и старшеклассники-комсомольцы Дворца пионеров подготовили целый концерт: около двадцати номеров. В нем участвуют хор, оркестр, танцевальные группы — 120 человек. Чарующего обаяния полна вся программа, особенно знаменитые «Джуджжларим» — «Цыплята».

Песня о цыплятах необычайно популярна в республике. Где бы ни собралось двое — трое ребятишек, вскоре же слышишь: «Чип-чип-чип, джуджжларим»... Мотив смешной песенки «Цып-цып-цып, мои цыплятки» обошел весь Советский Союз. Его подхватили взрослые. Он проник на эстраду и отсюда пошел за рубежи.

Сочинил «Цыплят» музыкант-самородок Гамбар Гусейнли. По мотиву этой песенки в бакинском Дворце пионеров создали танцевальную сюиту. Малыши-дошкольники в желтых «цыплячьих» одеждах исполняют незамысловатые па. Они хлопают в такт воображаемыми крылышками и прыгают вокруг «солистки», исполняющей песню, милой, общительной девочки Сугры Садыховой, ученицы 5-го класса 7-й бакинской школы. Во Дворце пионеров она приобщается к искусству вместе со своими многочисленными подругами и товарищами.

Едва кончились занятия, как все ребята, еще пышущие плясовым задором, преобразились, подтянулись... Видишь веселые, лукавые мордашки с сияющими глазами-черносливинами, и слышишь скромную приветливую речь...

— Работа в творческих студиях дисциплинирует школьников, воспитывает трудолюбие,— говорят преподаватели Дворца пионеров Беюк Ага Мамедов, Берта Адамовна Брамловская. Это утверждают и все педагоги общеобразовательных школ.

И просто невозможно не согласиться с этим, глядя, например, как ребята, еще возбужденные, раскрасневшиеся, дружно принимаются после репетиции за уборку помещения.

Быстро, привычно, со сноровкой, без всякой помощи взрослых укладывают они танцевальные костюмы, инструменты, обручи, цветы, шарфики. Бесшумно и проворно одеваются и уходят домой готовить уроки к завтрашнему дню. Попробуй только появиться в студии с плохой отметкой из школы — немедленно отстранят от занятий. А это самая тяжкая мера наказания, правда, к чести студийцев, весьма редко употребляемая.

Прощаясь, все дружно говорят: «Саг ол!» Это доброе слово имеет много значений: «привет», «спасибо», «будьте счастливы», «наилучшие пожелания»...

Не для славы

Особенная гордость Дворца культуры завода имени лейтенанта Шмидта — те, кто занимается здесь не для артистического будущего, те, кто отдает искусству свой досуг: слесари, токари, кровельщики, жестянщики, шоферы, инженеры, лаборанты...

Я видела, как танцуют две сестры Алиевы—Халида и Адиля, обе красавицы и обе совсем непохожие. Халида — с тяжелой косой, огромными, удлиненными, как на восточных миниатюрах, печальными глазами, высокая и медлительная. Адиля — в пышных кудрях, маленькая, порывистая, улыбающаяся, похожая на мальчишку в своем спортивном костюме. Обеим девушкам приходится много заниматься после рабочего дня. Но, кроме того, они успевают и помочь матери управиться с семерыми младшими детьми, и почитать, и побывать в театре, на концертах... Я видела, как работает на производстве мастер цеха Намик Исмаилов и как самозабвенно постигает он искусство своеобразной народной азербайджанской пляски.

В танце, песне, музыке раскрывается национальный характер каждого народа. Танцы, которые при мне рождались, были стремительными и плавными, лиричными и порывистыми.

Поначалу намечается только внешний контур танца. Затем он шлифуется, оттачиваются малейшие детали. То и дело подходит руководитель ансамбля Илья Ильич Арбатов к танцовщикам, раскрывая им тайну выразительного жеста: малейшего поворота руки — кисти, ладони, пальцев — и всего тела. Многих приобщил он к трудному и пленительному искусству народного танца. Среди учеников и учениц Арбатова и Амина Дильбази, известная актриса, коммунистка, общественница.

Совсем недавно, в начале февраля нынешнего года, начал свое существование танцевальный ансамбль «Чинара». Его создала и руководит им Амина-ханум.

Так же как в русской, теперь уже всемирно известной «Березке», название любимейшего в Азербайджане деревца выражает поэтическую сущность девичьего народного танца. Удивительна красота его напевных, несколько замедленных ритмов, мягких, плавных движений. И если шмидтовцы стараются передать в огневой, стремительной пляске радость труда, то девушки из «Чинары» раскрывают прелесть и обаяние родной природы.

Все юные танцовщицы «Чинары» — студентки Азербайджанского государственного медицинского института, будущие врачи: терапевты, педиатры, хирурги... Они любят выбранную ими профессию и не помышляют о сцене. Но не было случая, чтоб на репетицию опоздала хоть одна участница ансамбля.

Как только появляется в зале Амина Дильбази, девушки почтительно встают. И сразу же актриса весело, энергично втягивает их в работу. Обняв друг друга и улыбаясь друг другу, движутся танцовщицы нескончаемым хороводом, затем неуловимо грациозным движением опускаются на колени, только руки и плечи слегка трепещут. Они похожи на цветы, колеблемые ветерком.

— Так и задумано,— объясняет довольная Амина-ханум.— Это танец «Фиалка».

Декада всюду...

Москва увидит на участниках декады изумительные наряды: воздушные бледно-лиловые, темно-зеленые, огненно-красные, черные с золотом, белые с серебром...

Все это шьют в обычном городском ателье № 21.

Здесь уже научились работать для искусства: одевали артистов филармонии, когда они отправлялись с концертами в Китай, шили для цирка, для эстрады, для балета. Сейчас одевают самодеятельность.

Струятся шелка всех тонов и оттенков, прозрачные и плотные, легкие и тяжелые, великолепные ткани.

— Чего только не сделаешь на радость людям! — неожиданно говорит, любуясь чудесным сочетанием красок, главная закройщица Богданова.

И с ней соглашается, молчаливо улыбаясь, художница Сусанна Максимилиановна Самородова. Эта образованнейшая женщина, ученица художника Юона, и сейчас еще сохраняющая удивительную красоту, сорок лет занимается театральным костюмом. Она постигла «секреты» такой росписи тканей простыми масляными красками, при которой самый обыкновенный штапель вдруг начинает выглядеть как парча, изукрашенная драгоценными каменьями, расшитая серебром и золотом...

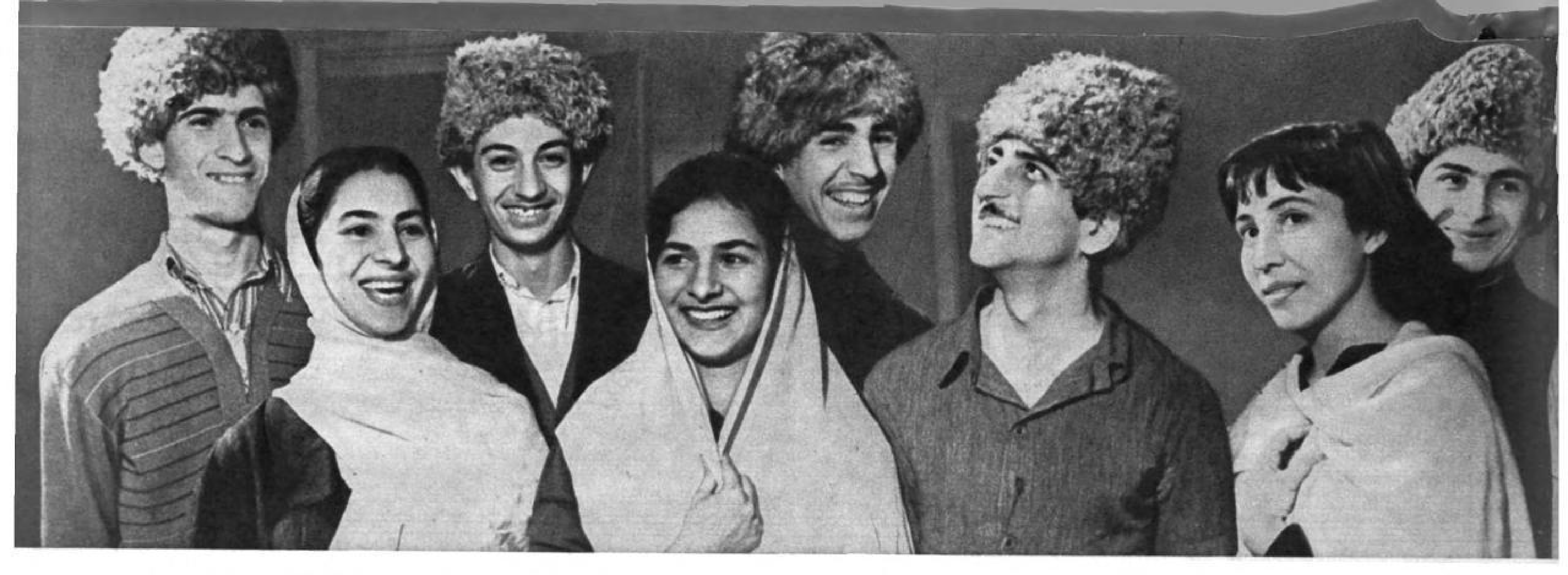
Дома у Сусанны Максимилиановны — ткани, ткани... Они лежат на большом столе на кухне: на них только еще наложили трафарет. Они сохнут в комнате. Они растянуты на диване, креслах, стульях, свешиваются с подоконника, с буфета...

Сусанна Максимилиановна просит извинения за беспорядок и оправдывается со смущением:

— Торопимся!.. Очень уж много костюмов надо сшить, разрисовать. Декада!..

Да, декада и здесь, в спокойном, уютном доме. Все здесь подчинено подготовке к ней. Да разве в одном только этом доме!..

Вот старый уголок Баку, город-крепость. Сюда не может въехать ни одна машина: улочки — на ширину раскинутых рук, а в некоторых даже двоим встречным прохожим трудно разминуться... В крошечных, но зеленых и цветущих двориках узкие отвесные металлические ступеньки с поручнями ведут прямо на второй этаж; а в некоторые квартиры приходится подниматься по винтовым, еще более узким лестничкам. Это старый Баку, хранящий облик минувшего, давно прошедших веков... Но зайдите в любой дом, и вас встретит сегодняшнее, новое. На сей раз оно встречает нас в облике юной Светланы Джавадовой, сту-

У шмидтовцев репетиция!..

дентки четвертого курса филологического факультета педагогического института русского языка и литературы имени Ахундова, и еще более юной Аллы — восьмиклассницы. Обе сестры всецело заняты подготовкой к экзаменам и вовсе не ждут к себе гостей. А я пришла не одна: со мной киноработники — режиссер Азербайджанской киностудии Аждар Ибрагимов и оператор Расим Оджагов.

Впрочем, мои спутники здесь уже не гости. В тесных улочках старого Баку снимали они фильм «Двое из одного квартала». Правда, тогда они еще не знали, что здесь же найдут одну из героинь своей новой картины.

Когда Аждар начал готовиться к постановке фильма «Ее большое сердце», актрисы на роль Рены — славной влюбленной, деятельной девочки-подростка — у него не было. Режиссер внимательно приглядывался к девичьим лицам всюду: на улицах, в парках, театрах. Азербайджанки красивы. Однако Аждару требовалась не столько красота, сколько обаяние, сердечность и грация девичества в сочетании с сильной волей.

Рену, такую, как он ее себе представлял, режиссер вдруг увидел на витрине фотоателье. Отсюда поиски привели Ибрагимова в старый Баку, в квартиру бухгалтера Джавадовой — матери Светланы.

Без маминого согласия Света не могла дать ответа режиссеру. А мама спокойно сказала:

— Что ж, пусть снимается, раз это нужно. Только не надо, чтобы слава вскружила голову девочке. Ведь она собирается стать учительницей.

И Светлана начала сниматься в часы, свободные от занятий в институте.

Сейчас съемка фильма уже закончена. Режиссер Аждар Ибрагимов уезжает за границу. А Светлана Джавадова и Расим Оджагов собираются вместе побывать на декаде.

Амина Дильбази занимается с танцовщицами «Чинары».

Искусство — это труд

На эмблеме Азербайджанского ордена Ленина театра оперы и балета имени М. Ахундова — цифра «50».

Всего полвека существует театр. За эти годы им проделана невиданная работа. Особенно если вспомнить, что настоящая-то, полнокровная жизнь азербайджанского профессионального искусства началась только с установлением Советской власти.

В народе испокон веков бытовало одноголосое пение. Хоровой музыки не было. Женщинам петь вообще не полагалось. И когда композитор Узеир Гаджибеков написал первую в Азербайджане оперу «Лейли и Меджнун», женские арии исполняли мужчины. И сейчас работают в театре народные артисты республики Гусейнага Гаджибабеков и Мамедтаги Багиров, которым приходилось петь партию Лейли — азербайджанской Джульетты — или Гюльчохры в «Аршин мал алан»... А вот баритонов и тем паче басов среди мужских голосов не встречалось.

В 1920 году Узеир Гаджибеков организовал в Баку консерваторию. Ученики У. Гаджибекова — Караев, Гаджиев, Фикрет Амиров, Султан Гаджибеков, Ниязи,— в свою очередь, стали, опираясь на мощь и широту европейского и особенно русского искусства, расширять неустанным трудом рамки азербайджанской музыки.

И сколько же теперь в профессиональном театре талантливых, разносторонне одаренных людей!

Вместе с известнейшими мастерами, такими, как Рашид Бейбутов, Бунияд-заде, на декаду поедет молодежь... Артистом театра стал Джаваншир Гафаров, недавний колхозник из Кедабекского района. Кязым Мамедов до начала своей артистической карьеры воевал на фронтах Отечественной войны, был контужен, потерял слух и даже речь. А вернувшись на родину, вылечился, окончил консерваторию и теперь чарует слушателей своим пением.

На первой азербайджанской декаде в Москве балет отсутствовал. Возник он в республике только в 1940 году, когда композитор А. Бадалбейли написал «Девичью башню». С тех пор появились и другие балеты. Краса и гордость Азербайджана — балетмейстер Гамер Алмас-заде, великолепные танцоры Лейла Векилова, Рафига Ахундова, Максуд Мамедов, Руфат Алиев...

Балеты Кара Караева «Семь красавиц» и «Тропою грома» обошли многие сцены музыкальных театров Советского Союза. В Баку музыка Караева звучит всюду: в кино и театре, музыкальных школах, дворцах культуры...

Работоспособность композитора поразительна. Дома Кара Абульфасович трудится не щадя сил. Так же он приучает работать и своих детей. Девятиклассник Фарадж и маленькая приветливая четырехклассница Зулейха — оба будущие музыканты. Отец весьма скуп на похвалы, но его доброе слово — лучшая награда для дочери и сына, как и для всех учеников Караева в консерватории.

Многие из них уже оперились, обрели собственный почерк, получили известность: Андрей Бабаев, Хайям Мирза-заде, Ариф Меликов, Рауф Гаджиев... Симфонии Мирза-заде недавно отмечены в Москве. Но побеседуйте с Хайямом. О чем бы ни говорил живой, непосредственный двадцатипятилетний юноша, он непременно собьется на разговор о Караеве.

Караев написал музыку к «Оптимистической трагедии», поставленной Г. Товстоноговым в Ленинградском театре имени Пушкина. Караев создал музыку к фильму «Дон-Кихот». Сейчас вместе с Р. Карменом композитор закончил работу над фильмом о героях-нефтяниках. Нет, это не продолжение «Повести о нефтяниках Каспия», а разговор сызнова. О трудностях и героизме, о людях, побеждающих стихию, совершающих подвиги во имя Родины.

Тема эта главная для всего азербайджанского искусства. Хотя пока еще в нем — особенно на сцене,— пожалуй, преобладает разговор о прошлом...

Правда, русская драма привозит в Москву не только прошлое — «Вагиф» Самеда Вургуна, «Маскарад», но и «Кремлевские куранты», с превосходным артистом С. Якушевым в роли В. И. Ленина, и «Утро Востока» Энвера Мамедханлы, где актеры Л. Кучеров и С. Чередников с любовью воссоздают образ Кирова.

И Азербайджанский драматический театр имени Азизбекова наряду с «Отелло» и «Фархад и Ширин» покажет современные спектакли: «Бухта Ильича» по пьесе Д. Меджнунбекова и «Алмас» Д. Джабарлы. Но подчас жизнеописания наших современников выглядят на сцене все же несколько бледнее истории любви и трагических испытаний героев прошлого... Великолепный образ Отелло создает Алескер Алекперов, чудесную, нежную и смелую Ширин — Окюма Курбанова.

Композитор Кара Караев с сыном и дочерью.

Артистка крупного, героического плана, Курбанова впервые появилась на азербайджанской сцене в 1939 году в спектакле «Вагиф». С тех пор она переиграла множество ведущих ролей в пьесах национальной и мировой классики. А недавно в «Зимней сказке», где роль Гермионы исполняла Окюма-ханум, дебютировала в роли маленького принца Мамиллия и ее дочь Вэфа. С того самого времени Вэфа — что значит по-азербайджански «Верность» — решила навсегда посвятить себя театру. Она готова идти на сцену хоть сейчас! Однако родители девочки, Окюма-ханум и Нусрет Фатуллаев, известный театральный художник (москвичи увидят многие спектакли в его оформлении), непреклонны. Сначала надо хорошо окончить школу!

— Научись работать! Научись трудиться,— неустанно повторяют они дочке.— Искусство — это труд.

Да, искусство — это труд! И сами они живой тому пример...

Чох саг ол

На самом берегу Каспийского моря — в бухте Ильича, засыпанной еще при жизни Кирова,— стоит невысокая скромная каменная ограда. На большой белой плите начертано: «Вечная память талантливому инженеру-нефтянику, первозачинателю засыпки морской бухты Ильича». Это могила П. Н. Потоцкого, старого ученого-нефтяника, чей смелый замысел осуществили Киров и бакинские большевики. Ученый завещал, чтобы его похоронили именно здесь, в бухте.

Дорога к памятнику идет среди целого леса вышек. Их тысячи и тысячи. А сверху, с крутого скалистого взгорья, где разбит чудесный парк, глядит в бесконечную морскую даль Киров с приветственно поднятой рукой. Лицо Кирова — простое и прекрасное — поражает силой энергии, жизнелюбия. И во всей его фигуре, запечатленной скульптором П. Сабсаем, выражен порыв, нетерпение. Словно вот-вот стремительно шагнет со своего постамента Сергей Миронович вниз, в город, к людям, ради которых он жил, вместе с которыми трудился, и порадуется, увидев их новые замечательные дела...

Вышки ушли так далеко, что, может быть, это удивило бы даже Кирова — ленинца, человека дерзновенной и яркой мечты.

На добрую сотню километров от берега тянется эстакада — дорога к морским вышкам,— созданная тружениками Баку. Вокруг эстакады то нежно и ласково голубеют, то свирепо бушуют и ревут изменчивые каспийские волны. Но бакинцы работают, добывая нефть, при любой погоде. А море вдруг словно поднимает бунт, не желая покориться воле человека, пытаясь сломить эту волю вспышками отчаянной, стихийной, неукротимой злобы...

Капризы моря мешают людям. Случается, что море даже губит людей. Но запугать их оно бессильно...

Вот им-то, героям-современникам, и призвано служить молодое искусство Азербайджана. Это они — нефтяники, хлопкоробы, металлурги,— советские рабочие и крестьяне, создают красоту нового, строят коммунизм. Это им скажет Москва на декаде:

— Чох саг ол!.. Большое, большое спасибо! Много лет вам жить и здравствовать!

Сугра Садыхова в школе.

Рена-Светлана, Аждар Ибрагимов (справа) и Расим Оджагов.

ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ НАУКЕ

К 100-летию со дня рождения П. Кюри

Поль Ланжевен, бывший учеником Пьера Кюри, набросал в общих чертах выразительный облик этого человека:

«Полностью свободный от подчинения прошлому, страстно влюбленный в рассудок и ясность мысли, Пьер Кюри, как предвозвестник правды будущего, явил собою пример того, что в атмосфере морального обаяния и доброты, свободы и права может дать неустанное мужество, умственная опрятность человека, постоянно отвергающего то, что ему непонятно, и ставящего свою жизнь в согласие со своей мечтой».

Пьер Кюри родился в Париже 15 мая 1859 года. Он вспоминал позже об одном драматическом эпизоде, относящемся к дням Парижской коммуны: возле их дома была воздвигнута баррикада, и его отец, доктор Эжен Кюри, сам организовал летучий отряд для помощи раненым. Вместе с двумя своими сыновьями — Пьером и Жаком — он неоднократно ходил на соседние улицы выносить раненых из-под огня версальцев и оказывал им врачебную помощь.

Пьер Кюри никогда не учился ни в школе, ни в лицее. Однако в 14 лет он уже изучал математику под руководством педагога — друга семьи, и его способности широко развернулись. В 16 лет он был бакалавром естественных наук, в 18 — лиценциатом физики, в 19 — стал работать в лаборатории в качестве препаратора.

Поль Ланжевен рассказывал такой случай, относящийся к началу работы молодого Кюри в этой лаборатории:

«Пробужденная в молодых экспериментаторах любознательность (Пьер и Жак Кюри работали тогда вместе, бок о бок) и их стремление к поискам не всегда способны были возмещать недостаточность их познаний. Жаку, к примеру, пришла в голову хитроумная идея значительно увеличить энергетическую силу электробатарей путем использования щелочных металлов. Они для этого погрузили натриевый электрод в концентрированную азотную кислоту. Убытки, причиненные этим опытом, вызвали скандал в доме, и бурное стремление к авантюрам подобного рода возбудило некоторые сомнения у руководителя занятиями, вынужденного было прийти к заключению, что из этих молодых представителей семьи Кюри ничего толкового не получится...»

Однако это впечатление быстро развеялось перед лицом совершенно очевидных успехов братьев Кюри. Оба они занялись исследованиями свойств кристаллических тел, которые привели их к открытию пьезоэлектрического эффекта. Как известно, речь здесь идет о создании поверхностных электрических зарядов в некоторых кристаллах при их сжатии или растяжении.

Чтобы получить возможность изучать ничтожные изменения в пьезоэлектрических кристаллах, подвергнутых воздействию электрического поля, Пьер и Жак Кюри изобрели прибор — пьезокварц. При его помощи измеряется электрический ток слабого напряжения.

С тех пор пьезоэлектрические свойства кварца были использованы для создания ультразвука, применяемого для обнаружения подводных препятствий и в более общем виде для исследования морских глубин. Созданному Пьером и Жаком Кюри прибору предстояло в дальнейшем оказать большие услуги и при изучении радиоактивных веществ.

В 25 лет Пьер Кюри был назначен руководителем работ в Институте физики и химии; он был почти в том же возрасте, что и его ученики. Он продолжал проявлять особый интерес к физике кристаллов и в 1884 году опубликовал первую свою научную работу, где в формулировках, ставших классическими, определил законы симметрии в кристаллах.

Всю свою жизнь Пьеру Кюри приходилось работать то в коридорах, то в неприспособленных помещениях, жалко оборудованных, плохо освещенных, холодных. Не имея ни личных рекомендаций, ни покровительства, он получал жалованье, не превышающее заработной платы рядового рабочего,— около 300 франков в месяц. Лишь с получением Нобелевской премии, когда к нему пришло мировое признание, он был наконец избавлен от материальных забот.

Весной 1894 года Пьер Кюри впервые встретился с Марией Склодовской. Позже она вспоминала в книге о своих тогдашних впечатлениях:

«Его несколько медленная, задумчивая речь, простота, серьезная и вместе с тем юная улыбка внушали доверие. У нас завязался разговор, вскоре принявший характер дружественной беседы; касалась она научных вопросов, по которым я была счастлива спрашивать его мнение, вопросов общественного или гуманитарного характера, которыми мы оба интересовались».

Одиннадцать лет жили и работали вместе эти два выдающихся человека.

Изучая уранинит, они открыли в этом минерале присутствие двух новых радиоактивных элементов: полония и радия.

Для своих исследований им требовались большие количества этого минерала. Они выписали из Богемии много тонн отходов уранинита. И на этот раз никакой финансовой помощи им не оказывалось, ученые все делали на свои собственные средства.

Они устроились в пустом сарае — деревянном бараке с застекленной крышей, сквозь которую проникал дождь. Два года они работали без устали над выделением радия.

В 1899—1900 годах Пьер и Мария Кюри опубликовали ряд работ, посвященных открытию радиации.

Чтобы проверить физиологическое действие радия, которым особенно интересовалась медицина, Пьер Кюри однажды несколько часов подряд облучал свою руку радием. Это вызвало поражение кожи, напоминавшее ожог. Поражение все время разрасталось, и залечить его удалось лишь спустя несколько месяцев.

Открытия супругов Кюри в области радиоактивности опрокинули прежние научные представления физиков и химиков. Некоторые проявляли недоверие и скептическую сдержанность в отношении этих открытий. Но замолчать их было невозможно.

Будучи уже академиком, профессором Сорбонны, Пьер Кюри мечтал о том, чтобы вернуться к исследованиям в области кристаллов. Но, к великому потрясению всего научного мира, его жизнь неожиданно оборвалась в расцвете сил 19 апреля 1906 года — в тот самый момент, когда он, избавленный наконец от материальных забот, мог развернуться во всю мощь своего творческого гения.

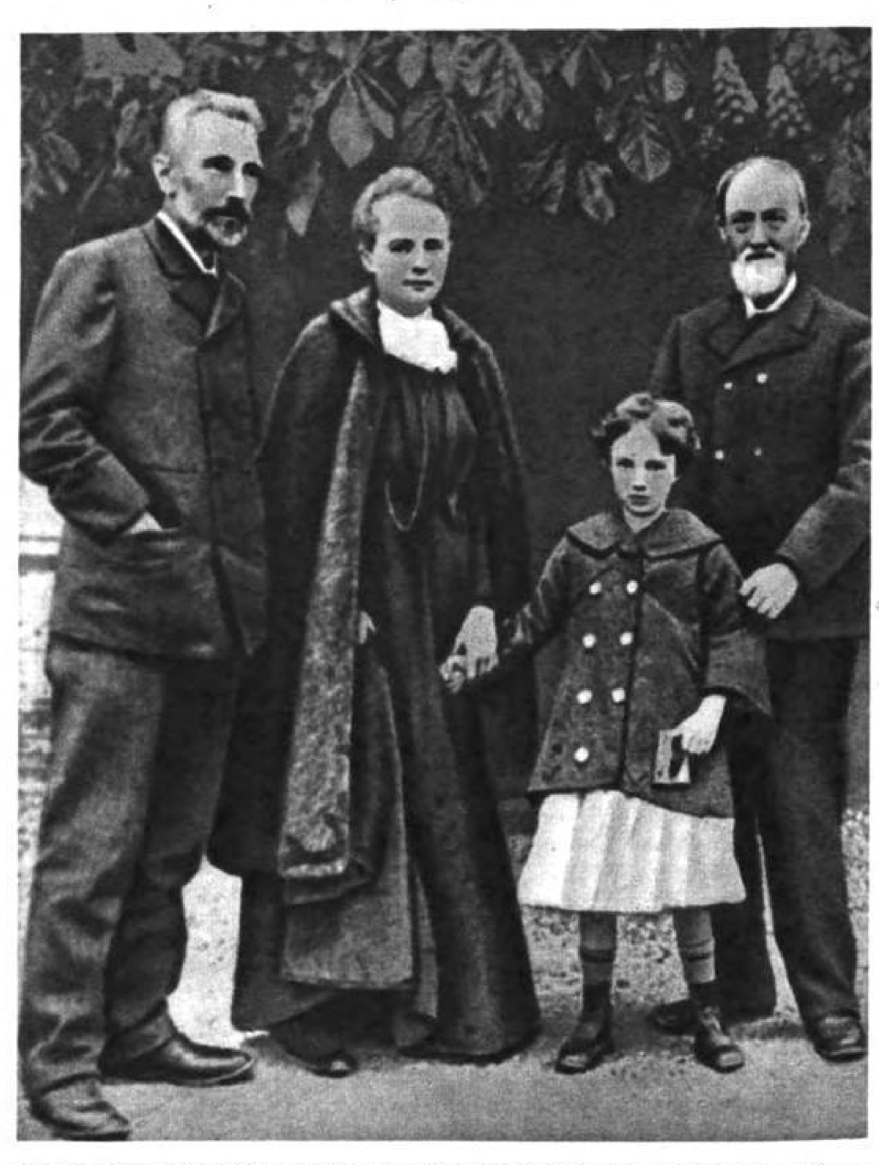
Дело Пьера и Марии Кюри было продолжено их дочерью Ирэн и ее супругом — знаменитым ученым и пламенным борцом за мир Фредериком Жолио-Кюри. В 1935 году Ирэн и Фредерик удостоились Нобелевской премии за открытие искусственной радиоактивности. А еще через несколько лет Жолио-Кюри нашел решение одной из больших задач науки — цепную реакцию расщепления атома.

Подобно Пастеру, Пьер Кюри громко выражал свою непоколебимую веру в человечество. Об этом ярко свидетельствует его речь, произнесенная перед шведской Академией наук:

«Можно себе представить, что в преступных руках радий способен стать очень опасным, и тут можно задать себе вопрос, выгодно ли человечеству познание тайн природы, достаточно ли созрело оно для того, чтобы извлечь из них для себя пользу, и не будут ли ему во вред эти познания. Пример открытий Нобеля показателен: мощные взрывчатые вещества позволили людям осуществить изумительные работы. Но они же, эти вещества, оказываются страшным средством разрушения в руках больших преступников, втягивающих народы в войну. Я принадлежу к тем, кто вместе с Нобелем думает, что человечество извлечет из новых научных открытий больше добра, чем зла».

Люсьен БАРНЬЕ

Париж.

Семья Кюри: Пьер, Мария, их дочь Ирэн и отец Пьера, доктор Эжен Кюри.

СТРАНА ТРЕХ ВРЕМЕН ГОДА

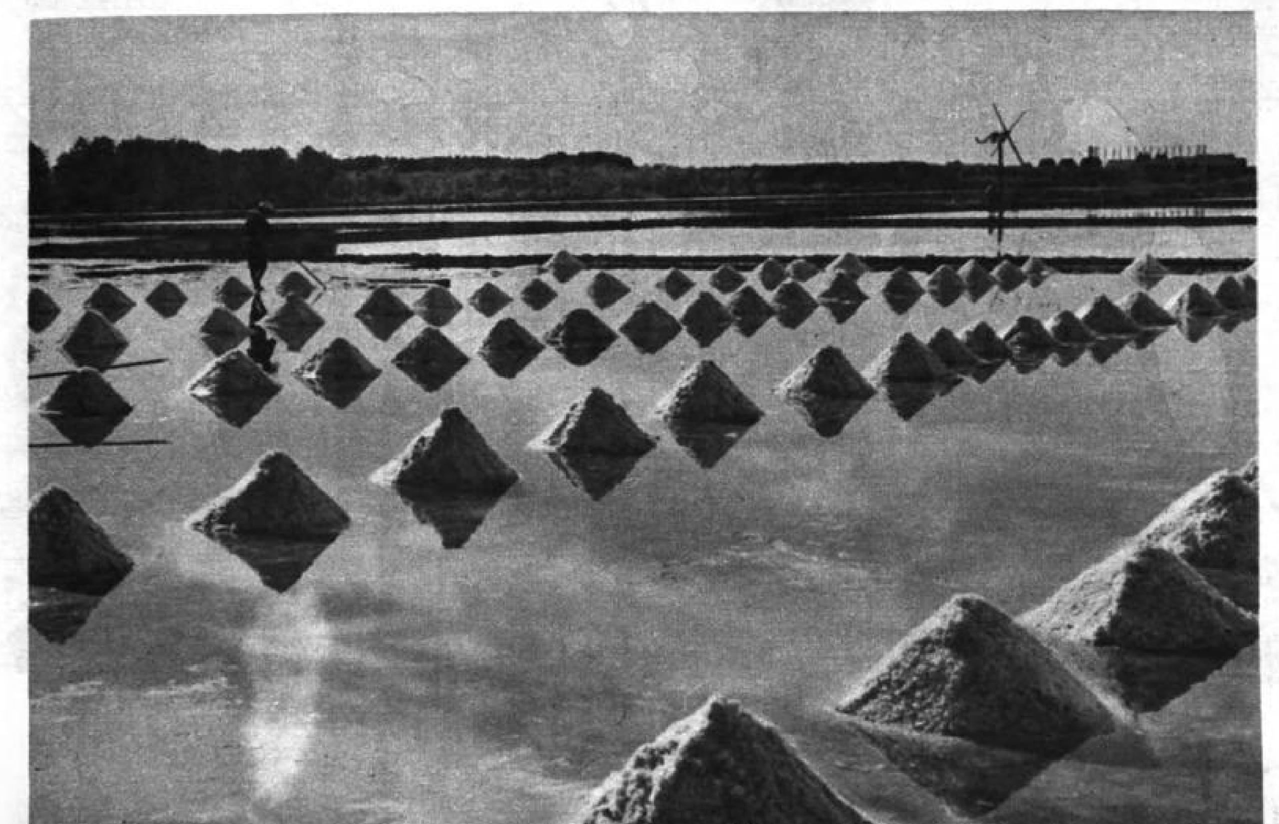
С. ОРЛИНА

На Индокитайском полуострове лежит далекая от нас страна — Таиланд.

Природа щедро наградила Таиланд красотой и благами: вечнозеленые леса богаты ценными породами деревьев, разнообразен и удивителен животный мир, недра земли таят немало полезных ископаемых — вольфрам, олово, медь, свинец. Но разрабатываются они весьма слабо и почти все находятся в руках иностранных монополий. Монополии оказывают давление на правительство Таиланда, принудив его вступить в агрессивный военный блок СЕАТО.

Милитаризация страны, агрессивные приготовления против миролюбивых государств поглощают львиную долю национального бюджета. Поэтому Таиланд остается по-прежнему без собственной промышленности, и его население занимается преимущественно сельским хозяйством.

Совершим с помощью фотоаппарата небольшую прогулку по Бангкоку — столице Таиланда — и его окрестностям.

Вместо обычных четырех времен года в Таиланде три периода: прохладный, сухой и дождливый. Однако даже в прохладный период, который начинается с середины ноября и длится до середины февраля, температура днем в Бангкоке достигает 32—35 градусов в тени. Затем наступает сухой период — наиболее жаркий; дождливый период начинается с конца апреля и продолжается до ноября.

В дождливый период, когда вода заливает поля, начинается подготовка земли под посевы риса, который является основной сельскохозяйственной культурой Таиланда. Собственную землю имеют только около 20 процентов таиландских крестьян. Остальные вынуждены арендовать ее у помещиков, отдавая за это более половины урожая.

Деревянной сохой, как его предки сотни лет тому назад, пашет рисовое поле крестьянин.

← Сбор соли в окрестностях Бангкока. Нелегко работать под палящими лучами солнца, стоя весь день босыми ногами в соляном растворе. Зарплата рабочего на этом промысле — 250—300 бат в месяц, а прожиточный минимум семьи составляет 700—800 бат в месяц.

На севере Таиланда в джунглях водятся дикие слоны. Много слонов используется на лесоразработках для корчевания леса, перевозки и укладки бревен. На снимке вы видите рабочих слонов на переходе.

Рыбаки выходят на промысел в Сиамский залив. Таиланд богат рыбой. Рыбу ловят в городе в каналах, бьют острогой на рисовых полях, залитых водой, ловят сетями в реках.

Кафе в окрестностях Бангкока.

Девушки у статуи спящего Будды в Аютии.

Здесь же, недалеко от статуи Будды, расположился нищий с обезьянкой.

Мрачная тень СЕАТО нависла над Таиландом. Угроза вовлечения в военные авантюры тревожит сердца таиландцев. Но миллионы отцов и матерей хотят, чтобы их дети были счастливы, и они ждут того дня, когда над страной трех времен года взойдет заря свободы и таиландцы станут хозяевами своей земли, своей судьбы.

Пираты в открытом море

Французский военный корабль «775» конвоирует чехословацкое судно.

Зденек НОГАЧ,
чехословацкий журналист

В конце марта из польского порта Гдыня вышло чехословацкое торговое судно «Лидице» с грузом для Марокко и некоторых стран Дальнего Востока.

7 апреля, ранним утром, когда «Лидице» находилось в нейтральных водах Атлантического океана, всего в двадцати милях от марокканского порта Касабланка, к нему стремительно приблизились два французских военных корабля, выбросивших сигналы «Стой!».

Не успело еще чехословацкое судно выполнить приказ, как раздался залп из боевых орудий. Стреляли французы. «Лидице» остановилось, к нему тут же подошла шлюпка. Два французских офицера в сопровождении вооруженных матросов поднялись на палубу. Они приказали капитану следовать в алжирский порт Оран.

Капитан отказался выполнять приказ, заявив, что чехословацкое судно находится в нейтральных водах, документы и груз в полном порядке. Французы силой овладели радиорубкой чехословацкого судна. Под угрозой пушек «Лидице» пришлось изменить курс.

Двадцать четыре часа длился вынужденный рейс под конвоем кораблей французского военно-морского флота. На «Лидице» собрался судовой комитет обсудить возникшую ситуацию. Все члены экипажа — и чехословаки и поляки — высказали единое мнение: невзирая на угрозы, сохранить судно и груз.

8 апреля, в 11 часов местного времени, «Лидице» бросило якорь в порту Мерс-эль-Кебир, у Орана.

Совершенно очевидно, что пиратское нападение было продумано до мельчайших подробностей. В порту уже собрались кинооператоры, фоторепортеры и журналисты. На палубу судна тотчас же хлынули морские офицеры, офицеры Иностранного легиона и французской тайной полиции.

«Лидице» подвергли тщательному осмотру. Были открыты трюмы и отдан приказ выгрузить товар. Капитан чехословацкого судна выразил резкий протест. Однако полицейские загнали экипаж в кают-компанию и начали унизительную проверку документов. Они отобрали судовой журнал, извлекали пленки из фотоаппаратов, чтобы скрыть следы своего преступления. Но чехословацким морякам все-таки удалось сохранить часть изобличающих фотодокументов.

Чехословацкое транспортное судно «Лидице».

Французские моряки на палубе «Лидице».

Четыре дня чехословацкое судно «Лидице» находилось в плену у военных кораблей. Его экипаж подвергался грубому нажиму и провокациям со стороны французской полиции и военных учреждений. Но вся команда как один человек оказала им решительное сопротивление.

11 апреля, в 10 часов утра, к судовому винту спустились два французских водолаза. Капитану «Лидице» никаких объяснений по этому поводу дано не было. Командование судна снова подало резкий письменный протест против незаконных действий французских властей и повторило свое требование: предоставить возможность экипажу связаться с чехословацким дипломатическим представителем. Поздним вечером закончилась разгрузка захваченного судна, а около полуночи «Лидице» выпустили из порта. Корабль направился в Средиземное море, в сторону Порт-Саида.

Таковы позорные факты насильственного задержания торгового судна.

Чехословацкое правительство предприняло решительные шаги к освобождению «Лидице» и возвращению отобранного груза. В ноте, предъявленной 10 апреля французскому послу в Праге, был заявлен резкий протест против самоуправства французских властей, которые грубо нарушили элементарные основы международного права и пытались расстроить нормальные торговые отношения между суверенными государствами.

Французское правительство не реагировало на протест. Наоборот, был отдан приказ конфисковать груз, предназначенный для марокканской королевской армии. Наш посол в Париже передал министерству иностранных дел Франции вторую ноту, в которой поведение французских властей квалифицируется как попытка похищения задержанного груза. Чехословацкое правительство самым решительным образом потребовало немедленного освобождения груза и обеспечения доставки его в место назначения, то есть в Касабланку.

Французское правительство берет на себя серьезную ответственность, ибо его действия являются откровенным пренебрежением к международному праву, грубым нарушением норм международной торговли и способствует обострению отношений между государствами. Правительство Марокко тоже решительно осудило незаконные действия французских учреждений и заявило французскому министру иностранных дел, что этот «исключительно серьезный инцидент» может вызвать далеко идущие последствия для франко-марокканских отношений.

В связи с насильственным задержанием «Лидице» невозможно не вспомнить о пиратских действиях чанкайшистских и американских военных кораблей против советских судов у Тайваня и Филиппин. Некоторые государства, вероятно, признают международное право лишь тогда, когда оно служит их интересам.

Наше судно носит символическое имя «Лидице». Французы хорошо знают чешскую деревню Лидице, стертую нацистами с лица земли. Ее имя перекликается с названием французской деревни Орадур, которую постигла та же печальная участь.

Насилие, содеянное французскими пиратами в открытом море, оживляет в памяти фашистские методы беззакония и произвола, осужденные всем прогрессивным человечеством.

Х. М. Мамедов. ПОЛДЕНЬ НА ПРОМЫСЛЕ.

С. Г. Шариф-Заде. ОЗЕРО ГЕК ГЕЛЬ.

„МОЙ КРАЙ

РОДНОЙ...“

Янка БРЫЛЬ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Прожито как будто немного, а как приятно уже бывает обратиться мыслью к истокам нелегко доставшейся зрелости!

В ту пору и малость давала ощущение красоты жизни. Чтоб сладко размечтаться, деревенскому мальчонке достаточно было затихнуть в уголке, уставиться в причудливые узоры седого мха на дощатом заборе. Если же случалось иной раз такое необычайной важности событие, что на траву, в сферу досягаемости, сваливался из гнезда только что оперившийся воробышек, счастью не было границ!..

Меня окружал совсем небольшой мирок живых существ и вещей, которые я мог назвать. Каждый новый предмет, новый голос живого существа — это просто жизнь; ей и за пределами моего горизонта, как я подсознательно чувствовал, нет ни конца, ни края. Оттуда в мой узкий жизненный круг непрестанно приходило нечто новое, что со временем открывало свое имя.

Вместе с каждой новой птичкой, с новым цветком являлась новая песня или сказка.

Среди многих полюбившихся незаметно пришла и такая: мой деревенский ровесник собирается первый раз в школу, и отец наказывает ему быть прилежным.

Не то сказка она, не то песня. Явилась — от старшего брата услышал — и сразу нашла в моем сердце уютный уголок.

А вскоре и я надел холщовую сумку с букварем и грифельной доской. Отца, что должен бы плести на колодке лапоть, уже не было в живых. Мать сама дала наказ: быть не хуже других, как у добрых людей... Остальное досказала сказка:

А усердным будешь,
Мой сынок-наследник,
Я продам коровку
И кожух последний...

В том, что это относилось ко мне, не могло быть сомнения, несмотря даже на то, что мальчика из сказки звали Игнатом. Не мог же тот, кто пустил эту сказку в жизнь, предвидеть, что меня назовут иначе!.. Да нет, это мысль уже не тех, не детских времен! Тогда я не раздумывал, чья она, эта сказка. Она просто жила, просто пришла ко мне из того чудесного «ни конца, ни края» и встретила в моем сердце то же, что чувствуют на пороге школы все малыши. Она стала моей гораздо раньше, чем открыла мне свой исходный адрес. Это случилось позднее, когда к этому наказу—овладевать светом знания — присоединились другие сказки и песни, ставшие родными своей простотой и теплом звучания.

Печально шумят за стеной старые липы. Горемычная лошаденка еле тащит плуг под крик пахаря. Цветущей гречихой пахнет родной край, в дни моего детства и юности угнетенные бунтарские принеманские земли. Звучит над деревней вечерами песня о Немане, быстром и чистом, как роса. По-нищенски робко стучится в дверь убогой хаты ночной ветер, а старуха-мать, каких я немало видел вокруг, прядет без конца и без конца тужит по сыну, что томится в тюрьме за правду.

Таким впервые открылся мне мир чудесных сказок и песен жизни... Нет, он был значительно шире! Но особый уголок в нем занимал «Мой край родной...» в те времена, когда и для меня стало ведомым и близким имя творца его — Коласа.

Бывают ранней весною дни, когда легко забыть, что во рвах и бороздах дотаивают последние лоскуты грязного, хрупкого снега, что скоро весна... С низкого, мутного неба на раскисшую землю неслышно оседает холодная морось, окрашивая даль в грустные, какие-то нездоровые, осенние тона...

Тяжело тогда глядеть на мир из-за лагерной проволоки.

На колючках набухают крупные капли и, отяжелев, одна за другой падают на землю беззвучно и щедро. За проволочной стеной по мокрому гравию нетерпеливо шаркают подкованные сапоги. Можешь думать об этих вахманах, таких невоинственных, серых на вид, что каждый из них все ж таки человек, который с радостью сбросил бы железную каску и отдал карабин, можешь поверить и полезть под проволоку — и он застрелит тебя в упор или, закрыв глаза, проткнет холодной сталью спекшееся от голода нутро. И снова будет сновать вперед-назад...

На проволоке первой, внутренней ограды болтается несколько штук плохонького, вконец заношенного белья. За этим тряпьем — воля: огромные кучи мусора на пустыре на фоне белых домиков рабочего поселка, дальше тонет в тусклой мгле небольшой баварский городок. Над ним лениво ползет черный дым фабричных труб и штыками торчат башни кирок.

Оттуда, с этой чужой, неприветливой воли, к нам приходят только те, кому нужны наши руки и плечи. Посчитают — и погнали, а вечером посчитают — и загонят обратно.

И все наше всегда с нами: тело, жаждущее хлеба, и душа — воли...

Был март сорок первого года. Для нас, солдат польской армии, полз второй год плена. Молодые — ничего, держались. А из «стариков» — семейных мужчин, мобилизованных накануне войны,— двое уже сошли с ума. Как-то совсем незаметно и странно. Сперва не хотелось даже верить. Один все писал палочкой на песке домой — бабе и дочурке Мане. Другой почти каждую ночь будил наш барак то пронзительным криком о черте, который вот-вот уже добирается до него, то задушевным, грудным баритоном:

На Муромской дороге
Стояли три сосны...

Третий дядька начал батрачить у французов: мыть пол, посуду, стирать белье.

В первом — французском — бараке жили «аристократы»: бывшие и будущие фабриканты, рантье, помещики. Они и здесь, одетые в солдатское сукно, за проволокой, смотрели на остальных свысока, так как чуть не каждый день получали посылки, варили в мятых котелках шоколад, посасывали, лежа на нарах, ароматные трубочки и читали вишийские газеты... Все это с видом людей, совершенно спокойных за судьбу своей родины.

Батракам они платили лагерным «супом», в котором сами, по милости Петена, не нуждались уже с полгода.

Ребята выследили нашего дядьку и вечером поговорили с ним культурно: это, браток, унижает достоинство советского человека. Мы уже считали себя советскими гражданами, хотя новая жизнь родного края пришла к нам пока только в мечтах да в скупых письмах из дому. Когда же этот разговор не помог, дядьку в следующий раз назвали старым хреном и даже намекнули о «темной»...

И он покаялся — перестал ходить на поклон за котелок кисловатой болтухи из отрубей и картошки.

Он только все грустно улыбался, сидя у окна...

И вот тогда явилась она к нам, словно человек оттуда, с родины,— «Новая земля»...

Не стоит удивляться этому факту. Мне, например, довелось встретиться в лагерях с Леонидом Андреевым, Коцюбинским, Серошевским. В переполненной теплушке, голодные и холодные, сидя на полу, под которым уже не первые сутки грохочут по рельсам, увозя нас черт знает куда, колеса, мы при свете, проникающем сквозь решетки узкого оконца, вслух, не отрываясь, читали «Счастье» Немировича-Данченко...

Так вот, тем же случайным путем, через десятки солдатских рук и мешков, пришла к нам и Коласова поэма.

Перед войной мне не довелось прочитать ни одной статьи о ней — ни честной, ни подлой, ни умной, ни глупой,— и о книге этой сложилось у меня собственное мнение. И одобрительное и несколько смелое: Колас казался в ней кое-где слишком простым, даже примитивным и слащавым, а безыскусственность, обыденность поэзии этой вещи не могли все-таки равняться с величественной эпикой, скажем, Пушкина или Мицкевича.

Дома, в деревне, я не только не слышал о том, что «Новая земля» начата была в тюрьме, но не мог еще проникнуться полным смыслом слова «неволя».

Дядька наш — пожилой, работящий, даже порой веселый человек. Сиротливая хата его стояла где-то над Вилией. Для такой хаты нетрудно было бы выбрать место в любом уголке Белоруссии. И человека такого, как дядька

Курец, нетрудно было бы найти чуть не в каждой белорусской деревне.

Пожалуй, и не только у нас.

Такого дядьку — но не в польском обтрепанном, заношенном в плену мундире, а в новеньком французском, не в измятой полевой конфедератке, а в светлом тюрбане — видел я летом сорокового года в многотысячной толпе пленных марокканцев из французской колониальной армии. Пестрое море тюрбанов—белых, розовых, светло-зеленых,— которые часто, если случалась вода, полотнищами развешивались на проволоке. Однообразная масса мундиров, смуглых лиц, черных глаз. Сколько ни толкись в этом шумливом муравейнике, не разговоришься. И одно желание у всех: тот называет его словом «есть», другой — «манжэ», третий, наши «кормильцы»,— «фрессен». «Зи волен нур иммер фрессен унд фрессен!» [1]. Так ругаются они, очевидно, в мыслях перемножая три четверти литра жуткой «баланды» на прискорбную цифру — сорок пять тысяч ложек.

Лагерная кухня кормила нас по очереди. У всех ворот и проходов ее проволочной ограды стояла охрана из продавшихся пленных. И вот один из таких охранников — лупоглазый здоровила в красной феске и голубых голландских галифе с обмотками — ударил этого худощавого дядьку в тюрбане большой палкой по голове.

Дядька просто проходил мимо кухонной ограды, а он перерезал ему путь, замахнулся ни с того, ни с сего и бухнул ребристой резной дубинкой. Пожилой, кроткий на вид мужчина, очевидно, труженик-феллах, родина которого — знойное Марокко — была не ближе отсюда, чем наша Беларусь, обессиленный горем и голодом, схватился обеими руками за лицо...

Толпа пленных заклокотала, загудела, возмущенная. Болван в красной феске удрал за кухонную ограду. Начальник кухни (мы догадались об этом потом) позвонил в «лагеркомендатур»... Из всех — по большей части непонятных — слов народного возмущения, которыми кипела наша интернациональная толпа, меня поразили:

— Человек просто идет! И за что ты его? Человек просто идет!..

Это кричал по-польски, с силезским акцентом пожилой французский солдат, видно, из тех бедняков, что во множестве выезжали из Польши в поисках хлеба на чужбину. Араб не понял его, но, показалось мне, услышав именно эти слова, он отнял от лица окровавленные руки, увидел все, снова закрыл руками глаза и, как ребенок, заплакал навзрыд.

А от центральных ворот лагеря, где размещалась в бараке охрана, к нам уже бежала густая цепь серо-голубых вахманов со штыками наперевес...

Человек, чья обида взорвала тысячную толпу, затерялся в этой толпе навсегда, сохранился в моей памяти рядовой жертвой фашистских надругательств.

Таким человеком, который п р о с т о и д е т — тихо, честно идет по земле, оплачивая свое нехитрое счастье тяжким трудом, без вины страдая за чужие грехи,— таким представлялся мне и этот западнобелорусский дядька, наш Василь Курец.

И вот к нему в руки, как раз в те дни, когда мы, молодые товарищи, запретили ему унижать свое человеческое достоинство, попала каким-то образом видавшая виды книга без переплета, начинавшаяся сразу с самых близких, в сердце выношенных слов:

Мой край родной, как ты мне дорог!..

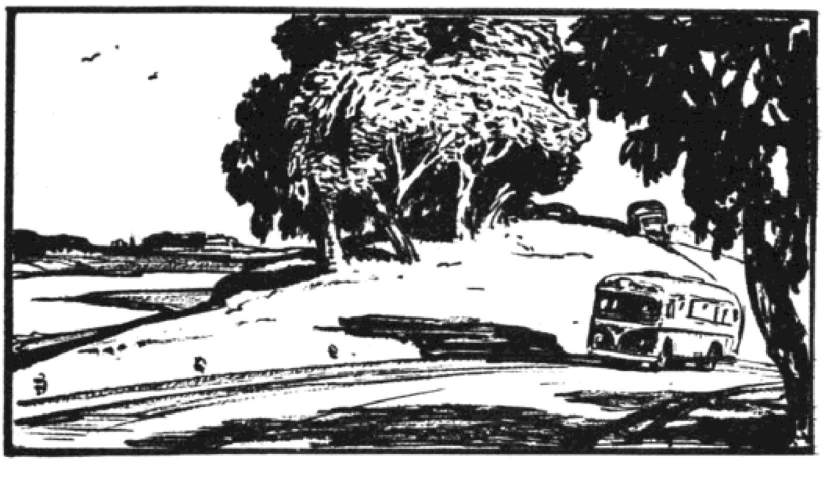
Видел я тогда, покуда единственный раз в жизни, как самый обыкновенный, едва грамотный человек плакал над книгой стихов. Не забыть мне тот печальный, сумрачный предвесенний день, посветлевший облик простого труженика, что, читая вслух, по складам, держался, как дитя за отцовскую руку, потрескавшимся пальцем за каждую строку, чтоб, не дай бог, не упустить тот мир — родной, желанный,— без которого так истомилась, так болела его честная душа!..

И я тогда подумал... Нет, я сперва стыдливо вышел из барака, постарался остаться один... Тогда мне вновь открылась, мою душу по-новому поразила неповторимо белорусская красота и обаятельная сила поэзии — народной и потому великой.

Странно, но факт: не помню точно, когда и как увидел я Коласа впервые.

Из тех дней ярче всего запомнились такие два случая.

Для сборника белорусской современной поэзии, который мы составляли в конце сорок пятого года вместе с Валентином Тавлаем, нужны были новые стихи нашего патриарха. Он жил тогда уже в своем новом домике рядом с Академией наук. Тавлай с семьей поселился в том же сосновом леске, в одном из зеленых солдатских бараков, стоявших здесь еще с тех времен, когда и академическое здание было

гитлеровской казармой. По сравнению со мной Валентин был старожилом в литературе, однако и он отправился за стихами к соседу не один, а попросил посредничества Глебки.

Холодный ноябрьский вечер. Мы шли между редкими, потрепанными войной соснами на свет в Коласовом окне, и Тавлай, человек, не слишком искушенный в хозяйственных делах, как обычно, тихо и наивно пожаловался, что вот зима началась, а дров, браток Петро Федорович, еще нет.

— А пила у тебя имеется?

— Есть завалящая, браток.

— Что ж, так давай вот втроем сосну повалим. Приволочем, распилим.

— Ха! А завтра старик мне же первому и позвонит: «Пятрок, кто-то, брат, сосенку срубил. И еще, свинья, под самыми окнами. Надо позвать понятых: след ведет к Тавлаю...»

И мы, остановившись, хохотали так здорово, с таким смаком, как не часто случается.

Однако я в тот раз дошел со старшими товарищами только до калитки в высоком заборе, а потом решил, что мне, пожалуй, лучше подождать у Валентина.

Позднее по заданию редакции мне и самому довелось зайти в тот домик под соснами, где за окном небольшого кабинета красовалась среди плодовых деревьев обыкновенная наша деревенская рожь, посеянная рукой поэта-академика. Приятно признаться, что и тогда, уже значительно более освоившийся в литературной среде, я был далек от репортерской бойкости некоторых носителей редакционного блокнота. И играли здесь роль не страх, не застенчивость, а просто чувство дистанции.

Хотелось мне, конечно, услышать от Коласа что-нибудь необыкновенное, важное. И верилось, что услышу...

Слушал меня дядька Якуб внимательно, похозяйски пытливо вглядывался из-за своего письменного стола в еще одного, что тоже, говорят, хочет приобщиться к великому делу. Когда же я со служебной обстоятельностью и неслужебным волнением кончил излагать ему редакционную просьбу, он еще помолчал немного, смутив меня своей, как мне казалось, недовольной хмуростью, и наконец произнес:

— Дождя сколько времени нет... И что это, хлопче, будет?

Признаться, меня сперва удивила и даже разочаровала такая простота и проза. Не сразу я понял, сколько в этом беспокойстве народной души, не сразу представил его горькие размышления бессонной ночью, розовый рассвет над колючей зеленью сосновых вершин и слова, что не произнести было вслух в часы старческого одиночества... Слова сыновней тревоги за счастье Родины, за тех, что столько вытерпели в недавней, вчерашней войне!..

«Только тот, кто действительно услышит голос земли, голос народа, впитает его поэзию, тот передаст его тысячеголосым эхом во все углы нашей родины».

И мне уже были известны его мудро-простые слова. Они так перекликались с величественным образом самого песнопевца, с его невольно, подсознательно созданным автопортретом, заключенным в совсем новых тогда, только что опубликованных строчках:

Спросила буря старца-дуба:
— Пошто тебя мне не сломить?
— Я в землю врос, с землею жить,—
Ответил дуб,— мне в дружбе любо.

Еще один, тоже как будто незначительный, однако характерный факт.

В сентябре пятидесятого года, едучи автобусом из Барановичей в Новогрудок, я любовался красотой Надсвитезянской осени: дорогой в золотом туннеле лип и кленов, гроздями рдеющей рябины на фоне свежей, только что засеянной земли. Когда же я, не сдержавшись, что-то сказал своему соседу-пассажиру об этой красоте, он, местный колхозник, ответил с улыбкой:

— Якуб Колас говорил, что хочет, дай бог ему здоровья, пройтись здесь когда-нибудь пешком.

Я не стал спрашивать, кому же это он, Колас, говорил.

«Люди толкуют»,— ответил бы, наверно, мой случайный спутник.

Если же это легенда, то тем лучше: эта золотинка ярко свидетельствует о любви народа к своему поэту.

Мы все любили его. Молодое поколение литераторов, мы часто ревновали своего старейшину к людям, которых он считал друзьями, и презирали тех, что терлись около него, не имея на то права истинной, а тем более взаимной симпатии. Мы болезненно переживали это, несмотря на то, что кое-кому из нас посчастливилось все-таки стоять к нему довольно близко, даже услышать отцовское слово оценки...

В конце концов не в том дело, кто сколько раз встречался с дядькой Якубом, что он кому говорил.

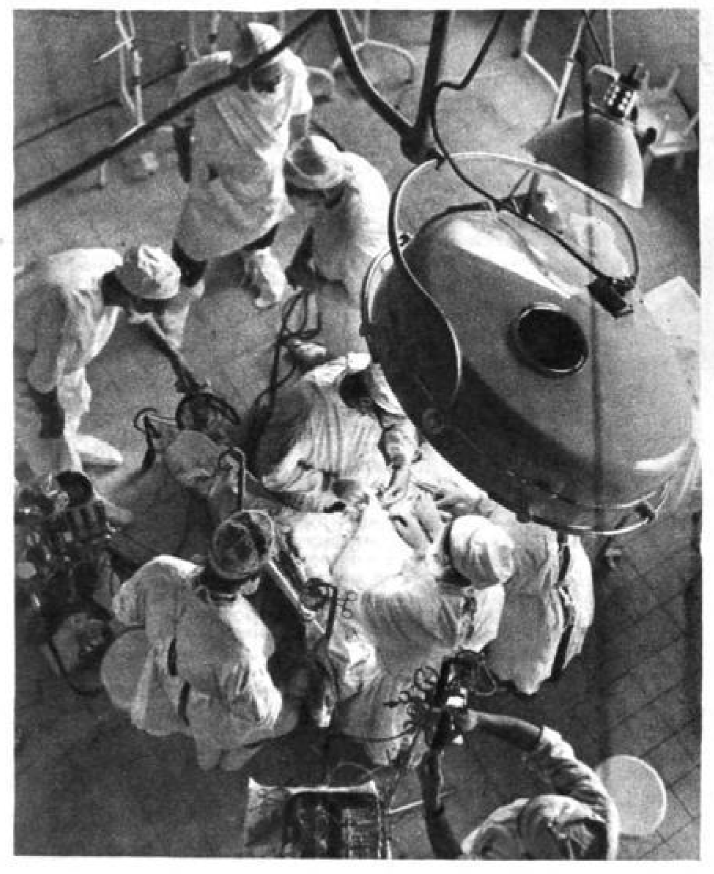
Главное, из чего слагается вечная суть чудесного, радостного явления, имя которому Колас, всегда и нераздельно с нами.

Заключенный в его лучших творениях свет, многокрасочный, многоголосый, солнечный свет его непобедимой народности, и я, в числе тысяч других, благодарно считаю своим.

Мой край родной, куда я часто захожу так же взволнованно, как заходят после разлуки в отцовский дом,— мой от младенчества до смерти!..

Авторизованный перевод с белорусского А. ОСТРОВСКОГО.

[1] «Им бы только жрать да жрать!» (немецк.).

Заканчивается операция сердца.

Сердце бьется снова

Н. СВЕТЛОВА

Сегодня в Институте грудной хирургии операционный день. Английские и советские хирурги борются за жизнь шестилетней Людочки.

Это вторая совместная операция по поводу врожденного порока сердца. Операции проводятся на открытом сердце с помощью аппарата искусственного кровообращения, который привезли английские хирурги. Их ведут профессора лондонского Института усовершенствования врачей физиолог Д. Милроуз, старший хирург У. Клиланд, хирург Х. Бентол, а также профессор С. А. Колесников, В. М. Бухарин из Института грудной хирургии.

Первая больная, двенадцатилетняя Ирочка, перенесла операцию по поводу сужения легочной артерии. Все послеоперационное время девочка чувствует себя хорошо. Цвет кожи розовый, навсегда пропала синюшность, которая была у нее до операции. Ирочка разговаривает, смеется, хорошо ест, в ближайшие дни ей разрешат садиться.

Сегодняшняя операция более сложная: надо исправить не только сужение легочной артерии, но и закрыть врожденное порочное сообщение между правым и левым желудочками сердца.

Операционная на третьем этаже, а с четвертого, со специально оборудованного балкона, через большой стеклянный купол можно наблюдать работу хирургов. На балконе, в конференц-зале и в кабинете директора института установлены телевизоры, на экранах которых крупным планом демонстрируется операция.

Здесь собрались виднейшие специалисты в области хирургии. От первой до последней минуты операции они внимательно следят за ее ходом.

Комментирует операцию врач В. П. Смольников по микрофону телевизора:

— Открыт перикард... Усилившееся дыхание больной искусственным управлением приводится в норму... Кровяное давление 110—70.

Одна за другой перекрываются верхняя и нижняя полые вены, артерии, аорта.

В операционной температуру повышают до 26 градусов, так как больная во время операции сильно охлаждается (при первой операции температура больной упала до 30 градусов).

— Начали нагнетать кровь в шланги, по которым она пойдет через конюли в предсердие больной,— поясняет комментатор.

Больная потеряла небольшое количество крови, и хирург немедленно сообщает наркотизатору, чтобы он обратил на это внимание. Верхняя полая вена у девочки значительно уже нижней, и хирургу придется изменить режим аппарата искусственного кровообращения.

— Аппарат присоединен к венам... Аппарат полностью присоединен к больной... Аппарат пущен...

В сердце, отключенное от живого организма, вливают лекарство, которое вызывает его полную остановку.

Реконструкция больного сердца производится как бы на безжизненном, недвижимом мышечном мешке.

Комментатор продолжает:

— Профессор Клиланд расширяет суженную легочную артерию... Палец хирурга теперь легко проходит в артерию... Хирург приступил к устранению межжелудочкого сердечного дефекта... Накладывается второй ряд швов...

И вот сердце ребенка снова начинает работать! Но еще несколько минут, пока оно не вошло в четкий ритм, аппараты продолжают действовать. Наконец сердце, избавленное от врожденного порока, полностью вступает в строй. Работает оно спокойно и четко.

На 25 минут было остановлено сердце, искусственное кровообращение продолжалось 35 минут.

— Температура больной 35 градусов, кровяное давление 70—110,— слышим через микрофон.

Взгляды всех присутствующих прикованы к ожившему сердцу. На экране телевизоров видно, как оно бьется, и каждый ритмичный, уверенный удар приносит радость собравшимся.

Еще один блестящий успех современной хирургии. Жизнь девочки спасена!

Часа через три после операции мы повидались с директором Института грудной хирургии профессором А. А. Бусаловым.

— Участие в работе нашего коллектива английских хирургов,— говорит Алексей Андреевич, — прекрасный пример совместной работы советских и английских ученых над одной из самых сложных проблем медицины — операцией на открытом сердце. Это пример дружеского обмена опытом.

Мы имеем возможность на практике,— продолжает профессор,— оценить аппарат «искусственное кровообращение», предложенный английским профессором-физиологом Д. Милроузом. И мы признательны Милроузу, что он заменил первую, менее совершенную модель своего аппарата, который купил Советский Союз, современной. Первый аппарат искусственного кровообращения вызвал у нас разочарование, советские ученые нашли в нем недостатки. Последний образец аппарата «искусственные сердце и легкие», испытанный английскими учеными совместно с учеными, хирургами, физиологами Института грудной хирургии, к нашему большому удовлетворению, дает хорошие результаты.

Операции проходят четко, заканчиваются благополучно. Совместное обсуждение ближайших результатов операции позволило уточнить важные вопросы физиологии и хирургической техники.

Хочется сказать, что в эти дни, когда в нашем институте испытывается новый сложный аппарат, когда проходят очень серьезные операции, мы получаем немедленную помощь от всех советских организаций, к которым бы мы ни обратились. И вот это великое чувство товарищества дает уверенность, что коллектив института и в дальнейшем будет успешно осваивать труднейшие разделы хирургии и спасать жизнь людей.

Президент Академии медицинских наук СССР А. Н. Бакулев (в центре) поздравляет с успешно проведенной операцией Д. Милроуза (слева) и У. Клиланда.

Фото С. Фридлянда.

ДЕТСКАЯ ЛЮБИТЕЛЬСКАЯ КИНОСТУДИЯ создана в Свердловске во Дворце культуры Уралмашзавода.

Сейчас юные кинолюбители снимают фильмы о детских самодеятельных кружках при Дворце культуры.

На снимке: операторы Миша Боев, Толя Лесников и руководитель кружка Ф. Ф. Коряков ведут съемку в слесарном кружке.

Фото Ф. Рыбакова.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ «ВЕГА» — награда Шведского общества антропологии и географии — присуждена Герою Советского Союза доктору географических наук Михаилу Михайловичу Сомову за выдающиеся исследования полярных стран и участие в проведении Международного геофизического года.

Медаль «Вега» была учреждена после завершения первого в истории сквозного плавания по Северному Морскому пути, осуществленного шведской экспедицией А. Э. Норденшельда на судне «Вега» в 1878—1879 годах.

Медалью «Вега» награждено около пятидесяти путешественников и исследователей. В числе их А. Э. Норденшельд, Фритьоф Нансен, Н. М. Пржевальский и другие.

На снимке: шведский профессор Ханс Альман вручает в Стокгольме медаль «Вега» М. М. Сомову (слева).

ОБЪЕДИНЕННЫЙ СОВЕТСКО-КИТАЙСКИЙ УЧЕНЫЙ СОВЕТ ПО ПРОБЛЕМЕ АМУРА собирался на днях в Москве на свою третью сессию.

На снимке (слева направо): инженер П. Н. Дмитриевский, профессор С. В. Клопов, заместитель министра водного хозяйства и электроэнергетики Китайской Народной Республики Фэн Чжунь-юнь, инженер И. А. Терман, гидротехник Чжан Бен.

Фото О. Кнорринга.

«МОСКОВСКИЙ ДОМ ОБУВИ» — так называется крупнейший в столице обувной магазин, открытый на проспекте Мира.

Продавцы здесь обслуживают одновременно до двухсот покупателей. Рядом с салоном работает зал педикюра. Имеется специальный отдел ортопедической обуви.

Ежедневно в новом магазине продаются тысячи пар обуви.

Фото Ф. Короткевича.

ОТ КРАЯ ДО КРАЯ

Подарок колхозной библиотеке

Недавно в адрес колхоза «Шарк Юлдузи» («Звезда Востока»), Ташкентской области, пришла объемистая посылка из Москвы. В ней оказалось несколько сот книг по вопросам сельского хозяйства и произведения художественной литературы. Вместе с посылкой поступило письмо на имя председателя колхоза трижды Героя Социалистического Труда Хамракула Турсункулова:

«Глубокоуважаемый товарищ Турсункулов! Прошу принять маленькое пополнение для библиотеки вашего прекрасного колхоза. Буду рад, если эта литература будет хотя в малой степени полезной для вашего колхоза. Я всегда с благодарностью буду помнить сердечный прием, оказанный нам в вашем замечательном колхозе.

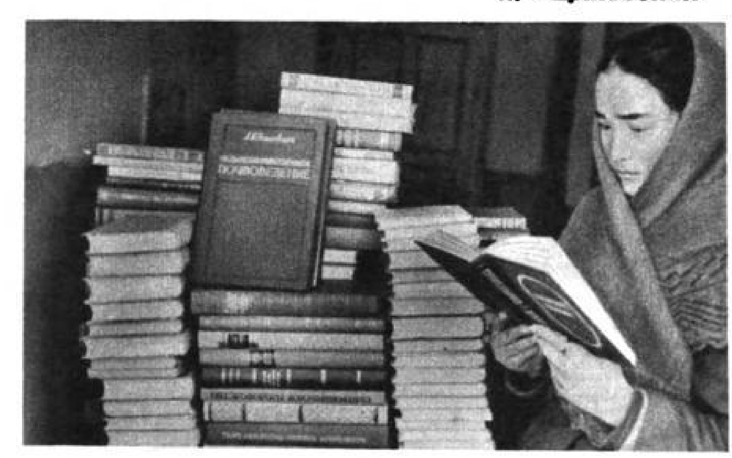
Посылаю также сердечный привет и добрые пожелания всем труженикам артели «Звезда Востока», достижениями которых законно гордится весь трудолюбивый и талантливый узбекский народ. Крепко и дружески жму вашу руку и желаю добра.

К. Ворошилов».

Минувшей осенью, находясь в Узбекистане, Климент Ефремович и сопровождавшие его лица были гостями колхозников артели «Шарк Юлдузи».

В память о своем пребывании в этом колхозе К. Е. Ворошилов и направил посылку с книгами, подобранными из его личной библиотеки.

П. УЩАПОВСКИЙ

Колхозница третьей бригады Зуфира Муминова знакомится с книгами, поступившими в подарок колхозной библиотеке.
Фото автора.

Его именем названа комета

В зале Кестымского клуба много народу. Колхозники артели имени Кирова собрались послушать лекцию о советской космической ракете, которую читает заслуженный учитель И. В. Ахмаров.

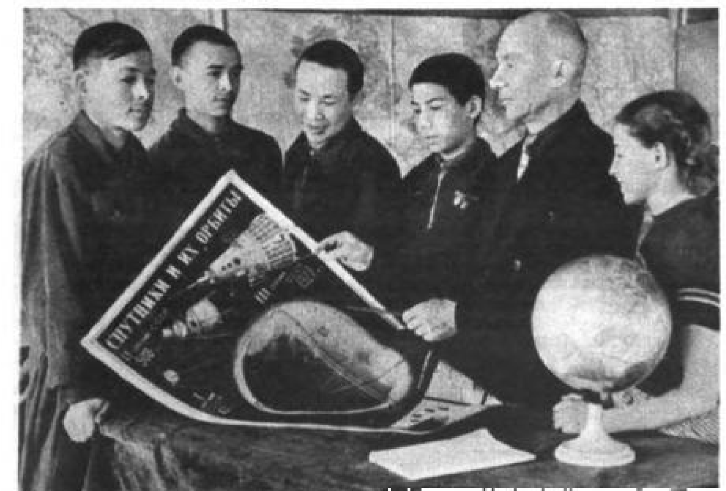
В апреле 1939 года энтузиаст астрономии, молодой учитель физики Ибрагим Ахмаров открыл новую комету. Международный астрономический союз наградил его именной медалью, а комету назвал «Ахмаров-Юрлов» (Юрлов — метеоролог из Воткинска, Удмуртской АССР, который на 30 минут позже Ахмарова обнаружил комету).

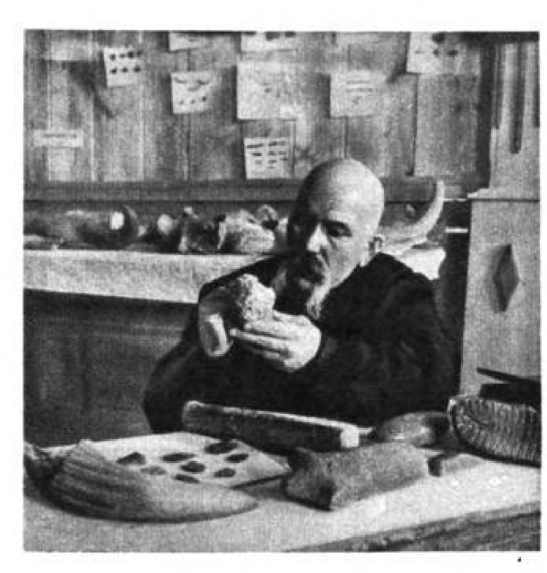
Энергия и увлеченность Ахмарова сделали многих жителей Кестымы любителями-астрономами. Вот уже 20 лет при школе активно работает астрономический кружок.

Местные астрономы-любители наблюдают за полетом спутников, точно высчитывая время движения, ухитряясь наблюдать их по два—три раза за ночь.

Е. ФЛЕЙС

И. В. Ахмаров с юными любителями-астрономами.
Фото П. Катаева.

Василий Александрович Вдовин.
Фото В. Лысенко.

ПОХОД ЗА КЛАДАМИ ПРИРОДЫ

Тучный, с висячими запорожскими усами, в сибирской шубе-борчатке и круглой украинской шапке, он появлялся в Иркутске во время учительских конференций. Его встречали в университете, и в геологическом управлении, и в музеях, и в отделении Географического общества, и в филиале Академии наук.

В каждый свой приезд из Киренска Василий Александрович Вдовин привозил что-нибудь новое: то коллекцию минералов, собранную на границе леса и тундры, то снимки древних письмен, обнаруженных при раскопках на берегах Лены.

Вдовин страстно любит родную Сибирь. Окончив Иркутский университет, он поехал работать домой, в Киренск. Уже не вспомнить, сколько раз с той поры проплыл он и прошел пешком со школьниками и студентами по Вилюю, по Киренге! Он создал географический музей в Киренске, проложил новые маршруты экскурсий на северный Байкал.

Таких энтузиастов краеведения немало среди иркутян.

На них и рассчитывали в обкоме партии, когда родилась мысль объявить массовый геологический поход.

Двадцать тысяч исследователей из молодых рабочих, колхозников, студентов, учащихся школ получили компасы, радиометры, карты и пошли по таежным маршрутам.

...Отряд, руководимый бывшим лесничим С. Ф. Шабуневичем, пробирался по берегу Киренги, притоку Лены. Разведчики отбивали молотками образцы камней и складывали их в сумки. Среди этих образцов оказалась марганцевая руда.

Сейчас это марганцевое месторождение исследуется, выявляется возможность его промышленной эксплуатации.

Из Тулунского района в областной штаб поступили заявки на залежи кварцевого песка, белой и красной глины, железной руды, каменного угля. В Мамско-Чуйском районе обнаружены новые слюдоносные жилы.

Из Нижнеудинского района прислал письмо Кирьян Борисович Зарубин: «Я старый охотник, но у меня плохое зрение. Я знаю одно место, где раньше находил породы, сопутствующие золоту. Прошу прислать геолога, а то умру и останется место необследованным...»

В области открыто 90 «уголков» геологии. В Тайшете, например, настоящая выставка с 302 экспонатами, геологическими картами, фотографиями, справочной литературой. В селах Шелехово, Венгеровке, Серебровке, Тайшетского района, открыты школьные геологические музеи.

Недавно на областном слете участники массового похода подвели первые итоги: если за предыдущие двадцать лет (с 1937 по 1957 год) от населения области было подано 144 заявки на месторождения полезных ископаемых, то за одно лето 1958 года поступило двести заявок. Добрым словом помянули на слете тех, кто был зачинателем похода, и в первую очередь старого учителя Василия Александровича Вдовина.

Нынешним летом 50 тысяч человек отправятся в массовый геологический поход на поиски природных кладов.

Поход в сибирские кладовые продолжается.

А. КРИВЕЛЬ

Ксения Куприна на родине

1919 год. В Гатчине, под Петроградом, в полупустом особняке шла репетиция. Малыши готовили спектакль.

Роль принцессы исполняла маленькая Ксюша, чей отец руководил постановкой пьесы. Он любил ребят, иногда сочинял для них сказки и рассказы. Его знали многие, даже незнакомые с ним люди. Это был писатель Александр Иванович Куприн.

А недавно Ксения Александровна Куприна вступила в труппу Московского драматического театра имени Пушкина. Зрители увидели ее в пьесе испанского драматурга А. Касона «Деревья умирают стоя» в роли секретарши Элены. Участвует она и в спектаклях для детей, в инсценировке известной русской сказки «Аленький цветочек».

У Ксении Александровны сохранился снимок, сделанный ею еще ребенком, в Финляндии в 1920 году. Она сфотографировала отца своим небольшим аппаратом, полученным в подарок ко дню рождения. Невеселым получился на этом снимке писатель в первый год эмиграции.

А. И. Куприн в Финляндии в 1920 году. Снимок Ксении Куприной.

Как известно, А. И. Куприн, из Франции в 1937 году вернулся в СССР. Ксения Александровна не могла тогда выехать из Парижа вместе с родителями. Она снималась в нескольких фильмах, и французы часто видели на экране молодую русскую актрису Киссу Куприну. В 1938 году Александр Иванович умер. Францию захлестнула вторая мировая война, немецкая оккупация...

В Москву Ксения Куприна приехала лишь в начале 1958 года, привезла с собой чемодан, оставленный родителями на ее попечение 20 лет назад,— чемодан с архивом и рукописями Александра Ивановича.

Они стали достоянием Центрального государственного архива литературы и искусства СССР. В числе рукописей оказались произведения, которые еще не публиковались. Опытные архивисты трудятся сейчас над литературным наследием Куприна.

Нередко Ксению Александровну приглашают в радиостудии, клубы, Дворцы культуры с просьбой поделиться воспоминаниями об отце.

— Недавно я выступала перед учащимися старших классов одной московской школы,— рассказывает К. А. Куприна.— Одна из школьниц поразила меня, прочитав наизусть почти полностью рассказ «Гранатовый браслет». Как бы в ответ я прочла очерк отца «Родина», опубликованный в журнале «Москва». Я постараюсь написать книгу воспоминаний об отце, рассказать о том, как тяжело переживал он годы эмиграции.

Лишь по возвращении в Москву я наглядно представила себе, как высоко ценят советские люди творчество Куприна. С интересом смотрела я в кино его экранизированные произведения «Поединок» и «Белый пудель».

М. ПОЛЯНОВСКАЯ

К. А. Куприна в роли Элены в пьесе А. Касона «Деревья умирают стоя» на сцене театра имени Пушкина.
Фото С. Шингарева.

Вагоны в два этажа

В Москву, на Курский вокзал, пришел поезд необычного вида. Кузова вагонов низко опущены к рельсам, а окна расположены в два ряда. Этот двухэтажный поезд приобретен Министерством путей сообщения СССР в Германской Демократической Республике.

...Через широкие раздвижные двери входим в тамбур. Первое впечатление такое, как будто попадаешь на пароход. Пологая лестница ведет на второй этаж, словно в салон верхней палубы; по двум другим лестницам можно опуститься вниз, на первый этаж. Как вверху, так и внизу потолки достаточно высокие. По обе стороны от прохода — двухместные мягкие сиденья с удобными спинками, большие, светлые окна.

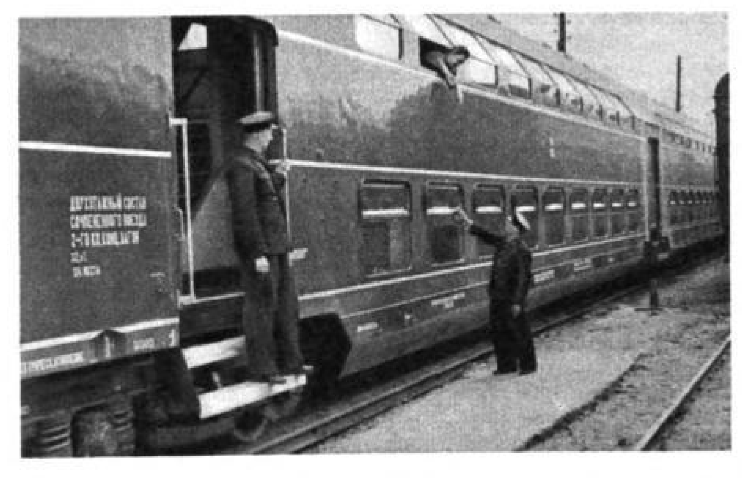
Поезд состоит из пяти вагонов, соединенных между собой и образующих как бы одну секцию. В ней 620 сидячих мест. Вагоны имеют электрическое и паровое отопление.

Двухэтажный поезд совершает сейчас опытные рейсы на пригородных дорогах Москвы.

А. ГОЛИКОВ

В вагоне на втором этаже.

Так выглядит двухэтажный вагон.

Фото Ф. Короткевича.

Потомок легендарного Левши

Большим почетом среди туляков пользуется потомственный оружейник Михаил Исаевич Почукаев. На заводе он гравирует стволы охотничьих ружей, а свободное время посвящает любимому занятию — микрогравировке. Друзья зовут Михаила Исаевича «современным Левшой».

Представьте себе металлический кружочек величиной с пятикопеечную монету. В нем шесть отверстий с крошечными стеклышками.

— Эту работу,— говорит мастер,— я выполнял почти три года. Взгляните!

Он держит кружочек против света. Как мы ни напрягаем зрение, как ни всматриваемся, стеклышко кажется совсем прозрачным. Но стоит поглядеть на него через микроскоп, дающий 200-кратное увеличение, и вы прочитаете на стекле текст Гимна Советского Союза. На площади в четыре с половиной квадратных миллиметра рядом с текстом выгравирован Государственный герб СССР.

Мастер слегка поворачивает кружочек. На втором стеклышке тончайшими штрихами выполнена копия известной картины Перова «Охотники на привале». Поразительно точно передано выражение лиц рассказчика и слушателей, не пропущено ни одной детали.

Замечательно и другое произведение Почукаева, размером 3 × 4 миллиметра. К высокому дереву веревкой привязана блоха, которая раз в десять меньше булавочной головки. Тульский кузнец Левша, обутый в опорки, одетый в длинную домотканую рубаху, держит блоху за ногу и размашисто забивает гвозди в подкову. Хорошо видна не только подкова, но и гвозди. На подковах размером в две десятых миллиметра написано: «Тула, Левша».

М. И. Почукаев за работой.

Фото И. Помогаева.

Михаил Исаевич Почукаев не только искусный гравер, но и художник-портретист. Он создал портреты Льва Николаевича Толстого, изобретателя русской трехлинейной винтовки С. И. Мосина, дважды Героя Советского Союза летчика-туляка Б. Ф. Сафонова. Размеры этих произведений — не больше торца спички.

Свыше ста работ принадлежит Почукаеву. Многие из них переданы в областные музеи: краеведческий, оружейный и художественный.

Мастеру художественной микрогравировки 62 года. Творчество его отмечено высокой наградой Родины — орденом Ленина.

Н. БЕЛЯЕВ

Покорение Нарына

Два года назад на берег киргизской горной реки Нарын приехала небольшая группа людей. Они поселились в палатках, каждый день что-то измеряли, записывали, рыли колодцы...

Старый Магарбек Муслимов, колхозный чабан, пасший на берегах реки отары овец, с интересом наблюдал за обитателями полотняных домиков. А когда познакомился с ними, то узнал, что мощный, неукротимый поток Нарына скоро перекроет плотина электростанции, которая даст энергию многим колхозным селам.

Теперь Магарбек Муслимов нашел другие пастбища для овец. А вокруг будущей электростанции выросли кирпичные корпуса нового поселка. Русло Нарына перекрыто. Прорыт обводной канал. Через новое русло Нарына наведен мост.

Строители укрепляют и бетонируют берега под мостом через обводной канал.

Фото автора.

Новая ГЭС обеспечит электроэнергией Южную Киргизию и Ферганскую долину.

Б. БУРТ

МИНИАТЮРНЫЙ «КОН-ТИКИ»

В № 28 журнала «Огонек» за прошлый год был опубликован снимок гидровелосипеда. Хорошая вещь — гидровелосипед, но не всякому доступно приобрести его.

Отдыхая на крымском курорте Планерском, я соорудил легкий разборный плот. В отличие от гидровелосипеда он доступен каждому отдыхающему, туристу, рыболову.

Плот состоит из двух надувных прорезиненных матрацев, соединенных каркасом из реек, связанных шнуром. Матрацы пристегиваются к каркасу с помощью деревянных пуговиц, привязанных к концам палок. Объем воздуха в двух матрацах — 300 литров. Сборка и разборка плота занимают несколько минут. В сложенном состоянии два матраца занимают объем около четырех литров и весят три килограмма. Каркас укладывается в виде пучка палок с наибольшей длиной 1,8 метра и толщиной пучка 11—12 сантиметров. Вес каркаса из бамбуковых палок — около 3 килограммов.

На плоту можно плыть с помощью весел, ластов и паруса со скоростью от 2 до 5 километров в час. Используя в качестве паруса пляжный зонт, можно развивать при боковом и попутном ветре и бо́льшую скорость. Зонт укладывается на мачту, устроенную в виде треножника из бамбуковых палок. На эту же мачту можно повесить рюкзак, сумку, одежду. Для изготовления каркаса с мачтой и веслами требуется 7—8 бамбуковых удилищ.

Такой миниатюрный «Кон-Тики» показал себя устойчивым на волнах до 4 баллов.

Плот свободно держит на воде двух человек, но обладает большей маневренностью, когда на нем плывет один человек. При осадке в несколько сантиметров плот проходит по самым мелководным местам.

В туристских походах, разобрав плот, можно спать на матрацах, раскладывая их на земле.

А. СЛАВЯНСКИЙ

Плот отправляется в плавание.

Фото автора.

«Наш друг найден!»

Весной 1945 года, в дни освобождения чехословацкого города Брно, в дом Бедржиха Кейвала вошел незнакомый друг — первый советский автоматчик. Тогда Кейвал сфотографировал своего освободителя, но не успел записать его имени. Он пытался разыскать неизвестного русского солдата и просил «Огонек» (№ 25, 1958 г.) помочь ему.

На письмо Кейвала откликнулось более 80 человек. Письмо одного из советских воинов было опубликовано в № 2 «Огонька» за 1959 год— «Кажется, это я».

Но автор и этой заметки ошибся: он был желанным гостем в чьем-то другом доме.

Всем своим корреспондентам чешский друг посылал фотографии советского солдата, и каждый раз выяснялось, что это не тот, кого разыскивал Бедржих.

И вот наконец Бедржих Кейвал сообщил редакции «Огонька»: «Наш друг найден!» Делегация украинских журналистов привезла в Брно фотографию киевского слесаря Миколы Коляденко. Он и был тем, кто первым вошел в дом Кейвалов.

Впрочем, радость от увенчавшихся успехом поисков была велика не только потому, что житель Брно узнал о том, что Коляденко жив, здоров, успешно трудится.

Маленькая заметка в «Огоньке» помогла ему и другим горожанам Брно завязать новую дружбу с десятками советских людей. В чешский город приходят письма, в которых советские рабочие, служащие, пионеры сообщают о своей жизни, планах, мечтах.

Советские туристы, посещающие Брно, навещают и дом Бедржиха Кейвала; здесь они всегда желанны.

Микола Коляденко со своей семьей. Эту фотографию подарили Б. Кейвалу украинские журналисты.

Марта Додд.

В джунглях американского Юга

Марта ДОДД,
американская писательница

В октябре в штате Северная Каролина стоит обычно мягкая, удивительно ясная погода. Красноватая земля все еще остается пыльной и сухой, но дно канав осенние дожди наполняют водой и холодной мокрой глиной.

В этих канавах погожими днями любят играть дети. Они шлепают босыми ногами по воде или расхаживают взад и вперед, с удовольствием наблюдая за тем, как глина медленно проступает между пальцами. Ребята строят укрепления и сражаются, забрасывая комьями глины армию противника, засевшего по ту сторону дороги. Проигравших объявляют дураками; в наказание каждый из них должен пройтись на руках, влезть шесть раз подряд на дерево или — если в игре участвуют мальчики и девочки — поцеловать кого-нибудь.

В тот октябрьский полдень 1958 года два мальчугана, возвратившись из школы, играли у обочины дороги в одной из таких канав на окраине небольшого городка Монро в штате Северная Каролина. По одну сторону дороги ютились полуразрушенные, обшарпанные хижины, а по другую — раскинулся поселок небольших, ладно построенных, свежеокрашенных домов. Но в тот момент ребятам было не до сравнений! Девятилетний Ганновер Томпсон, добродушный стройный паренек с широко посаженными мечтательными глазами, и его друг Дэвид Симпсон по прозвищу Фаззи, восьмилетний мальчуган с живыми глазами и мелкими черными завитками коротко остриженных волос, вели смертельный бой с группой озорников, засевших по ту сторону дороги. В стане врагов была семилетняя девочка, коварная шалунья, живая и подвижная, как бесенок. С ловкостью бывалых вояк, в совершенстве овладевших приемами окопного боя, армия противников, казалось, одерживала победу.

Младший из мальчиков, Фаззи, уже выбыл из строя: прямое попадание в живот, серьезное ранение! Потом неожиданно перед Ганновером вынырнула светлая головка, мелькнула худая рука — и Ганновер упал, сраженный в грудь комком глины. Мальчишки и девчонки визжали, вопили от восторга: победа была на их стороне. Немедленно было решено, что в наказание Ганновер и Фаззи должны пересечь дорогу, попрыгать несколько секунд в канаве, а потом проползти обратно через водопроводную трубу, и все это надо было успеть сделать, пока противники сосчитают до двадцати пяти. Семилетняя шалунья неожиданно подбежала к Ганноверу и быстро поцеловала его в щеку; потом Ганновер и Фаззи бросились к водопроводной трубе и, извиваясь, словно ужи, поползли вперед, чтобы успеть добраться вовремя до противоположной стороны дороги раньше, чем прозвучит «двадцать пять». В этом и заключалась игра, впрочем, так играют дети во всем мире.

Но то, что произошло потом, оказалось самым зловещим из всего, что может случиться на Юге США. Темнокожие и белые дети невинно играли вместе, как члены одной общей человеческой семьи. Казалось, они забыли о том, что негры должны оставаться на своей стороне — в черном гетто, а другие — на стороне белых господ. Лишь на мгновение, когда девочка прикоснулась к щеке Ганновера, его сердце тревожно забилось. Но он отогнал от себя невольный страх, вспомнив, что они почти «друзья» и играют вместе уже не в первый раз. Что касается нарушения границы «белой земли», то оба они — и он и Фаззи — иногда ступали на эту землю на короткое время, не понимая того, как может обычная черная земля людям казаться белой!

Перебегая через пыльную, залитую солнцем дорогу, чтобы исполнить требование победителей, негритянские мальчики и не подозревали, что между ними и их товарищами по игре возвышается чаща джунглей, в которых дикие звери выслеживают жертву.

В этот вечер отец девочки выпытывал у нее историю всего происшедшего. Он требовал еще каких-то неведомых ей подробностей. Потом он собрал своих друзей. «Черномазые играли сегодня с нашими детьми, — сказал он. — Один из них поцеловал мою дочь и заставил ее сделать то же самое. Его надо линчевать, нечего с ними церемониться! Медлить больше нельзя...» Передавали, что он предлагал линчевать не только мальчиков, но и их семьи... за плохое воспитание детей.

Приятели отца девочки были того же мнения. Но они решили на время отложить веревку и прочие орудия линчевания и сначала обратиться к полиции. На полицейских можно было положиться: они воздадут «преступникам» по заслугам и восстановят «торжество справедливости».

Полиция подъехала ночью в полном вооружении к дому Ганновера Томпсона — целых шесть грузовиков! Мать Ганновера вышла им навстречу из своей ветхой хижины тоже в полном вооружении — семью малолетними детьми! Муж бросил ее, и эта женщина пыталась прокормить своих детей на жалкие гроши, которые негритянка может заработать на Юге поденной работой. Разумеется, она понимала, что предвещает этот набег: линчевать, утопить, изувечить могли не только ее сына, но и остальных детей, а может быть, и соседские семьи. Погром мог разрастись, как пожар, и продолжаться неделями, оставляя после себя ужас и смерть.

Избив дрожащего от страха Ганновера, полицейские бросили его в машину и уехали. По дороге они остановились у лачуги матери Фаззи Симпсона. Там произошло то же самое — разница была лишь в том, что мать Симпсона была вдовой и на ее руках было всего лишь пятеро детей. Полицейские надели на мальчиков наручники и привезли в городскую тюрьму, где, не предъявляя никаких обвинений, продержали их шесть дней в строжайшей изоляции.

Несмотря на страх, вызванный ночным налетом, матери мальчиков решились на смелый шаг, на который не рискнули бы несколько лет назад. Они обратились за помощью к руководителю Национальной ассоциации содействия прогрессу цветных в графстве Юнион — организации, борющейся против произвола и беззаконий, совершаемых над неграми в Соединенных Штатах.

Человек, к которому обратились эти женщины, и сам недавно претерпел немало притеснений со стороны белых. Роберт Уильямс, сильный, энергичный, жизнерадостный человек, машинист по профессии, в прошлом моряк, сражавшийся на войне против фашизма, решил сосредоточить деятельность своей местной группы на вопросах, волновавших негритянских издольщиков в графстве Юнион, Северная Каролина; их-то он и решил привлечь прежде всего в эту организацию, а не только состоятельных негров, служащих и коммерсантов, как это было прежде. Уильямс попытался было найти работу машиниста, но получил отказ: профессия машиниста считалась «недопустимой» для негра. Он временно устроился на текстильной фабрике, в двадцати пяти километрах от Монро. Вскоре к хозяину фабрики явилась вооруженная группа белых, и на следующий день Уильямса выставили за ворота. Он, впрочем, уже знал, что на большинстве предприятий Юга неграм запрещается заниматься квалифицированным трудом, таким, как текстильное дело. Их удел — прислуживать в домах белых, заниматься домашним трудом, собирать табак и хлопок под палящим солнцем за жалкие гроши.

За месяц до того, как мальчики Ганновер Томпсон и Фаззи Симпсон были заключены под стражу, Роберт Уильямс подал заявление о приеме двух своих сыновей в начальную школу для белых. На следующий день в городской газете появилось огромное объявление, оплаченное ку-клукс-кланом. Крикливый заголовок гласил: «Пробудитесь, белые! Объединяйтесь с нами в борьбе против коммунизма!» «Преступная коммунистическая деятельность» Уильямса заключалась в том, что он попытался дать своим детям нормальное образование! Посыпались телеграммы, письма, телефонные звонки с угрозами «линчевать, застрелить или изувечить» Уильямса и его детей.

Правители городка рассчитывали запугать этого человека, вынудить его покинуть город или просто уморить голодом... Но этот могучий великан весом в сто килограммов был не из пугливых...

Дэвид (Фаззи) Симпсон (слева) и Ганновер Томпсон.

«Насилие над белой» — так формулировалось обвинение, выдвинутое против мальчиков. Отец девочки заранее научил дочь, какие показания ей давать на суде. По воле белого человека происшедшее можно было представить как «попытку к изнасилованию» — самое распространенное и страшное из ложных обвинений, по которому многих негров в Соединенных Штатах мучают, кастрируют и убивают на электрическом стуле. Три подобные провокации — убийство Вилли Мак Ги, семерки из Мартинсвилла и процесс над юношами из Скотсборо — вызвали гнев и возмущение во всем мире. По счастливой случайности, мальчикам из Монро было всего лишь восемь и девять лет...

Пока дети шесть дней находились в тюрьме, полицейские и стража, неотлучно находившиеся при них, угрожали детям, издевались над ними. Самая «забавная шутка», как выяснилось впоследствии на суде, была проделана ими в ночь на 31 октября, в канун осеннего праздника всех святых. В темноте перед детьми неожиданно появился полицейский, одетый в страшный белый саван ку-клукс-клана. Обезумев от ужаса, дети пытались выпрыгнуть через решетки окна. Полицейские обладали поистине большим чувством юмора...

Матерям мальчиков разрешили присутствовать на суде. Но их известили об этом за десять минут до начала заседания. Разумеется, у них не было времени для того, чтобы нанять адвоката, а их другу Роберту Уильямсу было запрещено даже сопровождать их. Преступление заключалось в поцелуе — иными словами, «в насилии над женщиной» — и усугублялось еще одним страшным и беззаконным: насилие было совершено на «территории белых»!

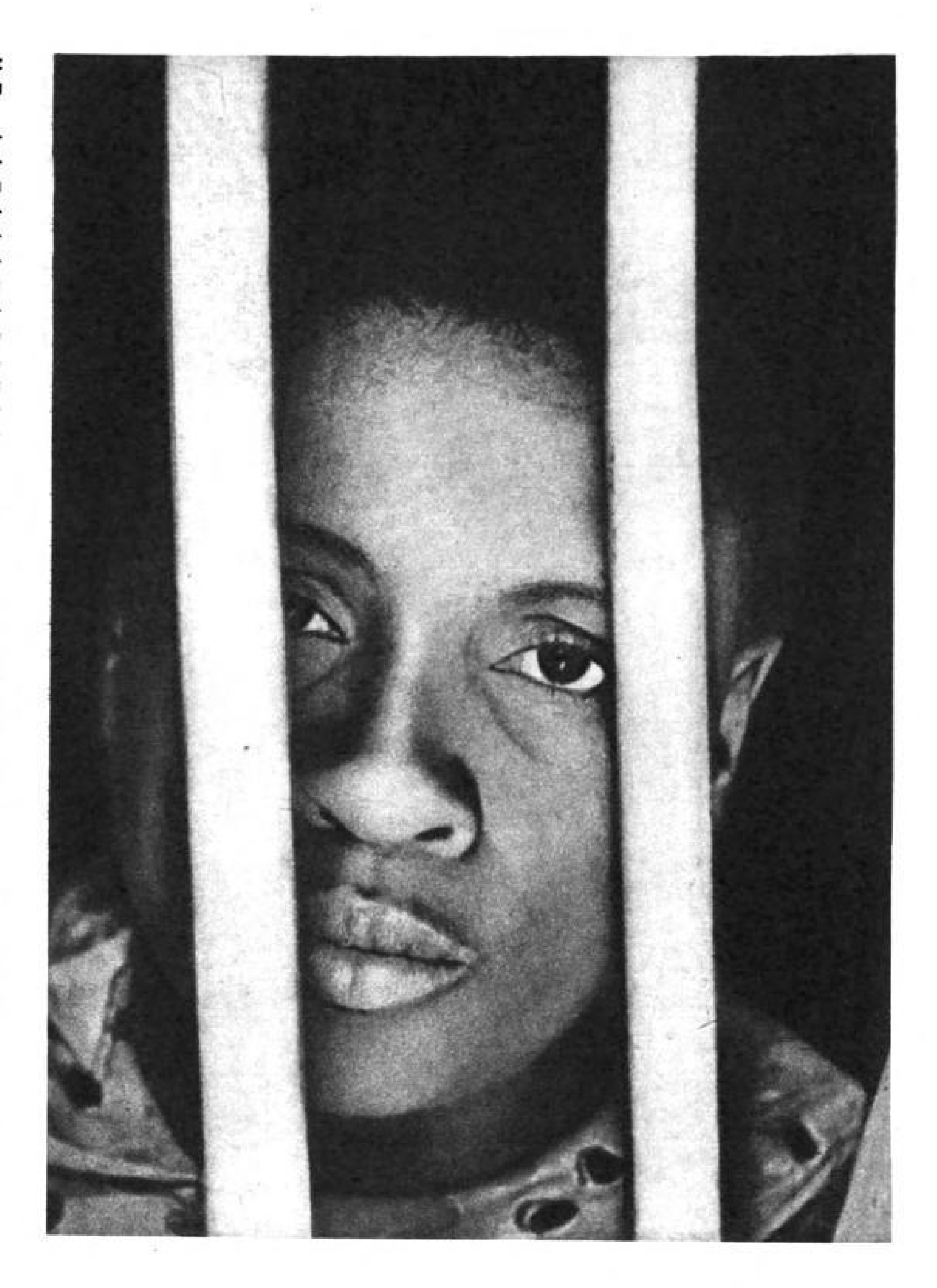
Крепко уцепившись за руки матерей, ошеломленный Ганновер Томпсон и дрожащий от страха Фаззи Симпсон слушали приговор — исправительная колония на неопределенный срок. Судья великодушно добавил, что если они будут хорошо вести себя, то, возможно, их освободят до того, как им исполнится двадцать один год. Свидание с матерями разрешалось раз в месяц. Вот и все. Заседание было объявлено закрытым.

Но в течение всех этих дней Роберт Уильямс не бездействовал. Заручившись согласием матерей мальчиков, он связался с центральным отделением Ассоциации содействия прогрессу цветного населения и другими активными группами белых и негров Юга и Севера. Они организовали комитеты борьбы и предали дело публичной огласке. Сам Уильямс писал, выступал с речами и предпринимал поездки по Северу и Западу. Впоследствии судебные органы дали понять, что своими действиями Уильямс совершает... «предательство» в отношении суверенного штата Каролина!.. Уильямс ответил, что его действия были направлены на «восстановление справедливости в социальных джунглях, именуемых американским Югом».

Одна большая газета на севере Соединенных Штатов предала гласности всю эту гнусную историю. Другие газеты подхватили ее, и в течение всего судебного процесса внимание американской общественности было приковано к судьбе детей. Это помогло спасти мальчиков и их матерей.

Со всех концов страны посыпались протесты — протестовали педагоги и духовенство, рабочие и фермеры. Вскоре небольшой городок Монро с населением в двенадцать тысяч жителей стал известен не только в Америке, но и далеко за ее пределами. Особенно волнующими были страстные выступления детей и молодежи. Они присылали возмущенные письма и телеграммы, звонили по телефону; действовали поодиночке и сообща. Молодежь зарубежных стран присылала тысячи петиций с требованием освободить мальчиков.

Волна возмущения из Европы, Латинской Америки, Азии докатилась до губернатора Северной Каролины, до американских посольств за рубежом и даже до Белого дома. Дело получило огромный международный резонанс. Правители штата Северная Каролина в течение месяца непрерывно поджаривались на огне публичного возмущения. По словам Роберта Уильямса, «им пришлось не по душе всеобщее внимание, которое в последнее время обратил на себя город Монро. Здесь в свое время был учрежден специальный комитет для привлечения промышленников с Севера с тем, чтобы они могли использовать дешевую рабочую силу. Белым правителям, разумеется, было невыгодно отпугивать бизнес». Газета «Шарлотт обзервер» (Шарлотта — центр текстильной промышленности Юга) протестовала против суда над мальчиками. «Речь идет о детях нежного возраста,— писала газета.— Это всего-навсего дети. Они продукт среды, которая их окружает, которая создана не ими и которую они не в силах изменить».

Графство Юнион не самое «худшее» графство в Северной Каролине, если говорить о расовой ненависти и насилиях, а этот штат не самый «худший» в США. События, происходящие в Миссисипи, Джорджии, Арканзасе, Алабаме, запятнали имя американского Юга для грядущих поколений. В сравнении с глубоким Югом Северная Каролина слывет даже «либеральным штатом»; в прошлом ее населяли пионеры, простые люди шотландско-ирландского происхождения, подвергавшиеся гонениям. Но в наши дни бессмысленно сопоставлять летописи прошлого и измерять, кто менее и кто более повинен в этом позоре.

Насилие и произвол над неграми царят по всей Америке, хотя на Юге гнет проявляется в наиболее страшной и драматической форме. Там с большей откровенностью дискриминацией негров пользуются как орудием государственной политики. Восемнадцать миллионов негров живут в таких же условиях, какие Гитлер создавал для «низших рас»,—таких, как славяне или евреи. И негры Америки живут в таких условиях более двухсот пятидесяти лет!

Негра оскорбляют, мучают, калечат, убивают за то, что он не сказал «да, сэр»; за то, что он попросил бутылку пива в ресторане для белых, не снял шляпу при виде белого, осмелился бросить взгляд на жену или сестру белого человека или на его дом; за то, что он хочет участвовать в выборах; за то, что он ищет работу или получает работу не там, где следует; за то, что он вступил в профессиональный союз; за то, что он грамотен или безграмотен; за то, что пытается ступить на «белую землю», занимается спортом, совершает прогулки — словом, за то, что он живет, любит, умирает!

В самом конце апреля американские газеты сообщили о том, как в городе Поплервилле был замучен линчевателями 23-летний негр рабочий Мак Паркер — толпа в масках вытащила его из тюрьмы, где он сидел по ложному обвинению все в том же «изнасиловании белой женщины».

Правящие круги США, терроризируя восемнадцать миллионов негров, хотят иметь под рукой огромный резервуар дешевой рабочей силы, иметь козла отпущения, на которого в минуту экономических или социальных трудностей можно свалить любую вину. Путем сегрегации правителям удается разобщать рабочих, белых и негров; сея между ними недоверие, страх и ненависть, правители рассчитывают отсрочить неизбежное объединение действий масс, направленное на достижение равенства, мира, экономического и политического прогресса.

Но в негритянском вопросе больше не царит спокойствие кладбища. Американские негры, как никогда раньше, полны боевого духа, и в этом они встречают поддержку простых американцев.

Уродливая, громоздкая махина белого превосходства начинает шататься, и негры в содружестве с белыми будут раскачивать ее до тех пор, пока она не рухнет и не развалится вдребезги...

После четырехмесячного пребывания в исправительной колонии Ганновер Томпсон и Фаззи Симпсон были наконец возвращены своим матерям. Но и до сих пор дети все еще находятся под «государственным надзором».

Может случиться так, что Ганновер и Фаззи снова отправятся к той же канаве с водопроводной трубой, где они однажды играли погожим мирным днем. Негритянский мальчик Ганновер так и не сможет постигнуть, почему родители девочки с такой жестокостью заставили ее говорить ложь об их детской игре. Может быть, он долго еще не сможет больше с открытой душой относиться к белым. Но что он совершил дурного? Почему он беден и отвержен? Потому, что у него черная кожа?

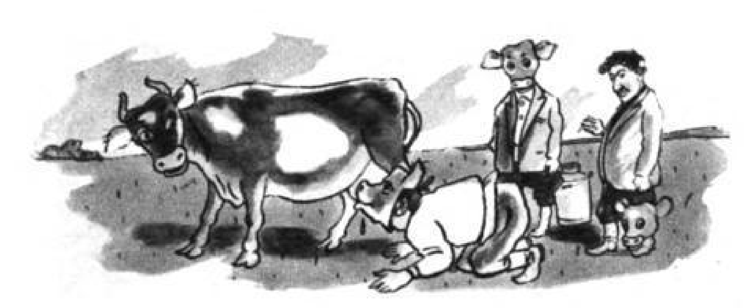
Боль и горечь долгое время будут гнездиться глубоко внутри, под гнетущим страхом. И только став взрослым, через много лет, он обретет способность найти ответ на эти проклятые вопросы и вступит на путь борьбы за свободу. Разумеется, он будет не в одиночестве: черные и белые друзья помогут ему.

Освобождение Ганновера и Фаззи — большая, окрыляющая победа. Она умножает число славных побед, добытых с помощью боевого и организованного протеста. Она придает силы и уверенность каждому негру в Америке и каждому честному американцу. Ради этого стоит бороться, стоит жить.

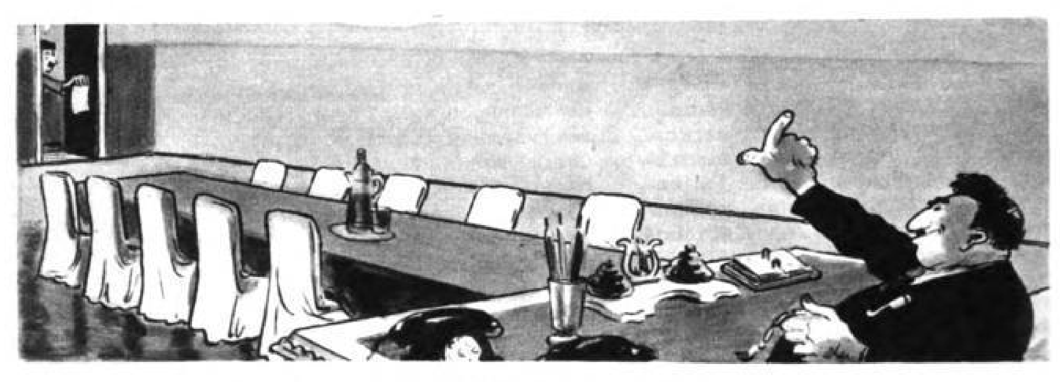
По страницам журнала «Кирпи» («Еж»).

Азербайджанский ЮМОР

«На вид, кажется, теленок, а сосет, как заведующий фермой».

Рисунок Наджафкули.

ДАЛЬНОВИДНЫЙ НАЧАЛЬНИК

— Все ясно, несите на подпись моему заместителю.

Рисунок П. Шандина.

Пора прикрыть эту лавочку!

Рисунок Наджафкули.

Лиса: «Только не пишите в акте о бензине, я его не пью!»

Рисунок З. Керимбейли.

— Сними галстук, а то мулла не примет наш дар.

Рисунок З. Керимбейли.

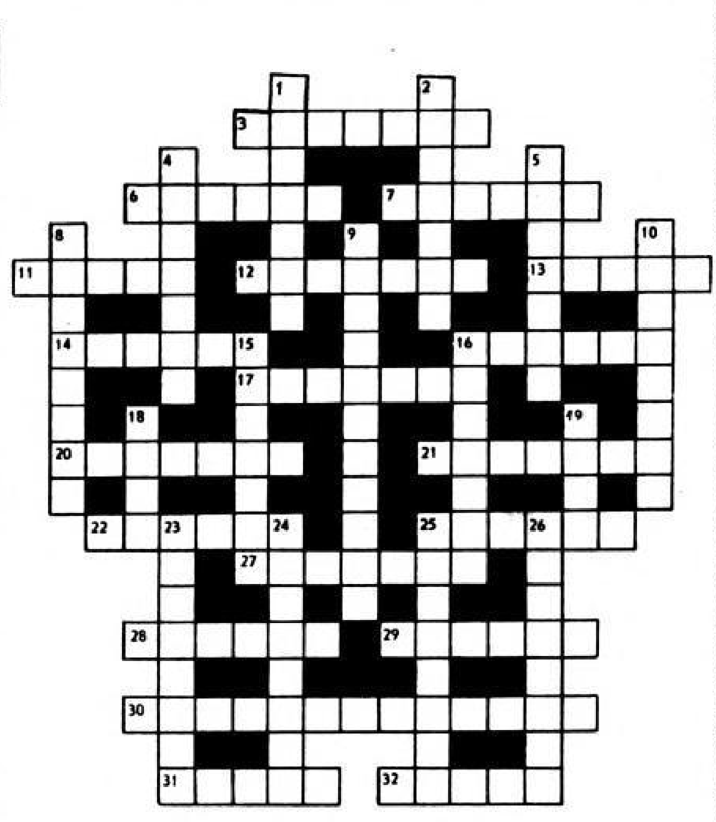
КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Один из островов в Японии. 6. Драгоценный камень. 7. Литовский поэт. 11. Роман Г. Николаевой. 12. Конструктор автоматического оружия. 13. Старейший ледокол. 14. Дарование. 16. Плотная хлопчатобумажная ткань. 17. Пустыня на севере Чили. 20. Редкоземельный элемент. 21. Рубеж. 22. Дощечки для настилки полов. 25. Автор романа «Воспитание чувств». 27. Игрок футбольной команды. 28. Персонаж пьесы А. Корнейчука «Платон Кречет». 29. Орудие лова рыбы. 30. Коренное переустройство. 31. Приспособление для обработки изделия. 32. Приток Чусовой.

По вертикали:

1. Сильный северный ветер. 2. Ансамбль из пяти исполнителей. 4. Степная рысь. 5. Горная система в Европе. 8. Хвастун в романах французского писателя. 9. Прибор для определения удельного веса молока. 10. Народное гулянье. 15. Русский историк и географ. 16. Танец. 18. Город в Белоруссии. 19. Знак препинания. 23. Консультант. 24. Растение, которое используется для изготовления камышита. 25. Основное население одного из европейских государств. 26. Участок речного потока.

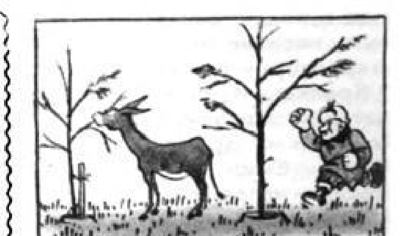
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 20

По горизонтали:

6. Валентность. 7. Гидролакколит. 10. Лидум. 13. Разин. 15. Капитан. 17. Болт. 18. Окоп. 19. Река. 20. Штык. 21. Коми. 22. Олег. 23. Онтарио. 26. Мимас. 28. Каюта. 29. Исследователь. 31. Пролонгация.

По вертикали:

1. Цайдам. 2. Реторта. 3. Утка. 4. Токката. 5. Столяр. 8. Филология. 9. «Риголетто». 11. Устрица. 12. Риксдаг. 14. Апокопа. 15. Какао. 16. Нетто. 24. Новелла. 25. Исфахан. 27. Сестра. 28. Кредит. 30. «Огни».

В сад зашел осел...

Рисунок А. Купиева.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33, Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67, Фото— Д 3-35-48, Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 03341. Подписано к печати 13/V 1959 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 500 000. Изд. № 766. Заказ № 1125.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина, Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Геологи в горах Кабарды. Фото С. Фридлянда.

Озеро Иссык в Казахстане. Фото Я. Босина.

